

Наум Ним

ПАССАЖИРЫ

Хроники новейшего времени

①
ЛИМБУС ПРЕСС
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
МОСКВА

Наум Нил
ПАССАЖИРЫ

Хроники новейшего времени

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург • Москва
2006

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Н 67

Наум Ним

Н 67 Пассажиры. Хроники новейшего времени. – СПб.:
ООО «Издательство «Лимбус Пресс», 2006. – 368 с.

Преуспевающий провинциальный предприниматель в результате нелепого стечения обстоятельств попадает в тюрьму. Дело поручено «раскрутить» новому следователю, временно сосланному в глубинку, чтобы пересидеть столичный скандал, в котором он принял невольное участие...

Наум Ним – главный редактор журналов «Индекс» и «Неволя», писатель, не уходящий совсем в сторону от своей излюбленной тюремной темы. Поэтому его роман «Пассажиры» можно, в частности, читать и как своего рода пособие по оптимальному (а главное – достойному) поведению на допросах или в тюремной камере.

ISBN 5-8370-0429-7

© ООО «Издательство «Лимбус Пресс», 2006
© А. Веселов, оформление, 2006

І. КИРПИЧ НА ГОЛОВУ

1

По вызову сотрудников правоохранительных органов обязательно приходите с адвокатом. Всегда. И – только на допросы, очные ставки и прочие процессуальные мероприятия. А на всевозможные «беседы», «встречи», «разговоры» вовсе не приходите – ни с адвокатом, ни без него. Если же, например, вам почему-то очень не хочется огорчать приглашающего вас человека (допустим, это – женщина) – пошлите цветы, но сами – ни-ни. Особенно в пятницу. А уж в пятницу 13-го...

Из лекций А. Столпина слушателям практического спецкурса «Тюрьма-тур» Школы молодого дельца.*

Это надо же быть таким кретином! Провели, как последнего лоха (Александр Михайлович, зайдите, пожалуйста, в прокуратуру... буквально на пять минут... надо посмотреть фотографии подозреваемых...) – обули по полной...

Точнее было бы сказать – разули.

Без шнурков, галстука и ремня, с выпотрошенными карманами и враз опустошённой жизнью, ещё час назад до предела забитой неотлож-

---

* Эти лекции начались через семь лет после событий, описываемых в настоящем тексте.

ными делами, Александр Столпин метался по камере предварительного заключения (КПЗ) в подвальном этаже старинного жёлто-белого особняка.

Он не запомнил ни пути сюда по петляющим коридорам, ни уступающих дорогу людей – ничего. Лязг многочисленных дверей, наручники – бред!.. Столпин не мог поверить, что всё происходящее – происходит с ним наяву. Конвоир что-то убедительно шептал в спину между своими же отрывистыми командами «налево», «направо», «лицом к стене». Сейчас Столпин вспомнил этот жадный и трусливый шопот: конвоир предлагал сходить, куда Александр Михайлович скажет, и принести-передать всё, что Александр Михайлович пожелает. «Не сомневайтесь – сделаю всё, что надо». Столпин и не сомневался – он просто не слышал. Он вывалился из действительности, и только окостеневшая привычка держала его лицо непроницаемой маской.

Оставленный в камере наедине с собой, он сразу же закружил по ней зверем, забитым в клетку. Но вконец не распустился – вспомнил о дверном глазке и замедлил свои круги, затолкал внутрь все звуки и восклицания. Только усмирив себя, он почувствовал невыносимую вонь. Столпин оценивающе рассмотрел грязный угол с издряхлевшими в ржавь унитазами и раковиной под протекающим водопроводным краном и мысленно примерился к этим удобствам. От этого он чуть было не впал в буйство.

Ему захотелось броситься к двери и стучать... звать, просить, требовать...

Что? Чтобы его немедленно отпустили? Чтобы ему предоставили подходящие условия? Чтобы остановилось это невозможное кино и вернулась его жизнь?

То-то следователь Муравьёв порадуетса его воплям и мольбам. А в оконцовке пошлёт так же, как тот муравей ту бедную стрекозу...

Столпин сцепил зубы и заставил себя воспользоваться камерными неудобствами, но дыхание при этом задерживал, сколько хватало лёгких. Воду в кране он предусмотрительно оставил открытой, чтобы лишний раз не хвататься за все эти стафилобациллы...

Если бы каким-то чудом вернуться назад – не через немислимые толщи времени, а всего-ничего – в 16 часов сегодняшнего дня... даже в 16:35.

Именно в это время Столпин, гнавший успеть до конца рабочего дня (обещал ведь!), приткнул свою новёхонькую «ауди» к кованой ограде, за которой в загустевающих сумерках всеми своими зубами-колоннами празднично щерила пасть Областная прокуратура. Табличка у тяжелой двери извещала, что здание является памятником архитектуры XIX века и охраняется Министерством культуры.

Дурдом! А может, прокурорское искусство и есть наше главное культурное достижение?

О-бль, банковские документы в машине! Да и сама машина! Ведь сгрябчат – все как есть

сгрябчат, пойдя потом доказывать. Надо срочно позвонить, чтобы забрали тачку...

Мобильника, конечно же, не было. В карманах всего-то и было, что носовой платок да пахучая «Монтекристо», выкинутая при шмоне из своего серебристого футляра. Столпин зловеще улыбался, покручивая шуршащую сигару, и представлял, как сладко он отомстит вскоре своим обидчикам.

Можно, например, организовать так, чтобы во всех сортирах этого памятника культуры вместо вечно отсутствующей туалетной бумаги появились специально приготовленные рулончики стеклоткани. В том, что туалетная бумага отсутствует, Столпин убедился в свои прежние посещения прокурорского стойбища. Воруют они её для домашних надобностей или экономят ради каких-нибудь спецпремий?.. В общем, при такой бережливости стеклоткань непременно пойдёт в дело. А если ещё через их отвратительную столовку травануть всю эту кофлу в оглушительную диарею...

Нет, этого не достаточно. Прикольно, конечно, но и только. У них хватает, если не ума, то осторожной оглядки, чтобы не раздувать из своих смертно зудящих задниц скандал какого-нибудь террористического акта. А значит, не будет ни сюжета по телевидению, ни публикаций, и в общем посмешище эту хохму не превратить – так и останется тишком за глаза. Мало...

Лучше этот пасьянс праведной мести аккуратненько разложить с Мироном, давним столпинским компаньоном по лихим авантюрам.

Мирон сумеет подкатить, мол, как я вам благодарен: Столп, мол, теперь будет тише мыши, а то ведь зарвался – дальше некуда, и вы – такой молодец, что – по башке его... такой молодец. Давайте, мол, это отметим... И вот уже следователь областной прокуратуры Муравьёв каждой сизой клеточкой своего хилого тела оттягивается в баньке загородного столпинского клуба. О подобной роскоши вчера ещё он мог только мечтать. Его испаутиненная венами кисть тянется к загорелой заднице молоденькой официантки, но после секундного раздумья меняет направление и потерянно замирает над разносолами праздничного стола. Глазами бы он всё это... включая и двух официанток, одетых в одни лишь мини-фартучки... Как поздно всё к нам приходит!

И действительно, поздно: в дверь шумно ломится камуфляжная охрана – с перепоя да перепуга попробуй отличи их от какого-нибудь ОМОНа!.. Тут уже с запутавшимся в огромном полотенце и потерявшим голову Муравьёвым можно делать всё, что угодно. Можно, как бы спасая от неприятностей, затолкать его в холодильник. А ещё лучше – в стиральную машину. И запустить на чуть-чуть. Потом остановить, дать полюбоваться через иллюминатор на Столпина и хохочущего Мирона в окружении голозадых девочек и – запустить по полной, с кипя-

чением... Итак, сначала на чуть-чуть. Пожалуй, трёх минут хватит. Лишь бы не отрубился – иначе от празднества мести не будет никакой радости. Пусть лучше – две минуты. Столпин взглянул на хронометр...

Естественно, никакого хронометра на его руке не было. Да и самого времени тоже не было. То время, в котором он привык жить, которое заполнял доверху не делами даже, а как бы неостановимой погоней за ними же – за ускользающими мгновениями и ускользающими с ними удачами, – это время унеслось дальше и уже без него. Оно стряхнуло с себя Столпина, смахнуло его, как и он ранее смахивал на потом разные свои сомнения, опасения или отзвуки другой правды, несовместимой с ясными резонами этой его жизни вперегонки...

Вот, кажется, и наступило это «потом», но Столпин ещё не был готов этого осознать. Его мысли беспорядочно кружили, цепляясь за привычную ему жизнь в привычном времени, и сам он беспорядочно кружил по пустой камере, не прикасаясь к её грязным стенам, не присаживаясь на дощатый настил, устроенный в виде подиума у дальней от дверей стены, под высокой и мутной амбразурой уже потемневшего за железной сеткой окна. То ли он суеверно опасался, что любым лишним прикосновением к предметам этой невозможной реальности будет всё прочнее и безысходнее переселяться в неё, то ли просто-напросто оберегал свой дорогой кос-

твом, который уж точно был рождён и предназначен не для этого глухого мира.

Сейчас он должен был быть на приёме у губернатора (интересно, что, подумав об этом, Столпин вначале имел в виду не себя, а свой костюм). Областная знать на этих приёмах в меру не слишком живой фантазии корчила из себя московское высшее общество (как она его представляла по страницам глянцевого журналов и в снисходительных пересказах гордых очевидцев). Получалось не очень. Но и это было бы вполне терпимо, если бы губернаторша не стала своей властной ручонкой насаждать вокруг себя культурное общение. В результате зал для приёмов по своей непринуждённости напоминал зал траурных церемоний, а непременный вокальный ансамбль мальчиков из музыкального училища ещё более подчёркивал это сходство. Вот если бы это и действительно была траурная церемония прощания с губернаторшей – тогда здорово. А пока гости впадали в транс провинциальной респектабельности, и вывести их из этого состояния не могла даже купеческая роскошь накрытых столов. Оживление наступало к окончанию мероприятия, а расходился народ – освобождённо вдыхая подмороженный колючий воздух в те несколько шагов, которые надо было пройти до лимузинов, – шумно и весело; и ещё полночи шла гульба в клубах да ресторанах. А если не врут календари и от поминания не-

добрым и крепким словом действительно нападает икота, то губернаторше нужно бы посочувствовать (но только никто не сочувствовал, а, наоборот, каждый – всё поминал да поминал). При этом не получить приглашение на очередной губернаторский приём было бы самой страшной бедой для любого из охальников, и каждый знал (ну, догадывался), что всякое его крепкое словцо (а остроумное – так и непременно) будет доложено кому следует. Нет, не безудержное вольнодумство вселялось на эти часы в областную элиту. Они всласть отыгрывались за свою стыдную подчинённость, зная, что в понедельник губернатор (отыгрываясь за что-то своё) передаст жене все полученные донесения, а ещё через месяц губернаторша отыграется на всех за какие-то свои вечные и новые обиды.

Хорошо, что сегодня Столпину не пришлось крутиться на этой балаганной карусели.

Хорошо? Что тут хорошего! Какой-то урод запер его в грязной клетке незнамо насколько...

Интересно, когда его хватятся? Сидеть и надеяться, что этот вобластый опричник действительно позвонит жене и адвокату? И где этот адвокат – где его, гада, носит, когда он должен быть здесь?!

Столпин понимал, что его ярость несправедлива: незаметный и услужливый Борис Семёнович, улетаая в Москву, трендел и трендел по телефону, убеждая, что Столпину не следует ходить к следователю Муравьёву, пока тот не

вызовет его официальной повесткой! *. (И даже думать нечего: пусть вы уже ходили туда сто раз, но и в сто первый всё должно быть оформлено так, как положено по закону)... Тогда Бомёныч довёл Столпина до белого каления – сорок минут одно и то же! И ведь не сбить старпеня – ничем не сбить. Выслушает и ровно с того места, где его перебили, нудит дальше... Даже жена не могла так довести Столпина.

Он давно бы уже расстался с невыносимым стариканом, если бы не одна странность оплешивевшего правоведа. По непостижимому вывиху судьбы Борис Семёнович оказался ценителем сигар и знатоком всего, что только может быть связано с сигарами. Это была его страсть, и малейшим прикосновением к ней Бомёныч преображался. Он сходу переставал заикаться, бекать и бляеть. Он и становился сразу более внушительным, и выглядел не обтёрханным адвокатишкой, а эдаким вальяжным снобом от юриспруденции. Если бы в судах ему надо было защищать производителей или курильщиков сигар от нападков любителей здоровой жизни, он бы не проиграл ни одного процесса...

Столпин представил, как грумкает дверь камеры и в неё входит Бомёныч (законом ведь положены свидания с адвокатом!).

---

* Пояснения к словам и выражениям, помеченным цифрами, см. в примечаниях на сс. 321–355.

– Что же вы, Александр Михайлович, сигару так измочалили? Сигару, в отличие от женщины, лапать да мять – только портить. Сигара – существо нежное и требует бережного обращения, потому что в ней (опять же – в отличие от женщины) скрыто истинное наслаждение...

Ну, а потом Бомёныч своим занудством, известных ему до скуки и дыр юридических требований, доведёт всех столпинских преследователей до форменной истерики, и они вытолкают старика взащей (хорошо, если вместе со Столпиным).

А ведь в кабинете этого Муравьёва вместе с ними был и какой-то адвокат. В один из моментов Столпин в том кабинете попросту выпал из реальности. Сначала-то всё шло, как обычно:

– Здравствуйте... присаживайтесь... осваивайтесь... как дома... – следователь даже изгибался, пожимая руку², и невольно (а вернее всего, сознательно) провоцировал Столпина к покровительственным интонациям.

– Нет уж – как дома не буду.

– Зря-зря – не хоромы, конечно, но по мне так лучше к хоромам и не привыкать, чтобы потом... – Муравьёв шебуршил бумагами. – Ну, чайку?

– Нет-нет, сегодня спешу. Давайте свои фотки и – разбежались...

– Да ладно – что там смотреть... У меня для вас, Александр Михайлович, сюрприз... Вы теперь, извиняюсь, – подозреваемый.

– То есть вы стали меня в чём-то подозревать? Ну и на здоровье. Я, знаете ли, и сам иног-

да становлюсь до невозможности подозрительным. Но потом проходит. Излишняя подозрительность мешает настоящему делу.

– Ну, не скажите – нашим делам не мешает.

– Так я же о деле, а у вас разве есть настоящее дело? – у вас дела-а...

– Вы, Александр Михайлович, всё-таки не понимаете. Я вам официально заявляю, что вы являетесь подозреваемым – это ваш процессуальный статус. Вы не хотите в качестве подозреваемого что-нибудь заявить или показать?..³

– Я хочу заявить, что вы сбрендили, или даже – ебанулись. А показать? – мог бы и показать, да лень расстёгиваться...

– А вот хамить⁴ не советую – боком выйдет⁵. У вас как у подозреваемого есть свои права и обязанности. Например, вы можете давать показания, заявлять ходатайства... У вас будет время подумать и, может быть, вам придёт что-либо в голову, – никчемный клерк на глазах превращался из угодливого муравья в цепкого паучка и с любопытством следил сейчас за Столпиным, настолько обалдевшим, что и не замечал ещё раскинутой вокруг себя паутины.

– Мне некогда, – разъярённый Столпин отодвинул стул, – но я вас найду в самое ближайшее время, и вы узнаете, какие у меня права и...

– Вам уже некуда спешить, Александр Михайлович. И искать меня вам не надо – несколько минут – и конвой вас доставит прямо ко мне...

Сейчас Столпину казалось, что паучок чего-то от него ждал... подталкивал к чему-то быстрыми своими взглядами в упор, но тогда Столпин от неожиданности происходящего оказался в какой-то умственной отключке. Он заблажил что-то несусветное про адвоката⁶ да про Конституцию, и ему скоренько привели ручного серого ублюдка – тихого, с шелестящим шепотком. (Подпишите, Александр Михайлович. Это протокольчик о задержании – всё законно. Вот я подписываю при вас, что вы отказываетесь...)

«Протокольчик»! Ему это – протокольчик. А потом – наручнички и решёточки... Ах, гниды – всё у них так друженько и всё по закончику. Тут мало выстирать одного Муравья. Тут надо что-то специальное...

* * *

Там же, на пруду, вблизи своего загородного клуба Столпин с приятелями сладостно готовили мстительную потеху. (Какой пруд в декабре? Ну пусть это будет потом – весной.) Голый землистый адвокат (Как его зовут? Да чёрт с ним.) своим измождённым телом вполне гармонировал с непрерывно дрожащим сизым Муравьёвым. Публика стояла на берегу, а артистов вели к воде. Там широкой клейкой лентой каждого туго спеленали сплошняком от груди и вниз – не согнуться, не развязать, только резать! – и поставили их стоймя в резиновую лод-

ку, которую медленно погнали на глубину. Ни адвокат, ни следователь не врубались ещё, что с ними собираются делать, и кричали что-то несвязное про цивилизованных людей и недоразумения, нелепо размахивая руками, чтобы удержать равновесие. Потом, не находя ни в ком ни отклика, ни участия, только улыбались невпопад. На середину лодки бросили один спасательный жилет, но законники продолжали пребывать в полнейшем ступоре, и никак было не определить, кто из них окажется догадливей и ловчей. По сигналу Столпина с берега грохнул дружный меткий залп, превративший лодку в лохматое решето...

– Как славно!...

Столпин обернулся к говорящему. Граф Монтекристо, раскуривая сигару своего имени, хлопал по плечу стоящего рядом Александра Дюма:

– Просто, но как эффектно. А главное – очень поучительно.

– Главное – такими способами вы могли бы сэкономить кучу денег нашего бедного аббата, – ответил писатель.

Столпин засмеялся и, подражая герою своих детских фантазий, достал сигару.

Зажигалки, конечно же, не было...

Первым делом – бросайте курить. Если ваше состояние будет зависеть от наличия курева, то вы будете зависеть от того, есть оно у вас или нет и от всякого, кто вам его может разрешить или запретить. По этой же причине постарайтесь не обзаводиться вставными зубами, очками, линзами и другими протезами. Иначе ваша тюремная жизнь будет недопустимо зависима от расположения к вам ваших тюремщиков, которые имеют право всё это у вас отнимать. В общем, в тюрьму лучше попадать здоровым, а ещё лучше – не попадать туда вовсе...

Из лекций А. Столпина...

Столпин, поёживаясь, сидел на краю настила-подиума, примостившись на собственные зазябшие ладони и перекатывая во рту незажжённую сигару. (Жаль, что оставил пальто на заднем сиденье машины.) Он ещё с брезгливостью прикасался к истёртым неисчислимыми телами доскам настила, но уже оглядывал практичным взглядом своё неожиданное пристанище, примеряясь и к будущим часам жизни здесь, и к тому, что, скорее всего, придётся спать прямо на этих голых досках.

Не так уж и плохо. Мог ведь и кирпич свалиться на башку и – пожалте в реанимацию (или в морг).

Впрочем, в жизненной карусели, крутящей Столпина своими шумными виражами, кирпич был маловероятен. Но он, например, запросто

мог попасть в аварию. Лобешник – всмятку, кабина – гармошкой... спасатели с визжащей болгаркой – жжут! Так что нынешний вариант – вполне...

Захвативший его ранее смерчевой вихрь злобы (раздражения-сожалений-мстительности) прокрутил себе Столпина своими багровыми петлями, покружил и – выбросил без каких-либо повреждений. Столпин давно жил с этой своей природной особенностью: от малейшей царапины вдруг вспенивалась мутная воронка, закладывающая уши и застилающая глаза. И не только свыкся, но и научился с этой стихией управляться: не надо её ни подавлять, ни сопротивляться ей, а, наоборот, следует отпустить всего себя в захватную воронку. Главное – не принимать в этом вихре никаких решений и даже малейшим движением не показать никому, где тебя сейчас носит.

Он давно уже заметил, что дверной глазок довольно часто шуршит, но даже и не шевельнулся к тому, чтобы просигнализировать как-то о желании покурить или о других желаниях (требованиях-несогласиях), – оботрутся.

Интересно, это вертухаи беспокоятся или неутомимый Муравей любит плоды своих трудов? Может, и вся прокуратура в очередь стоит позлорадствовать над уконопаченным богатеем... Плевать!

Сейчас Столпин аккуратненько пересчитывал свои вероятные потери и ещё аккуратнее то,

что точно удастся от потерь уберечь⁷. Вся армия коллег и помощников – от компаньонов до последней уборщицы в бане – конечно же, потянет, что потянется, если он не выкарабкается отсюда через пару дней. Здешняя банда тоже постарается оттяпать с горкой – только тогда их «государево око» зажмурится от радости. (А сколько? Скорей бы Бомёныч вернулся.) А если арестуют? Адвокаты, суды, передачи... Остаётся... – нормально остаётся. От тюрьмы, Всемогущий, не уберёт, но до суммы тоже не доводишь – спасибо и на этом.

Нет, приходится внести поправку. Жёнушка-красавица непременно забегает – засуетится спасти нажитые богатства от разграба, разбазаривая ещё больше, чем сможет ухапнуть на «достойное будущее детей».

Но сначала, конечно, она всласть наиграется в хрупкое мужество, не пропуская ни малейшей возможности снова и снова оказываться в центре лицемерного сочувствия. Таким горем просто грех было бы не воспользоваться. Покружить в тонком флирте, жонглируя утешениями и знаками поддержки, – это именно то, чего ей не хватало... Ах, дурочка-дурочка... И взбрело же ему в голову вытянуть в реальность жизни вечный сюжет о Золушке. Вы думаете, что Золушка, оказавшись во дворце, станет время от времени по привычке хвататься за тряпку или какой-то уют? Шчас! Она будет изощрённо измываться над прислугой, закатывать истерики и обучать прачек глажке, а кухарок стряпне...

Впрочем, как легко можно бы всё наладить, если бы...

Если бы, что? Если бы любила?..

Столпин поёжился.

А сам он любил? Ему казалось, что да, но, может быть, он любил только выдуманную и сотворённую им сказку. Радостно было чувствовать себя волшебником, и этой радости могло бы, наверное, тоже хватить на безмятежную семейную жизнь.

Но однажды, глядя, как тщательно его жена готовит своё лицо к приходу гостей, Столпин пронзительно осознал, что умри он сейчас – и она сможет быть вполне счастлива без него (ну, по крайней мере, так, как она сама представляет себе счастливую жизнь). Без него! – не ощущая ни потери, ни уменьшения жизни – она будет так же тщательно следить за своим лицом, фигурой, одеждой. У неё сразу же появятся новые заботы, наполняющие её жизнь смыслом и удовольствием собой – тем, например, как достойно и благородно она всё вокруг себя обустроивает. Она не разобьёт любимое зеркало, не подурнеет в рыданиях, не ударится в запой или загул – не сделает ничего, что можно было бы объяснить попыткой заглушить или перебить боль потери. Нет, она почувствует не потерю, а возможность каких-то новых обретений. Даже в трауре. Она будет играть в траур, замучает своих стилистов-модельерш-дизайнеров, стараясь выглядеть эффектно и очень прилично – так, чтобы за нею струился шепоток об этом её

мужественном приличии. Невероятно, но она даже будет слышать этот восторженный шепоток вместо ехидных колкостей, которые могла бы услышать на самом деле...

Она будет довольна... и счастлива... и без него!

Вот этого понимания Столпин изжить уже не смог. Тогда он и отделил свою собственную жизнь от выдуманной им сказочной совместной жизни – отъединился. А, может, оттолкнул? отказался? предал? Может и так.

Жажда преданности и недостижимость её часто первыми толкают нас и к разрывам, и к предательствам...

А у кого вообще уменьшится жизнь без него – без Столпина? Кого хотя бы царапнет болью потери, чтоб хоть на раз, на миг один колкой занозой в груди перебило сон, или гульбу, или ещё что?.. Что же это за жизнь, если всю её составляют люди, которые без малейшего ущерба почешут себе дальше уже без него?!

А сам он? От какой потери он чувствовал ущербность всей жизни, что впереди – уменьшение её и себя?

Конечно, близняшки. Жена напрочь укужила их какими-то студиями, учителями, нянечками и гувернантками. Их или не было дома, или они спали. Столпин отстранился и здесь, уклонился от скандалов и споров о правильном воспитании детей, чтобы только не видеть их испуганные глазищи во время таких споров.

Жизнь явно стала меньше без тех весёлых безумств, которые они могли бы безобразничать вместе. Эта ссадина поныливалась постоянно, но Столпин уверенно ждал: дети никуда от него не денутся – подрастут и потянутся к нему сами.

А если он застрянет здесь? Если близняшки очужеют за это время и сами будут отстраняться от него? Если он никогда не сможет избыть свою невыносимую вину за те их горючие слёзы?..

Тогда близняшки плакали в манеже, а вбежавшему Столпину было разъяснено, что детей нельзя приучать к рукам. Они там тупотали босыми ножками, и это было горе, горючей которого не могло быть во всём свете. Они охрипли в своей беде и своих слезах, и он ничего не...

Это было чистое предательство, без дураков... без соломинки даже какого-нибудь оправдания. Этого не исправить. Он и раньше понимал, что ничем нельзя осушить те слёзы, но грел себя фантазией, как когда-нибудь, смущаясь и запинаясь, он что-то такое скажет сыновьям – ну, что он помнит и что сердце его... ну, в общем, больно до сих пор...

Сейчас Столпин осознал, что и этим ничего не поправить. Сами близняшки вряд ли его поймут и уж точно ничего не вспомнят. (Да ладно, отец, что за ерунда.) И ничего нельзя сделать, чтобы избыть тот отчаянный плач о помощи. Некоторые вещи происходят навсегда, и то горе из их числа. А что сами близняшки его и не вспомнят, так это оттого, что все мы, взрослая,

становимся меньше прежнего и уж наверняка – много хуже.

Про себя Столпин точно понимал: хуже. Там, в детстве, укручиваясь с головой в одеяло (Столпин свернулся, поджимая ноги и пытаясь укрыться полой смокинга.), – там он молился самодельными молитвами какому-то самодельному Богу, чтобы никто-никто никогда не умирал (даже противные щиплющиеся старики во дворе, с которыми его дед любил играть в домино). Если попробовать вычислить количественно, то взрослого Столпина стало меньше на всех этих людей, о которых он давным-давно перестал молиться. И очень меньше – на деда, который случайно умудрился подарить маленькому Сашке огромную волшебную страну, куда легко было переселяться ото всех страхов и странностей неправильного взрослого мира. Дед не подстраивался под понимания внука и беседовал с ним такими же непонятными словами, что и со своими доминошниками... да и с тем же хихиком...

Столпин помнил позднюю осень и сборы на прогулку, когда его закутывали в плотную неповоротливость.

* * *

– Ты его ещё подушками обвяжи, – подначивал дед.

– Дед, не гомони – ребёнок после болезни. (А ребёнок потом долго не мог разобраться в

этой путанице: если дед одновременно дед и ему, и маме, то от кого же тогда родилась мама.)

Дед держал Сашку за концы длинного шарфа, а по двору шумно и опасно носились другие мальчишки безо всякой привязи.

– Как с цепи сорвались.

– Им хорошо, – завистливо протянул Сашка, – я тоже не хочу привязанным...

– Все мы привязаны – тем и живём.

– Чем живём? – не отставал Сашка.

– Привязанностью.

– Привязаны к чему?

– К другим людям. К мечтам. А вообще – любовью, но ты это потом поймёшь.

– Любовь, она что – верёвка? – не унимался Сашка.

– Прочней.

– Прочней держит?

– Иногда держит, иногда спасает, иногда души...

– Так её же не видно. Как она держит?

– Не видно, – горестно соглашался дед, – зато можно услышать, если не галдеть всё время, как ты. Прислушаться надо.

– Они вон как галдят, – обижался Сашка, показывая на вольных мальчишек, – и им ничего.

– Так они же – полные оторвы...

– Оторвались от чего?

– Может, и от всего...

– И от любви?

– Не знаю.

– Их что – никто не любит? – не унимался Сашка.

– Их-то любят, но им это сейчас – до фонаря... Значит, оторвались.

Сашка запутывался окончательно и замолкал, но некая важная тайна маячила за непонятными словами деда, и Сашка не оставлял попыток разгадать её. В какой-то момент ему вдруг всё стало ясно. Он увидел, как ладно и правильно устроена жизнь, жалко, что не здесь, а в мире, о котором только он и знал.

* * *

Там жили не очень поворотливые, но страшно симпатичные аалы. Они никогда не болели, никогда не плакали и никогда не умирали. Хоть камнем в него пуляй – ему даже не больно. А всё потому, что каждого из них кто-нибудь да любит и каждый тоже – кого-нибудь любит. И это не просто какое-то сю-сю с мокрыми поцелуйчиками, а незаметная глазу тонкая такая ниточка, прочная до невозможности. Вот по ней от одного аалала к другому и перетекает смелость там, или болеутоляющее, или вообще что-надо. Так они друг друга и спасают. Надо только позвать тихонечко: – Ала-ла! – и сразу почувствуешь, как твои ниточки натянулись и держат тебя – это тебя любят и защитят, потому что иногда вдруг появляются злобные гыки. Гыки налетают шумной стаей для того, чтобы сорвать аалалов с их привязанностей. А это – от зависти, потому что у гыков таких ниточек нет, они

никого не любят, и их никто не спасёт ни от боли, ни от смерти, ни от слёз....

Ул решил на всякий случай проверить, прочно ли он защищён. «Аа-ла-ла» – отозвалось из далёкой дали. Ул укрутился весь в этот голос и притаился в прочной защите. Где-то впереди гомонили гыки, и Ул решил подождать. Он гыков обычно не боялся, но теперь он был один, и лучше было подождать. Про гыков говорили разное. Говорили, что гыки – просто несчастные аалы. Сорвались когда-то со своих голосов и катятся без всякого смысла. Говорили, что они ловят аалов. Потом мучают их, чтобы они отцепились от своих голосов и превратились в гыков, и это у них главный весёлый праздник. Ул совсем не собирался попадать в плен к гыкам и веселить их, даже если они и вправду несчастные оглохшие аалы. Говорили ещё, что гыки считают аалов просто недоразвитыми гыками и ловят, чтобы доразвить до себя. Этого Ул совсем не хотел – кто их знает, гыков, вдруг они и вправду оглушают аалов, чтобы делать из них свободных, наглых и на себя похожих гыков. Кто бы они ни были, но где проходит гык – там становится очень грязно. Он вздохнул, а потом немножко повыл. «А-ал-ла, а-ал-ла», – тянул Ул, и так ему было легче ждать, и вдобавок совсем уж ни капельки не было страшно. Всё-таки глупые эти гыки – так носятся по своей глухой свободе, что может остаться у них одна большая свалка. Но ведь тогда и для аалов останется та же свалка. Всё-таки жуткие

они – эти гыки. Ул не стал больше думать про гыков: ему не хотелось сейчас расстраиваться. Ему надо бы было идти, но Ул боялся...

– Иди, – подсказал Столпин.

Он попробовал подуть, подталкивая крохотного алала, но это у него не получилось. Он дунул сильнее...

Столпин вынырнул из сна, не соображая, где он находится, и всё еще досадуя на робкого Ула. (А совсем скверно, что глупые алалы потянулись постепенно в умные гыки.) Он подобрал сигару (так вот почему никак не удавалось подуть) и, угадав какое-то движение по коридору, снова уселся с независимым видом на край настила. К шуршанию открывающегося волчка он был уже в полном порядке: нога на ногу и сигара во рту – всё, что осталось от внешних атрибутов жизни. (Вот так и уменьшается жизнь, пока не гыкнется напрочь...)

Столпин отыскал прерванную паутинку своих размышлений.

Что он ходит кругами, как робкий алал? Самая горькая его потеря – это потеря не семьи даже, а сказки, которую он и сочинил, и осуществил...

* * *

Почти десять лет назад Столпину пришлось в компании братков мчаться в какую-то Тьму-Сосновку – выталкивать КАМАЗ с водкой, застрявший у местных гайшников.

Буйная зелень лезла напролом из всех трещин разваливавшегося городка, превращая его в зачарованную страну, где замерли в звенящую неподвижность и звуки, и мгновения. Очаровательная девчонка мыла деревянные ворота. Более нелепого занятия трудно бы и придумать (а дожди для чего?), но здесь всё это было куда более уместно, чем помятый внедорожник, бесшумно кативший по вихляющей улочке (не говоря уже о спортивно-бойцовском прикиде пассажиров или о них самих).

Через пару часов, так и не отыскав никого в просевшем особнячке районной милиции (На рыбалке усе – усе тама.), они опять увидели ту самую девчонку, хрумкающую мороженое и бесстыдно ожидавшую чего-то на скамейке у дверей (Столпин всмотрелся в потемневшую табличку.) медицинского училища. Без косынки, в лёгком длинном сарафане, сидя нога на ногу и почти теряя незастёгнутую босоножку с ритмично подрыгивающей стопы, – она снова была удивительно уместна в этой картинке и – удивительно хороша. Единственным её недостатком была невозможная молодость (но это быстро проходит)...

– Ждёте принца?

Она обалдело смотрела снизу вверх на Столпина, чуть приоткрыв рот с забытым в нем кусочком тающего на губу мороженого. Потом сглотнула и облизнула губы.

– Жду.

– Вот я и пришёл.

– Не-е, – она засмеялась и повела рукой с остатками стаканчика в сторону столпинской машины и его спутников. – Не-ет, – повторила она, – так вот... на этом вот и с этими вот – принцы не приходят. Принцы появляются на белом коне, в окружении изящных дам и благородных кавалеров, а это всё – фуфло с понтами.

От неожиданной концовки её речи Столпин опешил, на что она, конечно же, и рассчитывала, весело любуясь его замешательством.

– На белой лошади? – вывернулся он. – Ради вас я бы, пожалуй, дошёл...

А ранним утром следующего дня конная кавалькада артистов гастролирующего в Воронеже цирка – с музыкой и при полном параде – остановилась у тех самых свежевывмытых ворот. И Столпин был, конечно же, – в белом и на белом...

Какой это был карнавал! Даже братки вытряхнулись из своего презрительного ко всему олимпийства и носились нелепыми и неловкими мальчишками, стараясь, чтобы всем вокруг было так же счастливо, как и им. Оказалось даже, что и глаза у них вполне человеческие, а не всегдашние оптические прицелы. (Сколько же сказок они недомечтали и недочитали в своём обгрызенном детстве!) КАМАЗ с водкой был освобождён как-то сам собой – безо всяких усилий, – но очень малая часть его содержимого отправилась потом в обратный путь.

И ещё несколько лет спустя Столпину доводилось слышать всякие легенды, где основой исто-

рии узнавался тот праздник. А однажды охранник Дмитрий (он же браток Митяй), смущаясь, попросил Столпина подтвердить его отбившейся от рук дочке (девочка испуганно выглядывала из-за спины отца), что всё было не так, как она видела в кино, а так, как рассказывает ей отец.

Оказывается, семья смотрела по виду «Алые паруса», а отец семейства, уважающий факты более всего на свете, стал доказывать, что всё было не так и что не какой-то Грей с повадками петуха всё это устроил, а – Александр Михайлович, и не Ассоль, а – Ойля (то есть, Ольга Николаевна, но тогда при знакомстве она сказала: «Нильга Околаевна, ой, Оля», и все её там звали Ой-ля), и никакие не паруса, а – белая лошадь и циркачки в блёстках, и всё это было в Сосновке...

Сейчас такой аттракцион был бы невозможен. Нынче даже любовницу не принято находить, полагаясь на случай (или Бога): только из своего круга, куда многочисленные агентства поставляют их под прикрытием модельеров-дизайнеров-референтов. Жизнь хозяев губернии – такая яркая и свободная завистливым взглядам снаружи – на самом деле плотно опутана неписаными нормами «правильного» поведения. В этом (в том, что ты «свой», такой же, как все) – хоть какая-то гарантия их деловых отношений, которыми они накрепко повязаны друг с другом. Время обогащений, построенных на интеллекте налётчиков, отошло в легенды. Любое

дело теперь опирается на знакомцев того же избранного круга (банк-поставки-таможня-налоговая-реклама-чиновники-лицензии-разрешения), и любые странности сразу же вызывают опасения, быстро переходящие в неисполнение обещаний, нарушение договоров и в итоге – ты уже за кругом. Диссиду мог бы себе позволить только тот, кто сумел бы богатством или властным назначением недогоняемо вырваться вперёд из этого мира губернских небожителей, сплошь поражённого какой-то общей ущербностью. Может, эта ущербность оттого, что интеллект мужчин этого мира практически поголовно взращён нардами, а интеллект женщин – флиртом с этими мужчинами?

Столпин чувствовал, что сейчас он как бы получает право на некоторые собственные странности, и радовался обретению каких-то иных степеней свободы.

Радоваться в КПЗ новым степеням свободы?!

Ну да – он же не собирается надолго и всерьёз застрять в этих застенках.

А на сколько?

Этого Столпин пока не представлял. Он отгонял наивную надежду на то, что вот-вот и – всё само собой благополучно разрешится. Однако надежда упрямо возвращалась, маня в утешение бесплодных мечтаний и перебрасывая сразу в тот миг, когда он отсюда выберется... Стоп.

Знать бы, кто его заказал этому хлопотуну-Муравью. Но это можно будет узнать только с

помощью Бомёныча, да и то – не факт: может, этого он долго ещё не узнает, а может, – и никогда.

Ладно, тогда стоит подумать, что ему собираются (и могут) предъявить. Кто из его знакомцев и про что именно сможет настучать?⁸ А если кто-то уже и настучал, то – о чём?

Пока что Муравей вячил с ним только про квартирный бизнес. Да и Столпин хорош – расслабился в роли почти неофициального третьестепенного свидетеля. Он вспомнил своё снисходительное (барско-покровительственное) балагурство и, кажется, даже покраснел (хорошо, что никто этих его откровений не видел)...

Неужели и вправду на него хотят навесить тех давно упочивших старушек?

Постарайтесь, чтобы вас не поставили в тупик, напомнив о чём-то, что вы сами забыли. Поэтому при первой же возможности вспомните всё, что вам могут предъявить в обвинении: все свои грехи и перед законом, и перед Богом. Выберите то, за что вы никогда не согласитесь отвечать (или – только перед Богом), и то, с обвинением в чём вы готовы согласиться: с чем сразу, с чем – под давлением улик, с чем – полностью, с чем – частично. Выстраивайте защиту, придумывайте оправдания, комбинируйте контрдоказательства, но принятого решения уже не меняйте...

Из лекций А. Столпина...

Из своих сорока почти двадцать последних лет Столпин всё гнал и гнал (за богатством? благополучием? положением?) и ещё несколько часов назад был вполне доволен результатами этой гонки. (А все те растраты, о которых он наново только что вспомнил?) Ну, не полностью, но очень многие могли бы позавидовать (и завидовали).

Получается, что начинал он совсем зелёным и, наверное, по этой причине тяготел к веселому и неподсудному мошенничеству. Местное начальство, не поспевая номенклатурными мозгами за быстрыми московскими переменами, вообще впало тогда в спячку, и приходилось всё время выталкивать его из этого состояния. Например, когда застопорился сбыт компьютеров, он организовал якобы из ЦК телефонный звонок в обком с сообщением, что отныне вся от-

чѐтная документация должна быть в компьютерной распечатке.

Он первым на юге ещё не распавшейся страны организовал контору по выдаче полного комплекта документов, необходимых для регистрации индивидуалов (опять же по примеру столичных новаторов). Потом для них же (для индивидуалов-торбешников) стал изготавливать сверхпрочные баулы, потомков которых можно сейчас увидеть в любом общественном транспорте. Он и играл немного – не теряя головы и не отступая ни на копейку от своей стратегии. Чаще выигрывал. Собственно, стратегия эта была довольно примитивна: он заранее выделял сумму, которую мог себе позволить проиграть, и бесповоротно прекращал игру, либо проиграв, либо выиграв ровно в пять раз больше той суммы, которую выделил на проигрыш. Этот метод он позаимствовал у кого-то из героев Джека Лондона (Мартин Иден?).

Примерно такая же стратегия была у него и в бизнесе. Столпин без сожаления продавал любое начатое дело, если через месяц работы ему предлагали в два раза больше вложенных в дело денег (через полгода сумма должна была быть больше в пять раз, а через год – в десять). Этот метод не изменился, и когда окончилось землетрясное время инфляции (изменилось соотношение время/деньги).

Чем только Столпин не занимался! Варил пиво и делал чипсы, скупал волосы, запускал мини-

пекарни. К нему можно было принести любую идею, и если он брался за новое дело, то автор идеи не отбрасывался в ненадобность, а становился деловым партнёром. (Сколько непризнанных гениев атаковали столпинскую охрану сразу же по выходе из очередного психдиспансера!) Были и неудачи, но они не могли подкосить Столпина под корень из-за того, что он никогда не изменял своей технологии и избавлялся от любого предприятия, если заранее выделенная на него сумма не приводила к успеху. Например, целый год он внедрял в местный быт контрацептивы, но упрямые потомки заскоружлых казаков любопытствовали, ухмылялись, а тратиться на «эссесьтвенные надобности» – никак. Та тётка, которая рассмешила весь мир заявлением об отсутствии секса в СССР, оказывается, была права. Столпин отступил, предоставляя другим ввергать его родину «в пучину разврата».

Водоворот дефолта 98-го Столпин минул дуриком, ничего не потеряв, а, наоборот, укрепившись совсем надёжно. Перед самым кризисом ему повезло приобрести домостроительный комбинат, который к тому времени производил одних только вконец испившихся пролетариев. Срочно нужны были какие-то дополнительные вложения, и тут появились небритые чеченцы с большим заказом. Чеченец ведь, кроме всего прочего, почему-то изначально запрограммирован на строительство дома. Не какой-то будки для переспать, а – Дома, при дворе, с оградой, с воротами, с подвалом, где можно было бы отси-

даться, пока эти дикие федералы не разбомбят твой дом до основания, чтобы потом выбраться из подвала, отряхнуться, пересортировать оставшийся после бомбёжки мусор и снова взяться за строительство дома...

Чеченские деньги помогли Столпину сделать из комбината классное производство, но вот на те дома и материалы – на которые деньги предназначались, – на это их как раз и не хватило. Столпин с понятным беспокойством ожидал появления небритых парней, но тут удачно подоспела вторая война, и Столпин отправил заказчикам документы на якобы отгруженную продукцию (документы были – не подкопаться). Заказчики появились, чтобы задержать отправку, но – поздно. Самый молодой из небритых плюнул в сердцах, но под грозным взглядом старшего затёр плевки, покаркивая что-то непонятное. Искали они свой груз или нет – про это никому не известно, но через пару лет живые, здоровые и ещё более небритые они снова появились у Столпина.

Они брались организовать перевод к Столпину московских денег, предназначенных на восстановление чеченских пепелищ. Деньги – очень нехилые. Разговор шёл о той части богатств, которую необходимо сразу же отделить и разделить. Ну, а остальное? – остальное пусть идёт на изготовление блоков-шифера-стёкол-хуёкол...

– Да поймите, – доказывал Столпин по бумажке с расчётами, – за такие копейки невозможно производство качественного цемента.

– И нэ надо качэствэна, – отстранял глупые бумажки заросший чечен, – каличэствэна нада.

– Так дома рассыпятся, и за это нас всех – на нары...

– Нэ беспакойся, дарагой, нэ рассыпятся.

– Почему? – обалдевал Столпин.

– Их взарвут.

– Кто взорвет?

– Хто надо.

– Так тогда можно и совсем не строить, – сходу врубился Столпин. – Каркас там, опалубка...

– Маладэц, дарагой...

Комбинат стал золотоносной рекой, но и его Столпин безжалостно продал уже около года назад. Цена, которую ему предложили, вполне соответствовала непрерывно совершенствовавшейся столпинской таблице, и изменять себе он не стал. Тем более что Столпин старался не вести слишком долго одно дело. Чуть помедли и – появляется рэкет (раньше – от каких-то размножающихся со скоростью инфекции авторитетов, а в последнее время – от власти).

Теперь Столпин всё более отдавал предпочтение телевидению и организациям всяких сборищ-фестивалей-празднеств-форумов. Оказалось, что это – именно его стихия (пожалуй, он мог бы и на самом деле организовать международный шахматный турнир в Нью-Васюках, если бы калмыцкий Остап его не опередил). Основная привлекательность была в том, что, в отличие от реального производства, такая дея-

тельность оставляет куда меньше нежелательных бумажных следов всякими документами, которые какой-то дотошный муравей мог бы потом нанизать на избранные статьи из Уголовного кодекса. (Как в «Кавказской пленнице»: «три шашлыка выбросила в пропасть» и – никаких концов.) Наверное, поэтому губернские чиновники, регулировавшие денежные потоки, наперебой предлагали Столпину помощь в очередном мероприятии, забирая откатом свою законную десятину. В результате здесь пролетали такие бабки, которые и не снились даже золотоносному домостроительному...

Может, те дела по комбинату ему и собираются сейчас прицепить? Вряд ли. Бомёныч потребует хронику боевых действий, и лишний раз никто не станет раздувать это неугасающее пожараще. Что же ещё?.. Старушек?

* * *

Давным-давно, на закате СССР, Столпин создал процветающую риэлтерскую контору, деятельностью которой лениво интересовался следователь Муравьёв в их редких встречах. Тогда квартиры и дома ещё не называли недвижимостью, и стоили они совсем смешные деньги. Не надо было быть Эйнштейном, чтобы понять, как изменятся цены в самом близком будущем – надо было иметь свободные средства. Столпин ухнул в новое дело всё. Он удачно расселял столетние особняки в центре города, по-

тому что жители их с удовольствием меняли эту старину на спальные районы с нормально работающими удобствами. Цены начали расти, деньги заканчивались, а люди стояли в очередь, чтобы быстрее переехать в благоустроенное жильё. Тогда кто-то и предложил Столпину обихаживать одиноких стариков, наследуя их жильё за блага пожизненного ухода и обеспечения. Прикинули расходы – получалось выгодно. Покинутых всеми стариков особо уговаривать не пришлось, то есть они как раз очень любили всякие разговоры и боялись, что после подписания бумаг все эти разговоры сразу прекратятся, но – подписывали, так как очень даже были согласны, чтобы за ними ухаживали. А квартиру (всего чаще – комнату) они по-настоящему никогда и не чувствовали своей: какие-то начальники дали, теперь какие-то – хотят забрать, но эти, в отличие от тех, очень симпатичные и обходительные, и заберут комнату только после смерти, а до того – до самой смерти – будут приносить деньги, и продукты, и лекарства, и слово доброе...

Очень скоро девочки-хожалочки стали наглеть, откусывая от выделенного на стариков денежного пайка изрядные части, и Столпинского недовольства никак не хотели понимать (Быстреей помрут – вам же лучше). Вот тогда Столпин и продал это процветающее дело, а если верить Муравью, то все старики после этого как-то дружно померли за несколько месяцев. Но этого Столпину не навесить. Чист.

(Чист? По закону – точно, а остальное никого не касается.)

Наплевать и забыть не удавалось – свербило до тошноты. (Интересно, как они их мертвили?) Странно, что ни разу раньше его не простреливало этой историей.

Гык-гык-гык – забормотала канализационная труба.

Но Столпин не гык. Он и знать ничего не знал. (Ой, врёт! Догадывался. Потому и сбросил выгодное дело, что догадывался.)

Столпину даже захотелось, чтобы вот сейчас немедленно его привели в суд, где он смог бы чётко и убедительно отбить все наветы. Он представил этот переполненный судебный зал и свой триумф там (представил по какому-то из голливудских фильмов): его поздравляют, и каждый норовит лично пожать руку, но ему этот триумф – обычная рутина, он не какая-то тщеславная звезда, а нормальный честный предприниматель, и если бы все были похожи на него, то наша страна давно бы уже стала гордой и процветающей на зависть другим (Эй! посторонитесь!) народам и государствам. С непроницаемым, но печальным лицом (Старушек-то не вернуть!) Столпин пробирается через переполненный зал восхищающихся им людей и видит коридор до предела забитый потрёпанными бомжами, выкинутыми когда-то из своих выдуренных у них жилищ и приползшими сюда с улиц и вокзалов, потому что по городу гулял

сумасшедший слух, будто здесь всем обманутым вернут их убогие квадратные метры...

* * *

Может, для того его и заперли в эту пустую камеру, чтобы он сам вытащил из себя то, что сумеет его придушить? Но не рассчитывают же они, что он в раскаянии разобьёт свою башку об эти стены? Какой же резон? Для суда всё равно, независимо от любых переживаний, всё это – дохлый номер.

А если это просто чья-то шутка? Игра? Конечно! Как в том фильме с Дугласом. Если бы он был внимательней, то давно бы уже заметил все нестыковки. Обвинять не в чем! В камере его держат одного, а по их инструкциям в любой камере должна быть «наседка» (кто-то ему рассказывал и даже объяснял, что без «наседки» нельзя, потому что мало ли что...). И домой не дали позвонить... Не может такого быть!

Главное – не дёргаться и спокойненько всё обдумать. Итак, в камере он один – это факт. И он – не «наседка», а «наседка» должна быть непременно. (Придержи крышу!) В общем, с ним вытворяют что-то не то. Где суд? Да – где суд? Столпин точно знает (Откуда? Не вспомнить, но это точно.), что теперь посадить человека может только суд. Значит, это всё не взаправду. Это – игра. Кто-то из знакомых посмотрел фильм «Игра» и организовал эту шутку со

Столпиным. Как бы в отместку за его многочисленные и постоянные шутки. Сейчас откроется дверь, за которой с шумом и хохотом...

Нет, чушь. Никто из знакомых Столпина не был способен осуществить такую фантазию (да и на фантазию такую никто из них не тянул), а уж тратить деньги на шутки (даже на такие злые) – это для них в принципе невозможно.

А если это программа «Розыгрыш»? Ну конечно. Ведь именно Столпин в последнее время пробивал этот проект на местном телевидении, добиваясь содействия московских авторов и владельцев, которым доказывал, что его провинциальный вариант не станет конкурентом московскому шоу.

Сам он сразу же стал страстным поклонником новой московской программы, так и не изжив свои юношеские пристрастия к весёлым пари и острым шуткам. Столпин с удовольствием (даже – самодовольством) вспомнил, как он «Розыгрышем» разыграл президентского полпреда...

* * *

Он не предпринимал каких-то выдающихся усилий, чтобы свести близкое знакомство с генералом Татарцевым – так получилось, когда Столпину удалось чётко и гладко произвести генерала в доктора наук (потом он взялся хлопотать полпреду членкорство). Трогательно было наблюдать, как Татарцев учился читать свою же диссертацию (кстати сказать, так и не

научился) или просто пытался блеснуть аналитическим складом ума. Генерал был изумительной иллюстрацией к гипотезе, по которой власть развивает в человеке только худшие его качества, дремавшие до поры и не особенно докучавшие окружающим. Полпред никак не хотел уразуметь, что его властные полномочия – это полномочия порученца при командующем: передал поручение и – свободен. Ну, можешь настучать командующему обо всех замеченных безобразиях (или просто – обо всех). Татарцеву этого было мало, и он норовил всем, что видел, реально поуправлять, а всех, кого видел, немедленно обучить уму-разуму. Он вообще полагал себя необыкновенно умным человеком, которому если чего и не хватало, так это всяких учёных слов, потому что теми, что были у него в активном пользовании, очень трудно было передать всю глубину разных его пониманий. Он был сказочный самодур, а тщеславие его пёрло верхом, никак не вмещаясь в нём (как и он не вмещался в свои мундиры). Это был русский барин в чистом виде, с неисчислимой сворой дворни, адъютантов и прихлебателей, которым он постоянно выбивал хлебные места в отданных ему на пригляд губерниях.

Все эти яркие черты забавляли Столпина, и досаждала ему только одна генеральская слабость: полпред постоянно предполагал всякие козни московских завистников и доставал Столпина кретинскими обсуждениями этих своих опасений. После любой поездки Столпи-

на в Москву генерал долго выпытывал его про столичные интриги и слухи, видимо, не сомневаясь, что все эти дни Столпин лежал под ковровой кремлёвской дорожкой и чутко вслушивался в шорохи над собой. В одном из таких тягостных разговоров Столпин и брякнул, что, по его сведениям, генерал включён в план съёмок программы «Розыгрыш».

Истерики, разносы, мольбы московским заступникам, просмотр всех выпусков программ по видуку – время генерала было заполнено до отказа, а стоило только его взгляду упасть на очередного подчинённого, как сразу же где-то рядом появлялась родная мать этого бедолаги и немедленно подвергалась гнусному надругательству.

Полпред понял, что возможности телевизионной программы «Розыгрыш» – практически безграничные: они могут любого человека поставить в нелепую ситуацию и все это заснять, чтобы потом показать на всю страну. «Это ж какие бабки у них!» – не то сокрушался, не то восхищался генерал.

Столпин остерег Татарцева от активных переговоров по запрету съёмки, тем более – от угроз и запугиваний. «Может, именно это они и начнут снимать? – убедительно предположил Столпин. – И в каком же виде вы предстанете перед страной?»

Полпред стал молчалив, подозрителен и всё время оглядывался по сторонам, отыскивая скрытые камеры. Когда ему позвонили с сообщением, что самолёт Президента в эту вот ми-

нугу приземляется в местном аэропорту, Татарцев понял: «Вот оно – началось».

– Президент не может прилететь сюда так, чтобы я заранее об этом не знал, – величественно сообщил Татарцев онемевшему на том конце провода собеседнику. – Потому что именно я, – генерал решил всё-таки разъяснить телезрителям суть дела, – именно я отвечаю за встречу Президента и за его безопасность на моей территории.

В результате Татарцев бросился к Путину, когда тот подъехал к резиденции своего представительства и даже выбрался уже из машины...

– Если бы вы так не спешили ко мне – вы бы успели застегнуться, – недовольно бросил Президент своему полпреду.

Татарцев проверил ширинку, провёл по пуговицам рубашки.

– Шутка, – жёстко сказал Президент, стрельнув в полпреда не улыбочивым глазом.

«Неужто и он нанят для моего розыгрыша? – подумал генерал, затвердело улыбаясь в объективы телекамер. – Кто же правит страной?»

Со всех сторон спешно сгонялись восторженные россияне с цветами и приветствиями.

«От программы “Розыгрыш”», – сказала оплаченная Столпиным девица с местного телевидения, вручая Татарцеву дородный – под стать самому полпреду – букет.

Через полгода генерала, так и не оправившегося от странной задумчивости, без шума отодвинули в тёплый угол...

И вот сейчас эти знакомые с телевидения, смеявшиеся вместе с ним над его розыгрышами, – разыгрывают его самого. Такое предположение ставило всё на свои места. Столпин оглядел себя критичным взглядом внешнего наблюдателя. (Нормально – дай Бог каждому так держаться в таком переплёте.) Потом тем же взглядом он пролистнул все свои беседы с Муравьём.

Что он там нёс? Зачем он язвил над своими знакомыми? пренебрегал ими? столь едко опровергал их достоинства? Пусть даже всё так и есть, но при чём здесь прокурорский червяк⁹!

А когда Столпин глянул тем же взглядом извне на свою сегодняшнюю встречу с Муравьёвым – его окатил душный стыд. Как он встретится с людьми, которые увидят съёмку этого разговора? Нет, надо срочно исправить всё, что ещё можно исправить. Столпин может позволить себе выглядеть каким угодно смешным, но – не жалким.

Вот он входит в тот же кабинет, смотрит весело и презрительно на копошащегося в бумагах Муравья и садится нога на ногу, так и не вынув изо рта незажженную сигару. Муравей суетится с огоньком... предлагает чайку. Столпин молча раскуривает сигару, морщится, вертит её в пальцах, нюхает и со словами: «Такую сигару из-за вас испортил» – гасит её в чашке Муравья. (Так это же Иствуд! – чистый плаги-

ат. Неважно.) Ещё не родился тот прокурор, который сможет переиграть Столпина. Хотите играть? – пожалуйста...

Столпин стукнул ногой в дверь¹⁰:

– Эй, есть кто живой? Веди к следователю!

Прислушался и затарабанил сильнее. Потом – что было злости и сил...

II. ИГРА В «ТЮРЬМУ»

1

Никогда не играйте. Не играйте не только в карты, но и в шашки, в шахматы, в домино. Не играйте ни во что. Не соглашайтесь обучаться новым играм и не играйте в игры, правила которых вам известны. В тюрьме могут быть совсем другие правила. Не соглашайтесь играть на деньги и вещи, и не соглашайтесь играть «на просто так», «ни на что», «на щелбаны» и т. д. Вы не знаете, что значат эти слова для ваших собеседников, и под щелбанами они могут иметь в виду совсем не то, что понимаете вы...

*Из лекций Н. Нима слушателям
спецкурса «Тюрьма-тур»...*

Игра в «Тюрьму» существовала на самом деле, но началась она много позже тюремных походов Столпина. Так что хорош он будет с придумками своего торжества – нога на ногу, презрительная ухмылка и погашенная в чашке следователя сигара – обхохочешься!.. (Впрочем, при наших правилах – «сигару убрать!», «руки за спину!» – при наших конвоях и наручниках попробовал бы любой Иствуд свои высокомерные киношные эффекты!..)

Итак, игра была, и придумал её Костя Дублин – успешный питерский коммерсант, нако-

ротке общавшийся с разными кудринными да грефами ещё в ту пору, когда те мыли золотишко своих успехов не во всемирных финансовых и информационных потоках, а в мутных ручейках вокруг Фонтанки.

Дублин был отцом-основателем крупнейшего книжного издательства и дал жизнь престижной литературной премии, но, конечно, эти предприятия не могли быть источником его процветания (умеренное благополучие – и только), и он занимался чем-то ещё, мне неизвестным (да и неинтересным), а премия да издательство – это, скорее, для души, как, например, курительный павильон в особняке Столпина. Правда, столпинское хобби – всего лишь невинная блажь, а за увлечениями Дублина кто-нибудь мог бы разглядеть нерастраченную веру в силу слова (извините за пафос) или в то, что настоящие книги способны добром и справедливостью структурировать нашу бестолковую жизнь.

Согласитесь, что даже читать про такие понимания сегодня как-то неловко. Это всё равно что вырядиться в нейлоновую рубашку и кремленовые штаны 66-го года рождения и счастливым франтом припилить в Давос. В общем, чтобы выглядеть своим на давосских встречах русского землячества (а Дублин эти встречи любил), приходилось всякие несовременные и наивные убеждения надёжно скрывать за общевиновыми приметами. Свежая небритость, ирония, лёгкий цинизм, неброская помятость в одежде и гибкие красотки в помощницах (по-

чему-то сплошь Юлии) – всё, как принято у околоторческих коммерсантов. Так что ни в зарубежном Давосе, ни в родном Питере, ни на деловых встречах, ни на приятельских сборах (даже и одаривая по-приятельски кого-нибудь Кудрина или того же Столпина изданными им книгами) – Дублин и взглядом не намекнул бы никому, что книгоиздательская деятельность для него – что-то большее, чем любой другой бизнес. (Конечно, книжный бизнес сегодня не слишком доходный, но – очень престижный, а это, знаете ли, дорогого стоит...)

Очень может быть, что приятели Дублина и не читали подаренные им книги, но это неважно, потому что настоящие книги способны творить добро, даже и мирно упокоенные на полке в нечитанном виде. Вот, например, когда-то Дублин подарил тихому чиновнику Путину книгу Мандельштама, а через несколько лет, отвечая на вопросы въедливых западных журналистов, президент Путин вспомнил Мандельштама в качестве своего любимого писателя. Разве ж он вспомнил бы такое без того давнего подарка? Он бы скорее вспомнил автора своей любимой книги «По тонкому льду», да и то наверняка перепутал бы его с автором книги «Щит и меч», которую он много раз смотрел в виде одноимённого фильма.

В общем, Дублин не вызывал у своих знакомых никаких подозрений, даже у таких исключительно недоверчивых людей, как Греф или Патрушев. Может, потому, что люди (а люди

власти – особенно) вообще не склонны предполагать у своих ближних какие-нибудь более сложные жизненные мотивации, чем стремление к власти, известности и богатству.

Вот, например, мои личные знакомые и слышать ничего не хотят о глубоко запрятанных добрых помыслах Кости Дублина. (За лёгким цинизмом у него может прятаться только густой цинизм.) А знакомые из писателей – те вообще числят Дублина за кровососа. Он, мол, берёт у бедных авторов их рукописи за гроши или даже совсем бесплатно и потом бессовестно наживаетея...

Ах, если бы на этих рукописях можно было бессовестно наживатьея! – это был бы наш главный сырьевой ресурс (а по поводу того, что «за гроши» или «бесплатно» – так это как посмотреть: может быть, Дублин даёт неблагодарному автору его счастливый шанс завоевать мир и – практически бесплатно)...

Но главное в том, что мне Дублин нравится. В какой-то мере каждый из персонажей настоящего текста мне симпатичен (пусть и из самых проходных! пусть и такие малосимпатичные особы, как Патрушев), потому что все они мною выдуманы (от своих фамилий до своих занятий – насквозь), и даже выдуманные в позабаву – даже они требовали своей доли понимания и сочувствия. Так что все они могут вполне обоснованно претендовать на мои к ним симпатии, но Дублин мне нравится сильнее других. Он

всегда был больше всех своих дел. У многих людей, к сожалению, всё наоборот: они слишком дорожат своими обретениями и потому попадают к ним в полную зависимость – становятся меньше их. Даже самые могущественные, возможности которых можно бы сравнить с возможностями сказочных джиннов, даже они превращаются в рабов должности, или богатства, или уже завоёванного положения – в рабов своей лампы. А Дублин умудрялся оставаться свободным, весёлым и умел не слишком серьёзно относиться к себе и своим достижениям.

Мой друг Дима (недосягаемый поэт, блестящий журналист, ходок, матерщинник, пьяница, беззастенчивый враль с нежной и ранимой душой), тоже очень весёлый человек, рассказывал про него такую байку.

Когда-то давным-давно приходит Дублин (ну, не приходит, конечно, а – подкатывает на машине) поздравить своего дружка с днём рождения (допустим – Кудрина). Перед домом, само собой, лимузины, охранники – не протолкаться. Проходит он в дом и всё не может придумать, как оправдаться за опоздание, а в доме – тишина. Не какая-то там обычная тишина, а – мёртвая. Даже цветы у него в букете увяли, не пикнув – рраз и – головки набок.. Он – букет в сторону и дальше идёт. На кухне среди шкворка и запахов – кухарка: стоит, трясётся и мелко крестится. А девке этой вчера ещё и Бог, и чёрт – до одного места. (Откуда Дублин об этом знал? А он откуда-то

вообще всё про девок знал. Глянет – и всё сходу знает.) В общем, Дублин её тра... то есть трогает за плечо, – где, мол, все? куда подевались? А она только ртом зявает и – ни звука. В столовой сервировка – сказка! – и всё нетронуту. Он дальше идёт. Перед гостинной охранник бледней смерти. Дублин ему: «Там?», а тот еле силы нашёл кивнуть. Заглянул Дублин в гостиную и видит: сидят все гости с хозяевами чинно – руки на колени – и глаз не могут отвести от видака. А там во весь экран Путин – по губам улыбочка нет-нет да и скользнёт, а в глазах – ни разу. Народ – все как один – замороженные, и не понять, дышат ли? Вроде даже – не очень живы. Дублин назад и – давай охранника пытать. То оплеухой, то стаканом водки, но допытался.

Собрались, значит, они на день рождения – поздравления, улыбочки (Ну, вы все помните эти улыбочки грызлова-грефа-кудрина... Будто извиняются за что-то, что уже сделали, или за то, что сделают потом)*. В общем, все чин-чи-

---

* Надо сказать, что упоминавшийся ранее представитель Президента в Южном федеральном округе генерал В. Татарцев в реальности не существовал. Как и Президент В. Путин. Как и его министр финансов А. Кудрин или министр социального развития Г. Греф. А уж тем более никогда не существовал глава госбезопасности Н. Патрушев, ставший Героем России за внедрение оригинальной тактики уничтожения террористов вместе с огромным количеством заложников. Все они – порождение современных информационных технологий. А вот их улыбки были в действительности. Смущённые, будто в опасности, что придёт кто-то, кто имеет безусловное право спросить с них и – турнёт куда подальше. Но никто не приходил...

нарём. Но собрались-то одни коллеги: они так долго учили народ, как надо правильно жить, что забыли, как надо просто – жить. Как веселиться? Как праздновать? – не помнят. Может быть, и вспомнили бы, но появился Патрушев и – все затвердели в спинах, а желание веселиться пропало как-то само собой. Патрушев видит такой расклад и – делать нечего – берётся сам вести мероприятие. Ну а Патрушев – весельчак тот ещё. «Коллеги, – говорит Патрушев, – давайте посмотрим видеозапись поздравления Владимир Владимировичем Путиным нашего дорогого юбиляра». Все сразу обрадовались – правильно! правильно! – и повалили к видуку. Когда эту кассету прокрутили три раза кряду, Патрушев сказал: «Меня он поздравлял сердечней. Хотите посмотреть?». Почему-то никто не отказался, но каждый вспомнил, что и у него есть видеокассета с поздравлением Президента. Патрушев вызвал помощника, и тот организовал немедленную передачу всех данных. Всё это время Патрушев ждал, что кто-то спросит, а откуда, мол, у него записи с поздравлениями совсем не ему? Но почему-то никто не спросил, а жаль, потому что Патрушев осуровевшими губами сказал бы: «О служебных делах – только в служебном кабинете». Он так любил говорить эту фразу, но – опять не пришлось. Долго ли, коротко ли, а через какое-то время все опять стройно сидели и зачарованно внимали Путину. Так и доводились до практически полной невменяемости.

Дублин не знал, что делать – кого звать на помощь, так, чтобы и помочь, и сохранить всё случившееся в тайне? Можно, конечно, Шойгу, но тот любит обязательно с телевидением...

Дублин обошёл сам. Голос у него ещё со времён школьной самодеятельности был – ого! И вот представьте: грохот шагов (это охранник топал), скрип и грук дверей, ближе, ещё ближе, а потом двери гостиной нараспах, и тут же голос с левитановскими фанфарами: «Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин...!» Ясное дело, все быстренько очнулись, повскакали, улыбочки подравняли, а тот же голос (октавой ниже) продолжает: «к сожалению, приехать не смог, но прислал своё специальное поздравление», и – входит Дублин...

Короче, расчухались все, развеселились постепенно – ожили. Может, и не совсем, потому что в какой-то момент Кудрин отвёл Дублина в сторонку и спрашивает: «Так где это специальное поздравление?»

А Патрушев так проникся, что даже попросил о содействии.

– Мы, – говорит, – поздравление готовим Владимир Владимировичу. От всего коллектива Лубянки. Но это – государственная тайна, – вспомнил Патрушев. – Понимаешь?

– Ещё б...

– Хотелось бы, посовременней, типа – капустника. Что-то такое вот: «Правь и дальше нами, Вова, так же мудро и сурово»...

– Чей стих?
– Мой, – порозовел ушком Патрушев.
– Рельефно.
– От всей души... Но времени не хватает.
– Есть один поэт, – вспомнил Дублин. – Я как раз издаю его книги. Он всю жизнь хотел быть чекистом. Дай ему полковника, а то он в возрасте уже. Он вам такие капустники соорудит...

– Полковника трудно. – Патрушев пожевал губу, вспоминая уже оплаченную очередь на полковничьи звёзды. – Но условия для работы могу обеспечить. Кто он?

– Лимонов, – брякнул Дублин, не расспросив об условиях...

* * *

Вот таким рисовала Дублина народная молва, но он мне всё равно нравился и всегда был желанным гостем нашей редакции*, куда изредка забегал, казалось, для того только, чтобы удивлённо порадоваться нашей живучести. В начале прошлой зимы он к нам пришёл уже наполненный смутными замыслами будущей игры.

Мы только что запустили новый журнал «Неволя», и я ещё витал в надеждах увлечь этим изданием много-много разных знаменитых и влиятельных соотечественников, чтобы

---

* Редакция журнала «Индекс».

уже с их помощью сделать журнал офигенно востребованным. (Разве в нашей стране может быть что-либо более необходимое, чем одоление душасших нас традиций неволи?!) Тем более, даже время благоприятствовало моему предприятию: самый богатый соотечественник пытался из тюрьмы вступить в конструктивные переговоры с властью, а Путин и ухом не вёл, но знай себе повторял в своей неподражаемой манере угрожающей шутки: «Диалог власти и бизнеса будет продолжаться». Казалось бы, тревоги, так близко дохнувшие на земляков-богатеев, должны непременно подтолкнуть их в помощь мне, но – не подталкивали.

Все мои слова и резоны упруго отскакивали от разнообразных собеседников, не высекая и морщинки какого-то понимания. Нет, с моими пояснениями и аргументами они, как правило, соглашались (Всё это, действительно, чрезвычайно полезно, и нужно, и все такое...), но никак не могли понять, зачем это нужно мне и, уж тем более, – зачем это им? Только Столпин не лукавил и не притворялся, а честно сказал: «Не стоит приваживать беду».

Так я и не нашёл соучастников своему предприятию, и, понятное дело, сразу же по приходе Дублина попросил его помощи в раскрутке «Неволи». Он полистал журнал, отложил и предложил своё:

– Напишите пособие для попавшего в тюрьму: правила, законы, быт, нравы – всё о тюрьме.

– Костя, таких пособий... В Интернете целые сайты¹¹ и отдельные очень толковые тексты¹². Хотите, сразу и покажу?...

– Надо специальное пособие: для топ-менеджеров крупнейших компаний и вообще – для очень богатых людей.

– А что – уже началось?

– Типун вам... Всегда кто-нибудь «идёт под раздачу» – вот пусть знает. А то они думают, что все двери открываются денежным ключом, и когда не открываются – совсем перестают соотносить.

– Придёт адвокат... придут десять адвокатов и растолкуют, и утешат, и расскажут, как себя вести... Всё равно эти богатеи никаких пособий читать не будут, пока жареный петух не изволит посетить лично.

– Будут. – Не согласился Дублин. – Мне кажется, я найду читателей и не удивлюсь, если от них не будет отбоя...

И Костя приоткрыл свои планы.

Он собирался устроить персональные маршруты в тюрьму для богатых экстремалов. Не в виде экскурсантов с фотоаппаратами, а по настоящему – узником. Дублин ещё не знал, как это будет выглядеть в деталях. (На сколько дней или недель будет «маршрут»? В чём их будут обвинять? Будут ли допросы?..)

Все эти мелочи можно будет обдумать по ходу. Главное, что знал Дублин, это то, что есть люди, которые согласны за такие развлечения платить и – огромные деньги.

– Вот они и будут читателями пособия, – убеждал Дублин. – И, может быть, заодно – читателями вашего журнала. По крайней мере, с их помощью журнал можно будет так прорекламирровать, чтобы вас завалили предложениями и заказами. Подумайте... Может получиться хорошая книга. Скажем, «Советы для выживания». В общем, требуются полезные советы...

Никогда и никому не давайте советы. Вас могут послушать, что-то сделать не так, как вы советовали, какое-то слово забыть или переиначить, и вы же станете виновны в том, что получилось не то, что надо. Никаких советов и никому. Делайте только то, что вы сами считаете правильным. Ещё важнее – никогда не делать ничего, в чём вы чувствуете хотя бы тень неправильного. Если чего-то не знаете – не полагайтесь целиком на чьи-то пояснения. Думайте и всё перепроверяйте... И никогда не следуйте чужим советам. Даже вот этим...

Из лекций Н. Нима...

Довольно скоро идею тюремного туризма весело обсуждали в самых невероятных властных кругах. Всем было понятно, что реализовать этот бред невозможно, но в виде хохмы идея нравилась всем. Каждый с удовольствием представлял какого-то лично своего знакомца, кого он с удовольствием отправил бы в такой круиз.

Говорят, что генеральный прокурор очень сожалел, что такое замечательное предприятие невозможно. (Министерство юстиции не позволит.) Вот если бы тюрьмы были в ведении прокуратуры – тогда бы он сам составил список первых туристов. («Чтоб их, гадов, – мордой в парашу! За их же ворованные деньги – мордой! Чтоб научились Родину любить!»). Только такой человек мог связать неразрывными узами парашу и любовь к Родине.)...

В то же самое время министр юстиции прикидывал, как можно бы за счёт этих туристов сделать капитальный ремонт всех следственных изоляторов (А сколько всего ещё в стране, да и у себя дома – требующего ремонта?), но прокуратура зарубит всё на корню...

Завистливо и ожидающе поглядывали на Патрушева: у него и тюрьма своя, и дела сплошь секретные – попробуй проверь, кто там турист, а кто – террорист.

Некоторые газеты вдруг хором загомонили, что туры на Лубянку уже давно действуют, и даже опубликовали расценки. Эту же «утку» перепечатали за рубежом, и на одной из встреч в Берлине канцлер поинтересовался у Путина, как бы тоже пройти «Лубянка-маршрут» (так эти туры обозвали в немецкой прессе). Путин глядел набычась, прислушиваясь, откуда идёт провокация. Когда понял, о чём шум – только крикнул матерно, а вернувшись в Москву, вызвал к себе Дублина.

О чём был разговор, никому прознать не удалось.

Тот же поэт-враль-журналист, которого я уже цитировал на своих страницах, изучал, как реальные события преобразуются в людских сплетнях и слухах, и наткнулся на такое описание той встречи.

- Ну, ты – совсем... – развёл руками Путин.
- Верное дело, Владимир Владимирович.
- Думать надо го-ло-вой, – постучал Путин костяшками по столешнице. – Ты бы ещё при-

думал тур на войну, – он начал заводиться. – Ты бы ещё взбесившимся миллионерам предлагал в Чечне шмальнуть в кого-то, или взорвать там...

– Уже, – просто ответил Дублин.

– Что – уже? – не врубился Путин и посмотрел на молчаливо стоящего Патрушева.

– Ну да, – сказал Патрушев. – Откуда бы мы ещё брали деньги на военные расходы? Бюджетные улетают без следа и неизвестно...

– Я в курсе, – закрыл неприятную тему Путин. – И много бандитов мы уничтожили с этими туристами? – полез в детали Главнокомандующий.

– Если всё подытожить, то наши потери чуть больше.

– Так они у вас, что – и на той стороне?

– У нас гибкая система предложений, – скромно пояснил Дублин.

Но это – легенда.

Действительность тюремного туризма ограничивалась разговорами, обсуждениями и облизываниями. Очередные покровители говорили Дублину, что они всеми руками за, но – правила, дорогой мой. (Есть правила, есть законы – никак.)

Мне даже кажется, что упрямство, с которым Дублин пёр своими замыслами на сложившуюся столетиями систему, не соответствовало самим его планам. Упрямство было куда значительней, и баталия много интереснее вызывающего её повода. Может быть, в замыслах Дублина

было двойное дно? Может, он хотел столкнуть эти два мира, разделённые решётками и колючками, – столкнуть не виртуально, как бился я со своим журналом, а лбами, глаза в глаза, чтоб искры – чтоб болью, страхом, отвращением и необходимостью жизни бок о бок подтолкнуть к каким-то новым идеям и пониманиям. Но если у Дублина такие идеи и были (А почему бы нет? Он ведь сочувственно относился к нашему журналу с похожими стремлениями.) – если и так, то Дублин эти крамольные цели должен был прятать даже и от себя. Иначе никак бы ему не окрутить стольких сочувствующих силовиков.

* * *

Наконец появилась первая трещинка. Генерал, ведающий кадрами МВД, предложил провести парочку туристов по «Бутыркам» (а можно – в «Матросскую тишину») под видом операции спецагентов. Дело в том, что наши законы позволяют при необходимости срочной разработки подключить агента к человеку, находящемуся под следствием или даже – отбывающему наказание. И не какого-то любителя-агента, завербованного кумом в той же тюрьме или зоне, а агента из спецрезерва, кадрового офицера, который будет некоторое время играть роль подследственного или заключённого бок о бок со своим объектом. Многочисленные правила и инструкции (секретные даже для начальников тех зон и тюрем) определяли все этапы такой

операции – от способов, которыми агента вводили в дело и нужную камеру, и вплоть до приобретения агентом (при необходимости) располагающего к доверию измождённого вида.

Рискнули. Кадровик в лампадах лично курировал пилотный тур.

Первых испытателей отбирали, как космонавтов, – прежде всего, по здоровью, силе и выдержке. Пошли два молодых миллионера: владелец сети казино в Чувашии и коллекционер из Бостона, родившийся в Киеве и в младенческом возрасте вывезенный родителями в Америку. Их мигом зачислили в оперативный резерв следственного управления МВД и сходу ввели в тут же запущенные оперативные дела (разумеется, совершенно секретные).

По одному делу в разработку был расписан ухарь, ломанувший обменник в банке. Его взяли практически на месте, но – без денег, и непонятно, куда он их скинул. Взломщик оказался крепким и шквал первоначального дознания (третьей степени – не меньше) выдержал, а потом у него появились упакованные родители, адвокат, и весь суд мог пойти кувырком.

Вторым объектом – точно по профилю коллекционера – был назначен незадачливый дряхлый художник, стянувший из Костромского музея какой-то очередной вариант прибора неутомимой кисти Айвазовского (вернее, заменивший картинку Айвазовского своей копией). Его взяли тоже – на месте, но картина – как в воду...

Ничего лишнего никому лишнему не сообщалось, и поэтому даже шеф оперативной службы управления, инструктирующий отдельно каждого из агентов (а инструктировал потому, что уже лет пять кряду таких операций не проводилось), – даже он был не в курсе и с недоумением разглядывал офицеров своего резерва.

Чувацкий игорный магнат (запущенный в камеру в роли грабителя таксистов) сходу стал корифаниться с авторитетами хаты, много трепался, вызвал подозрения у своего же объекта тем, что откуда-то знал его дело, хвастал знанием тонкостей обувания клиентов за игорными столами казино и в конце концов был посажен на секу, продулся в пух, и в чужом вшивом тряпье был вытолкан к параше, где уже обрабатывался для игры под себя, но вовремя был выдернут дежурным по продолу и выведен из трёхдневной операции через десять часов после её начала.

Бостонский еврей из Киева, якобы взятый в аэропорту (вот так – в чём и был) при контрабанде икон, наоборот, стал душой хаты. Он первый раз в жизни курнул настоящей махорки и был уверен (по её действию!), что эта штука – посильнее анаши. Он выпытал всё возможное про выращивание и изготовление махорки, а в благодарность читал лекции по простым способам распознавания поддельных камней и металлов. Его определили на отдельную шконку и приглашали в первую семейку хаты, но он, предполагая за этим приглашением именно то, что в

известных ему словарях значило слово «семья», вежливо отнекивался, рассказывая о жене, которая ждёт его в Бостоне.

Он лихо прошёл все три дня и заодно с лёгкостью «разработал объект». Оказывается, этот художник, в сговоре с директором, за несколько лет неспешно и методично заменил все картины музея на свои копии и в склерозе (или похмелье) пошёл по второму кругу, начав с Айвазовского, у которого его и сцапал сторож (сцапал потому только, что художник запутался в двух копиях и не знал, какую из них надо – на стену, а какую – уносить вместе с ногами). Когда бостонского туриста выдернули «с вещами», вся хата быстренько собрала его в неведомую дорогу (курево, еда, бельё, фофан для этапов, туалетные мелочи – всё как надо) и напутствовала непонятно: «Не тушуйся, Америка, – пусть отсосут!»¹³

Так что первый тур можно было в равной степени считать и удачным, и провальным. Правда, много лет спустя коллекционер перебрался на позднюю историческую родину, в Киев, куда его пригласили советником по произведениям искусства при министре культуры (это – официально, а неофициально – при жене Президента). Вот там он неожиданно оказался в центре очередного антироссийского скандала. Киевские спецслужбы потрясали документом, по которому господин советник числился офицером оперативного резерва Москвы. Устроили шабаш

с телевидением. Комиссия разгневанных самоистийников задавала грозные вопросы. Советник выглядел не просто бледно, а – хуже некуда. Его живые и невозможные оправдания вызывали хохот и желание ударить побольнее. (Особенно смешно было – про махорку... Да-а, с рукой Москвы – не соскучишься.)

* * *

На этом эксперименте туристическое предприятие снова замерло. Несколько раз пропустили совсем уж нетерпеливых кандидатов по тому же каналу для спецагентов, но сам способ не предполагал масштабного использования, а без соответствующих масштабов – Дублину было скучно. Опять шли долгие переговоры, клубились слухи, появлялись анекдоты и, казалось, тема исчерпана.

Однако Дублин сделал подробную калькуляцию, и сумма предполагаемого дохода была такой замечательной, что всё сдвинулось само собой. Даже космический проект «Эх, прокачу» был отодвинут как малодоходный (просто никому не хотелось уже заниматься мелочёвкой).

Сразу организовались нужные люди в отделениях милиции, в следственных изоляторах, в прокуратурах и судах – всюду, где возникала в них надобность. Были разработаны технологии «прохождения по маршруту» в соответствии с видом контракта. От самых простых, по задержанию на сутки-двое в качестве подозреваемо-

го (здесь ничего не выходило за пределы одного отделения милиции), и до самых сложных, когда липовое дело велось до судебного заседания и там уже рассыпалось. В этом случае приходилось включать ускоренное судопроизводство, потому что ни один клиент не согласился бы болтаться на дистанции (и платить за это) годы обычного у нас ожидания судебного приговора. Были контракты и с обвинительным приговором – с этапом на месяц-два в лагерь, но желающих на подобное путешествие за всё время работы дублинского агентства так и не нашлось.

Разумеется, покатили непредвиденные накладки: и по нашему обычному раздолбайству, и по необкатанности нового дела.

Контракт предусматривал (по причине крайней опасности предприятия) возможность нештатных ситуаций, за которые фирма юридической ответственности не несёт, но обязуется не оставлять клиента и предпринимать спасательные операции любой сложности (разумеется, за дополнительную плату, которая часто, по вполне объективным причинам, многократно превышала сумму основного контракта).

Анонимный клиент из Эмиратов (то ли шейх, то ли нешейх) в первый же год поставил на уши (и под угрозу уничтожения) всё предприятие. Этот араб сразу был принят в СИЗО* с форс-

---

* Следственный изолятор.

мажором (требуемый ДПНСИ* был в запое) и, очумев от подзатыльников только и повторял:

– Я – турист, я – турист.

– Все мы туристы на этой грешной земле, – напутствовал несильным ударом киянки Нешейха в его первую камеру многоопытный дубак.

В первую же ночь выяснилось, что миллионер чудовищно храпит, и началось: его гнали по хатам, выламывая¹⁴ каждую ночь и называя не иначе как террористом.

Следователь (совсем ни при чём), листая на редкость дурацкое дело, даже и не знал, куда крутить этого полусонного чурку. Потом с необыкновенной лёгкостью сделал из него соучастника Бесланского теракта, и только по громким репортажам Дублин наконец обнаружил своего клиента (эмиратские адвокаты – тоже). Но того уже отправили этапом в Северную Осетию, и пришлось отбивать прямо с пути...

Банкир из Сургута всё прошёл идеально и гордый собой умчался, разбрасывая благодарности и подарки дублинским юлиям. Через полгода, ввязавшись в избирательные страсти, он вдруг обнаружил, что по документам проходит как обвинявшийся в бандитизме (сам просил что-нибудь покруче). Выяснилось, что какой-то раздолбай вовремя не удалил запись в картотеке; и, исправляя эту ошибку, пришлось уничто-

---

* Дежурный помощник начальника следственного изолятора.

жить все данные базы МВД за те две недели, в которые банкир числился обвиняемым...

А один московский клиент затерялся с концами. Маршрут был – из лёгких и отработанный уже до идеала. Клиента задержали на улице и на показаниях потерпевшего (который потом их изменит) крутили по разбойным нападениям. Когда его доставили в суд за постановлением об аресте, он исчез. Целый год из совершенно разных мест приходили слухи о его появлении. Стараясь спасти его, Дублин освободил трёх совершенно ненужных ему уголовников. Одного – из зала суда в Твери, и ещё двоим устроил побег с зон (в Смоленской и Новгородской губерниях). Клиент – как под землю... Скорее всего, этому клиенту надо было исчезнуть, и Дублина просто использовали. Его это злило, и он не прекращал поиски (уже на свои деньги)...

Один бедолага попадал на допрос не к тому следователю, и его начинали крутить всерьёз, а другого – ничего не подозревающий «кум» принимался вербовать в стукачи и перебрасывать по хатам в соответствии со своими оперативными соображениями, а не в соответствии с тур-контрактом – да мало ли что могло произойти в тюрьме!?

* * *

Вокруг основного предприятия со скоростью грибов начали расти страховые компании и до-

черные фирмы всевозможных аварийщиков, спасателей, эвакуаторов. А ещё медицинское сопровождение, экипировка, оптимальное питание...

Но самое знаменитое дело возникло из потребностей обучения.

Вначале эти усилия растворялись без толку. Издавались пособия, инструкции, учебники – всё впустую. Никто не хотел их читать. Некоторое время стали пользоваться популярностью компактные книжки комиксов с самыми необходимыми сведениями, но – недолго.

Только через пару лет, когда как-то неожиданно омолодился круг кандидатов, возник специализированный учебный курс. Именно он стал основой элитного спецкурса «Тюрьма-тур», вокруг которого была создана самая престижная школа российского бизнеса. Слушателей там, кроме многого прочего, готовили к возможности настоящей посадки, рассматривая тюремные туристические вояжи в несколько дней – ещё одним способом подготовки. Кстати, и настоящую отсидку, и тур по контракту там называли одинаково – прохождением маршрута, и в первые дни на маршруте новички не могли понять, всерьёз они попали сюда или нет.

Дело, начатое Дублиным, превратилось в мощную индустрию, втягивающую огромные капиталы. Тут же эти капиталы странным образом растворялись практически без видимых следов, пробуждая у причастных к предприя-

тию ещё большие аппетиты. Очень страдало начальство неисчислимых российских лагерных зон – они прознали про этот Клондайк и облизывались издали. Иногда и они находили нужные связи, и тогда, по какой-то необъяснимой ошибке, клиента Дублина вдруг этапировали в неведомую даль, заставляя включать все аварийные службы и втягивая таким образом в этот зазеркальный оборот всё большие деньги. Впервые в страну ввозилось больше валюты, чем вывозилось из неё. Население потешалось над официальной статистикой, твердившей о невиданном улучшении всего того, что, как ни гляди, никак не улучшалось, а журналисты снова затрубили про удвоение ВВП...

С ростом предприятия Дублин всё более терял над ним свой контроль. Росли аппетиты властных чиновников, так или иначе причастных к процветающему бизнесу, и эти чиновники прокручивали за спиной Дублина что-то своё, но и сами теряли контроль над своими подчинёнными, непосредственно работающими с клиентурой. Появились секретные картотеки, составленные по допросам туристов, на которых те безбоязно (предполагая допрос одним из видов этой прикольной игры) откровенничали о таких делишках, о которых лучше бы не знать и тем следователям. Возникли целые следственные отделы, разрабатывающие туристов и составляющие по этим разработкам свои штабные карты современного предпринимательства. Не-

редко и реально арестованных богачей для эффективной раскрутки некоторое время поддерживали в обманной уверенности, что они здесь просто – богатыми туристами.

Уже само предприятие диктовало необходимость всё большего потока денег (и, разумеется, клиентов).

На одном из заседаний кабинета министров Премьер бросил в адрес министра юстиции: «Обслуживание туристов – это очень современное направление, но, поверьте, у государства и у вашего министерства есть и другие, не менее важные задачи». Министр виновато отмалчивался и – не верил.

В тот же день уже в своём кабинете министр отыгрался на подчинённых.

– Не понимаю, почему мы должны тратить такие деньги на унитазы, – министр тыкал в калькуляцию. – У нас есть другие потребности...

Ему пытались объяснить, что иностранные туристы на наши «удобства» не соглашаются – скорее лопнут.

– Пусть лопнут, – разрешил министр.

– Но они выйдут и расскажут другим.

– Так сделайте, чтобы не выходили!

– Нельзя. Никто не станет покупать наши туры, а это – наши кровные деньги.

– Надо что-то делать. – Министр надолго задумался. – Мы не можем зависеть от прихоти кучки зажавшихся лоботрясов. Что это за бар-

дак: хочу – куплю, не хочу – не куплю. Взять! посадить! и – продать!

– Что продать? – не понял заместитель по финансам.

– Всё, что пожелают купить. Но – сначала посадить.

Это была необычная, но вполне перспективная идея.

Постепенно туры стали сокращаться, но индустрия, построенная на них, продолжала работать, подстраиваясь под новые условия, потому что теперь у неё появлялось всё больше реальных клиентов, попадающих за решётку всерьёз, и готовых к серьёзным тратам.

В это время Дублин в шутку предложил российские «силиконовые долины», о которых как-то упомянул Президент, создавать не на основе Академгородков, а в хозяйствах системы исполнения наказаний, куда и перевести установленным порядком требуемых академиков. (По крайней мере, сразу будет решена проблема секретности исследований.) Чубайс, растерявший чувство юмора в неудачных покушениях, шутки не понял и взялся лоббировать вопрос об отмене налогов на деятельность лагерных хозяйственников. Решение вопроса зависло из-за выяснений, кто главней: специалисты по организации науки или – по организации лагерей. От этого вопроса зависело, кто будет контролировать финансовые реки, которые, естественно, потекут в низины, где отменились налоги. Всё

общество включилось в обсуждение этой темы, по-всякому интерпретируя исторический опыт. Одни говорили, что русский атомный проект удался, потому что им руководил Курчатов, а другие доказывали, что руководил как раз Берия, и потому всё получилось. Отщепенцы хихикали, что кто бы ни руководил, а единственное, что смогли придумать, это – придумали как украсть. Споры не прекращались, и дело не двигалось. Может, потому, что двигали его не такие увлечённые люди, как Дублин?

А тем временем придуманная им игра уже заканчивалась.

С какого-то момента тюремный туризм прекратился.

Но долго ещё дублинская школа и её легендарный спецкурс продолжали работать и оставаться самым знаменитым учебным заведением Москвы. Более того, долгое время и слушатели школы пребывали в полном неведении о закрытии кафедры практических занятий. Когда их стали неспешно арестовывать, они были полностью уверены, что наконец-то начинается учебная практика. Они были готовы, потому что ещё после самой первой лекции каждый из них подписал целый комплект контрактов на разнообразные маршруты компании «Тюрьма-тур»...

Ничего не подписывайте второпях. Каждую бумажку, требующую вашей подписи, внимательно читайте. Можно прочесть и не подписать, и никогда – наоборот. Если с чем-то несогласны – не подписывайте. Если не позволяют исправить какую-либо неточность – не подписывайте. Если не дают зачеркнуть пустые строки – не подписывайте. Особое внимание протоколам. Протоколам обысков, задержания, протоколам допросов – любим. В протоколе задержания отмечается время задержания – время, с которого начинается ваш срок. Если времени нет – поставьте сами... В протокол обыска требуйте внесения любой изъятой у вас пылинки... Представьте, что каждую подписанную вами бумажку будут внимательно читать ваши биографы – это поможет...

Из лекций Н. Нима...

Мне было интересно наблюдать, как тюремный мир отзовется на дублинскую эпопею и на появление небывалых арестантов.

Сначала всё это было ещё одной дополнительной «парашей»*, сквозившей по этапам и преодолам наряду с известием о поголовной амнистии или о готовящемся (Гадом буду!) перевороте, в помощь которому понадобятся отчаянные бойцы, чтобы придушить всех мироедов...

Кстати сказать, байки о перевороте в своё время удачно использовал Хозяин саратовско-

---

* Параша – слух, недостоверные сведения.

го централа. Никак не мог он распотрошить доставшегося ему дельца (не туриста, а взаправдашнего арестанта). По оперативным сведениям, этот урод нажил сотни миллионов на наркоте и всё это где-то заныкал, прикидываясь средней руки ресторатором. Достаточно было на него посмотреть, чтобы понять, что никаким акциям или банкам он доверять не может и все свои богатства хранит понадёжней, как завещали деды и прадеды – где-то в земле. Тупость его могла соперничать только с его же упрямством. На все заходы Хозяина от отвечал неизменным: «Помолчу – целее буду».

– И богаче? – наезжал Хозяин.

– Само собой.

Уже месяц Хозяин играл с ним в одну и ту же игру. Приходил, расшвыривал всё, что под руку, орал, что вокруг бардак, и выписывал пять суток карцера. Дельца переводили в пустую камеру, куда приходил Хозяин, и – начинался торг:

– Хочешь телевизор?

– Сколько?

– Пятьсот долларов.

– Обойдусь.

– Триста.

– Смотри сам...

Сговаривались на сотне, и Хозяин переключался на холодильник...

За неделю набегало долларов пятьсот, которые приносил из кассы ресторана счетоводческого вида адвокат и, вздыхая, отдавал. Разве это –

деньги?! (Хозяин думать забыл об окладе, до сих пор не превышавшем полторы сотни долларов, и о греве, который он недавно ещё не гнушался лично передавать за какие-то чирики.)

А потом, услышав мечтания зеков о революции, Хозяин удумал. Он переместил хитреца в очередной карцер, снабжённый одной только радиоточкой, и призвал в помощь артиста местного театра, парящегося здесь за несколько таблеток «экстази». Радиоточку замкнули на микрофон в соседней камере, и наркобарон, худея на глазах, слушал новости о падении антинародного режима и о новых указах кабинета национального согласия.¹⁵ Артист потребовал магнитофон с записями инструментальной музыки и торжественные сообщения перемежал ещё более торжественными мелодиями. Когда он зачитал порцию указов о запрещении свободного хождения иностранной валюты и о непременно (под угрозой конфискации) её обмене на рубли (в течение десяти дней по курсу вчерашнего дня, после – по курсу 1 доллар – 96 копеек) – клиент созрел. Он сам вызвал Хозяина и посулил за своё немедленное освобождение сто тысяч долларов.

– Постой, – пятьсот... Ладно – лимон...

Сговорились на двух, и Хозяин лично конвоировал заключённого «на свидание со смертельно заболевшей женой» (так было записано в постановлении Хозяина, которое фигурировало в его персональном деле о провокации, подрывающей основы власти)...

Каждая такая история разлеталась сотнями неправдоподобных баек через все этапы страны и до самой отдалённой зоны. Все ждали золотых пассажиров.

Всем чего-то не хватает в зарешеченном мире, не хватает лишнего – из примет вольной жизни, но ещё больше – не хватает необходимого. И все – козлы, авторитеты, хозяева, стрелки на вышках и шныри в бараках – все мечтали, что с приходом богатеев они получают всё, что им надо: заработают, выслужат, выцыганят, выиграют, отберут, конфискуют, переделают с помощью своего ума, силы, хитрости, лести, шантажа, угроз, кулака...

Тюремный мир был готов принять финансовую элиту страны...

* * *

За маленьким круглым столом на троих, с быстро исчезающими немудрёными закусками, я пытался рассказать о своих наивных надеждах, связанных с этой будущей встречей. Не может ведь всё остаться по-прежнему, когда люди с таким весом и такими возможностями увидят буквально воочию...

Мой приятель Кирилл похмыкивал на мои резоны, управляясь с брызгающим чебуреком.

Ранее – упрямый сиделец, прошедший Елецкую крытку, сейчас он жил в Подмосковье и в свободное время на общественных началах бодался (довольно успешно) в судах с властями

всех рангов за права своих соседей-знакомых-незнакомцев – всех, кто стоял к нему в очередь со своими бедами, не давая ни покоя, ни жизни. В Москву он приехал по одному из таких дел, в котором совершенно бескорыстно помогал официальному адвокату пострадавшего бедолаги. Этого молоденького до невозможности адвоката – Никиту – он и притащил ко мне. Тот буквально прилепился к Кириллу, заглядывал ему в рот, краснел и, дав какую-либо юридическую справку, тут же залезал в очередной кондуит и перепроверял сказанное по тексту.

Никита долго отнекивался от водки, постоянно смущался матерных выражений и хмыкал, поддакивая (подхмыкивая) Кириллу.

– Они осознают всю дикость нашей борьбы с преступностью, – вещал я о своих мечтах. – Это же всё равно что бороться с болезнями, помещая инфицированных вирусом гриппа в чумной барак... Да ладно бы и так, если не собираться снова выпускать их к здоровым людям. Дико! Варварство! Но – логично. А у нас – и дико, и нелогично...

– Козлы они, – Кирилл справился с чебуреком. – А потому ничто осознать не могут. Покошмарит их тюрьма, раздербанит и – выплюнет в козлы, где и есть их родное место. Будут до поры жопы хозяевам облизывать. Всё у них будет, как и на воле, только жопы для облиза – помельче и удобств поменьше... Чтобы они могли своими козлячьими мозгами что-то осознать, им надо по мозгам так врезать...

– Можно Кодексом? – обрадовался Никита.

– Что – кодексом? – Кирилл удивлённо смотрел на раздухарившегося адвоката.

– По мозгам... – Никита поднял на ладони здоровенный фолиант.

– Можно и Кодексом, – забрал у него книгу Кирилл и отложил в сторону, – но Кодексом – лучше прокуроров... А некоторых, – снова втолковывал мне Кирилл, – отпидарасят. И правильно отпидарасят. Такую гниду, например, как Гусинский... Как он мёл своей слюнявой метлой, когда чуток только прищемили: «Я буду помогать “Бутыркам”! я не оставлю!» Мне рассказывали, что так там перебздел, что из своего же лоснящегося подбородка выпрыгивал. А как он впереди любых предложений всё-всё подписывал, а потом на голубом глазу – в отказ? Я, мол, вонючка, был под давлением. То-то теперь заступники «Юкоса» понять не могут – почему это никто с ними не хочет договариваться. А потому! Потому что эта твоя элита (и финансовая, и властная, и родная твоя – журналистская) – они любые обещания, любое честное слово и все правдивые слова – всё превратили в фуфло. Ту самую правду, за которую мы жизнью расплачивались, – эти сутенёры сделали девкой для забавы и наживы... Нет, Гусинского бы правильно отпидарасили. Да он бы от страха сам задницу предложил. А потом бы ещё и шум устроил на весь мир, и – жалобу в Страсбург, мол, жопу подставил без желания, а под угрозой морде, и потому требую считать целкой...

– А можно, чтобы в ж-задницу ему – всю его чековую книжку? – Никита не на шутку воодушевился. – Свернуть и – в задницу?..

– Кому?

– Начальнику нашей адвокатской конторы; – торопился объяснить Никита, плескаясь водкой. – Такой гад! – подбородок трясётся, а он чековой книжкой по столу – шлёп...

– Хорош пить. – Кирилл решительно забрал у него рюмку и опять насел на меня. – Вся жизнь держится на сущей ерунде – на честном слове. Всё остальное – из этой паутинки – договора, соглашения, репутации, – нормальный мир в ней и качается. А эти твои – они фуфло сделали нормой. И чего это было разным идиотам столетиями подряд упираться в свои убеждения? Давят – покайся, выгодно – наври, угрожают – одумайся, требуют – настучи... Будь умным, как эти пидорасы, а потом скажешь, что время такое или обстоятельства такие, и снова – чистый... Может, тюрьма – это уже последнее место, где ещё требуется отвечать за свои слова. Разве эта твоя элита удержится на высоте такого требования? Их истинное место у парашаи, но со своими бабками они от любой парашаи откупятся, а уберечься от тюремных традиций¹⁶ смогут только в козлах.

– А хорошо бы яйца отрезать, – Никита тихо мечтал о своём. – А потом – ему же их в пасть...

– Кирилл, ты бы разузнал про своего адвоката – а то втянет тебя...

Стоит ли говорить, что ничего выдающегося, из ожидаемого мной, тюремные экскурсанты в своих туристических экспедициях не совершили.

Сначала практически везде их так и называли – туристами, даже настоящих арестантов из редкого круга супербогачей. В этом прозвище было не определение способа попадания в тюремную страну – скорее, способа, которым они старались здесь жить. Всем своим поведением они подчёркивали, что они-то сюда – всего на минуточку. И на какие бы годы ни растягивалась эта их «минуточка» – они смотрели на окружающую их жизнь как на экран какого-то сверхсовременного телевизора, передающего эффект осязания, обоняния и вкуса.

С неизменным постоянством они попадались на банальный тупой прикол первых своих сокамерников. Хата объясняла новичку, что для обеспеченных людей (для тех, кого взяли с солидной суммой или у кого есть счёт, чтобы можно было тут же всё оплатить банковским переводом) при тюрьме работает магазин и там можно купить всё необходимое. Хата в общем сплочённом порыве, не спеша, готовила себя к развлечению: кто-то просил купить неотъемлемую мелочёвку, кто-то подсказывал не забыть тару, доброхоты советовали, чем надо обязательно запастись в магазине. А потом новичок тарабанил в двери и просил рявкающего дубака записать его в магазин, и это уже – под

шквальный хохот всей хаты вместе с тем дубаком и его коллегами. Осечек не было, и попался каждый, но не из-за ловко разыгранного спектакля, а потому что любому нормальному человеку такое устройство жизни казалось вполне разумным, и непонятно было – почему бы так всё и не организовать. Кстати, через некоторое время то в одном, то в другом заведении, замершая в кульминации своего прикола хата слышала из продола: «Записал», а чуть позже дежурный дубак окликал: «Кто в магазин? На выход!» – и туриста действительно уводили под гробовое молчание всей хаты в спешно обустроиваемый при тюрьме магазин.

В общем, наименование «туристы» им вполне подходило, но в качестве общепризнанного определения этого нового вида тюремной фауны не прижилось. В разных местах их звали по-своему – «дельцами», «тельцами», «чубайсами», «лигархами», «мешками», «випами», «випунами», «животами», «кабанчиками» и ещё всяко разно. Наиболее повсеместно прижилось определение «кабаны».

Вокруг кабанов клубились истинные страсти и сплетались самые диковинные интриги. Всякий тюремщик и всякий зек пытался заполучить Кабана (хоть бы пролётом) сокамерником в свою хату, напарником в этап и соседом в барак, а начальство – в свою тюрьму и свой лагерь.

Кабаны не выбились в отдельную касту в устоявшейся тюремной иерархии, но, определяемые зековскими понятиями в какую-то масть,

сильно отличались от других её представителей. Точно так в совдеповских зонах можно было выделить достаточно обособленно живущих «политиков» или «баптистов» (так называли любых зеков, тянущих срок за религию) – тоже не образовавших отдельной касты и определявшихся чаще всего в мужики.

А когда закончился туристический сезон и кабаны пошли тюрьмой по-настоящему, то, как и предполагал Кирилл, они почти поголовно становились козлами, но были исключения, и – выдающиеся.

Леонтьевский продюсер, загремевший из-за того, что нагрел своих компаньонов в махинации с бриллиантами, умудрился за два года совершить нечто подобное революционному перевороту. Не врубившись в особенности местных нравов, он был сразу (и справедливо) определён в петухи, а когда осознал всю беспросветность жизни этой неприкасаемой касты, пришёл в ужас от аборигенских предрассудков. Сходу – с нерастраченной энергией и артистической фантазией, он перешёл к активной борьбе против дегенератских устоев тюремной жизни. Предложения начальства и местных авторитетов переждать сколько надо в золотой клетке Продюсер отверг и растратил-таки на свою личную революцию все те бриллианты, которые совсем на другие цели заныкал от своих друзей. Говорят даже, что и те облапошенные им дружки приняли довольно существенное материаль-

ное участие в «революционной» деятельности Продюсера (видимо, им был близок его человеческий пафос).

По телевидению прошло несколько качественных сериалов о восхитительных ценителях нетрадиционной любви, побеждающих в смертельной схватке со всем уголовным миром, который, собственно, и есть порождение любви традиционной (гипотеза смелая, но вполне соответствующая всем современным вывихам психоаналитики). Появились увлекательные детективы и многочисленные анекдоты той же тематики. Например, такой:

Присылают на зону Смотрящего. Встречает его сам Хозяин, мол, наконец-то, а то – полный бардак. Показывает место – всё путём: шконочка, свой телевизор – ништяк...

– Кайфуй, – говорит и – золотой «Ролсон» на руку ему.

– Делать чё надо? – интересуется Смотрящий. – Вправить кому или чё?..

– Да, пустяки – одно у тебя дело, – вздыхает Хозяин. – как «Ролсон» затренькает – ты подходишь к петушатнику и тихонечко им: Куре-ку. А они проснутся и – всем вправят.

Среди петухов России Продюсер скоро стал популярнее, чем Че Гевара в протестной культуре современной цивилизации. Легенды о Продюсере разносились по всем зонам и сплачивали забитое и прокажённое племя в мощную силу. Петухам только и надо было, что осознать эту

свою силу, и Продюсер совершил требуемый поворот в петушиных мозгах. Ему даже и не пришлось выдумывать какую-то особую идеологию, чтобы убедить отверженных изгоев в своей мощи, – эту мощь им предоставляла сама тюремная культура, выталкивая в неприкасаемые.

Если клеймо петуха – это проклятие навсегда, и если в петухи вылетают за обычные человеческие контакты с тем, кто уже туда вылетел (за докуренную у петуха сигарку, за простое рукопожатие, за любой пустяк), то вот же и выход: пусть каждый живёт под реальным страхом оказаться в петушатнике. Угроза мести от авторитетов за опетушачивание не так страшна, как её расписывают, потому что петухов много, и заточки они умеют делать не менее острые, чем заточки авторитетов. Самое замечательное в этой борьбе было то, что петухи обладали возможностями любого врага делать своим собратом – петухом (и эту возможность им предоставили сами их смертные враги). Это же будто ожившее фантастическое кино про всяких «Чужих», «Тварей» и прочих невиданных монстров...

Оставалась сущая ерунда – убедить петухов, что они и по всем своим человеческим параметрам (эмоциональная палитра, культурные устремления, чувственные возможности) – куда значительней этих примитивных бабаёбов. (Петухи благоговейно внимали, не понимая ни звука.)

Ситуация на зонах сложилась невиданная. Петухи не стали главной кастой, но стали си-

лой, с которой приходилось считаться и авторитетам, и козлам, и хозяевам. Нельзя было ни устроить на зоне козлячий порядок, ни бунтовать против такого порядка, не заручившись одобрением из петушатника. Нельзя было нарушить правила обращения с петухами, которые те ультимативно предъявляли лагерному люду. Да и никто не посмел бы их нарушить, так как это было сущей бессмыслицей: нарушитель мигом оказывался петухом... На некоторых зонах петухи даже попробовали пропагандировать своё культурное превосходство – повалили в самодеятельность, занимали козлячьи должности или претендовали на исконно авторитетные места в бараках, но этот беспредел они сами и пресекли, будучи племенем довольно-таки консервативным и долгими десятилетиями воспитанным в осторожной оглядчивости...

Ничего хотя бы отдалённо сравнимого с этим переворотом тюремного сознания никто из кабанов более не совершил.

Обычно, попадая в лагерь (после долгого прохода по тюрьмам и обустройства там отдельных камер, корпусов и личных особняков начальственного состава), Кабан располагался бесконвойно в ближайшем посёлке, в котором обитало лагерное начальство и вокруг которого отдыхало начальство из Управления (на дачах или на охотах – кто как). Очень скоро в посёлок из Москвы (или – откуда ещё) переби-

рался выездной офис Кабана, и разворачивалась какая-то деятельность, из которой все, кто мог, пытались отколупнуть себе всё, что можно. Если Кабан оказывался прижимистым и отколупывать не спешил – его на некоторое время переселяли в лагерь и, как правило, все недоразумения исчезали (иногда приходилось переселять ещё и ещё – то по Кабаньей невосприимчивости к урокам, то – по растущим аппетитам другой стороны).

Рассказывают, что разобиженный на весь мир Абрамович, заехав на пару лет в далёкий лагерь под присмотр специально отобранного зверя, наотрез отказался располагаться в посёлке. Зверь оказался обычным затурканным лагерным начальником (в меру – душевным, в меру – душегубом) и хотел для знаменитого богатея расстараться, но тот – наотрез: «Раз со мной так, – говорит, – буду жить как все – в бараке». Пришлось строить ему на территории лагеря специальный барак по сверхсовременному проекту им же найденного архитектора. Потом он в этом двухэтажном бараке и жил, не выходя наружу и общаясь только с охраной, которую выписал из Англии и разместил на первом этаже.

На короткое время мощно прогремел Вексельберг, вначале растерявшийся до слёз (А как же яйца? – Засунь их себе...), но быстро оправившийся к привычной деятельной лихорадке. Его доставили в Приморский край, отрывая подальше от неисчислимых паутинных связей

с экономическими воротилами страны. Вексельберг бесцельно гулял по окрестностям лагеря (в сопровождении почтительного конвоя) и долго бездумно смотрел на нерусские какие-то грядки с мелкими муравьями копошащихся вдоль них китайцев. Потом он что-то считал, звонил каким-то знакомым и наконец предложил начальству лагеря (и Приморья) наладить производство невиданных здесь сельхозпродуктов. Начальству на проблемы сельского хозяйства было наплевать, но оно обрадовалось уже тому, что Кабан проснулся к деятельной жизни, и, значит, начнётся какое-то движение, пойдут деньги – жизнь заиграет... И жизнь заиграла: строились теплицы, территория лагеря расширялась за счёт вырастающих повсеместно лагерных участков, между ними и основным лагерем прокладывались современные дороги – Вексельберга нельзя было ни повернуть, ни притормозить. В какой-то момент, после обстоятельных расчётов, он потребовал избавиться от имеющихся заключённых. (Как хотите! Расстреляйте, амнистируйте, чтоб духу...) На место заключённых спешно набрали безропотных китайцев, а из прежних зеков в лагере остались только авторитеты, потому что Вексельберг убедился, что это – самые лучшие надсмотрщики и самые безжалостные погоняльщики. Сам реформатор занялся экспортными контрактами, цехами для упаковки, подготовкой транспорта и всё это дельно наладил аккуратно к будущему урожаю. А заглянув в супертехнологичные теп-

лицы, ахнул: это был маковый и конопляный рай...

В основном же кабаний поток протолокся по российской тюрьме безо всякого следа, не изменив даже убогой зековской униформы. Тюремное болото только побулькало жадными мечтами и снова затянулось равнодушной плёнкой.

Много позже бывший следователь ростовской прокуратуры Виктор Муравьёв напишет большое исследование об этом времени, взбудоражившем тюремный мир и его обитателей.

А сейчас даже он ни о чём подобном не думает. Его мысли заняты Столпиным¹⁷, которого требуется как-то половчей взять в оборот и к которому, надо сказать, лично он не испытывает какой-то особой антипатии...

III. МУРАВЬИНАЯ ПЕСНЯ

1

Любой следователь, дознаватель или оперативник, занимающийся вами, изучал психологические особенности работы с правонарушителями и штудировал психологию допросов. Другое дело, что он, вероятнее всего, изучал эти предметы плохо. Как правило, каждый из них практически сразу классифицирует вас к определённому типу и по этой классификации выбирает метод работы с вами. Часто выбирает неправильно. Постарайтесь, чтобы вас ошибочно не определили в категорию, для работы с которой считаются эффективными методы грубого давления... Хотя бы потому, что это очень неприятно...

*Из лекций В. Муравьёва
на спецкурсе «Тюрьма-тур»...*

У Муравьёва не было против Столпина ничего реального. По старому риэлтерскому делу так вот сходу его не зацепить, да и само дело, постепенно разбухая, оставалось бесперспективным, хотя и требовало медленного копошения, потому что возникло оно по фактам насильственной смерти и тянулось с тех пор сто процентным «висяком». Впрочем, было бы желание. Два-три месяца активного следствия

с минимальной припрессовкой очевидных подозреваемых – и компания пока ещё добропорядочных коммерсантов начнёт глушить друг друга смертельными показаниями. Потом газетные полосы про душегубов, наживавших особняки со стариковскими скелетами в чуланах и – заслуженное возмездие. Всё правильно (виновные наказаны) и всё не так (не совсем так).

Эти квартирные ловчицы – падлы, конечно, но все они были частью общей губительной лавины, которая смела тысячи людей (а по стране – миллионы), кого – в нищету, кого – в бездомье, а кого – и в смерть. Виновны? Да, виновны. И Столпин, своими удачными манипуляциями вызвавший сходжение одной из таких лавин и ловко смывшийся из-под обвала, – тоже виновен, хоть его и трудно было бы умастить на скамью подсудимых. Но никакой суд не способен восстановить порушенную справедливость, хотя бы потому, что не вернуть захваченных обманом квартир, которые за это время по несколько раз установленным порядком сменили своих владельцев. А без утверждения справедливости любые наказания, по большому счету, бессмысленны.

Впрочем, всё это – частные рассуждения следователя Муравьёва, а был бы соответствующий приказ, и он бы это дело раскрутил самым добросовестным образом – конфетку бы сделал, а не дело. Но не было на то ни приказа, ни личного стремления. И на раскрутку Столпина – тоже не было. Было как бы внеслужебное пожелание начальства.

Областной прокурор вызвал своего нового подчинённого и спросил, что у него есть на Столпина.

– Да ничего нету. А надо?

– Ты мне не умничай тут. Ишь, прит столичный! У вас там в столице все, пля, приткие – вот самых притких и прут к нам в провинцию... Чего это он к тебе зачастил?

– Свидетелем. Помните, вы мне передали – дело риэлтеров?..

– И что там на него есть?

– Пока ничего, – дипломатично доложил следователь.

– Прижми его слегка, а то – нос задрал... Пусть попищит...

– Как сильно?

– Слегка...

Муравьёв был толковым специалистом и обустроиваться на новом месте стал не только с наведения мостов в начальственные кабинеты, но – главное всего – с обеспечения разносторонней оперативной информацией. Он умел общаться с доверенными лицами, оказывая им подчёркнуто корректное уважение, снимая фобии и страхи лучше любого психолога, и никогда не унижал даже намёком пренебрежения к их сексотским занятиям. Поэтому уже на следующий день он знал, как именно Столпин смертельно обидел прокурора области, даже и сам не заметив своего промаха.

Столпин с прокурором были давними и привычными знакомцами – завсегдатаями одних приёмов, презентаций и банкетов. Редкие и необременительные просьбы, лёгкий трёп на очередной встрече – ничего большего. Неделю назад они встретились на открытии нового автомобильного салона, к рекламе которого Столпин имел непосредственное отношение. Там прокурор сообщил Столпину, что по местному округу образуется вакантное место в Думу и он хотел бы продвинуть туда своего сына. (Хватит ему девок тут портить – пускай делом...) «Рад бы, но – никак, – отозвался Столпин быстрее, чем прозвучала просьба. – Сам намылился, а поддерживать соперника – это лишние вопросы всяких пронырливых журналюг. Что другое – пожалуйста». Прокурор обиделся. Ему почему-то казалось, что Столпин должен был немедленно отказаться от своих тщеславных затей и все свободные силы (вместе с деньгами) направить на осуществление разумных замыслов прокурора.

Областной прокурор, конечно же, – самолюблённый индюк, но и Столпин со своим денежно шуршащим хвостом – такая же милая пташка, и поэтому начальственное пожелание представлялось следователю вполне обоснованным. Муравьёв ощущал себя государственным человеком – как бы чрезвычайным и полномочным представителем государства в дряблом теле страны, и в никчемном конфликте Столпина с прокурором видел не только отказ одно-

го честолюбца признавать амбиции другого, но и, если хотите, недопустимое пренебрежение государственностью вообще, которую и областной прокурор тоже худо-бедно (жаль, что и худо, и бедно) олицетворял.

Муравьёв не собирался откапывать какие-то реальные промахи и проколы Столпина, из которых можно было бы сплести убедительную основу для уголовного дела. И не потому, что это могло бы оказаться невыполнимой задачей. Долгая практика, острый ум, ловко заточенный на криминал, и несколько односторонний жизненный опыт убедили его в том, что любого человека вполне обоснованно можно привлечь и упечь – было бы желание (или – приказ).

От этой его уверенности и от сквозящей за ней лютой правды можно возмущённо ахнуть: «Вот он – типичный следак, циник и душегуб», а можно – охнуть: «Как же ловко все мы скрываем, и от себя даже, свои гнилые подлянки!»

* * *

Всех подследственных (а так как все мы – потенциальные подследственные, то и – всех людей) Муравьёв грубо и практично делил на две категории: тех, что с совестью, и тех, у кого на этом месте отросло что-то другое (барство, гонор, или – сами знаете что). Попадая из потенциальных подследственных в реальные, первые как бы стонали изнутри: «Господи, за что?!», а

вторые гремели: «Как смеете – меня?!» С первыми работать было легче: они при аккуратном подходе сами наводили на пыльные скелеты в забытых до поры чуланах памяти. Работа со вторыми была более трудоёмкой, но значительно продуктивней для настоящего профессионала, так как здесь наличие скелетов было стопроцентным, и не в пыли да паутине полузабытых обстоятельств, а – в идеальном состоянии практических расчётов и планов.

Отыскивать столпинские скелеты Муравьёв не собирался. Ему надо было, чтобы на Столпина дохнула своим ознобом Тюрьма, не сильно даже, но чтоб заныла душа (Господи! за что?) и каждая клеточка забилась вернуться назад – в жизнь, где осталось всё, что тот знает, ценит и любит. (Если он виноват – он готов загладить, возместить – подскажите, как?) С тем Муравьёв его и отпустит восвояси, оставляя в уверенности, что и отпустив – всё равно держит на зацепистом крючке. А дальше – дело начальника, и как именно областной прокурор будет намекать Столпину о своих возможностях и желаниях – Муравьёва уже не колышет. Так он понимал начальственную волю (точнее – придурь) и так намеревался её исполнить, а в том, что всё у него со Столпиным пройдёт как по маслу (и задохнётся, и занует, и готов будет сделать всё, что необходимо) – в этом Муравьёв не сомневался, так как в их недолгие протокольные встречи внимательно изучал этого олигарха губернского значения, пока тот наслаждался

своим барственным величием. Муравьёв даже чувствовал это столпинское снисходительное терпение к себе и вообще – к докучливым людишкам, сплошь неудачникам, шурующим что-то никчёмное на никчёмной службе.

Видимо, поэтому от предстоящего ему мероприятия следователь уже сейчас получал наградой свою маленькую радость.

* * *

Муравьёв даже любил создавать о себе в начале любого нового знакомства обманный образ неудачника – тем сильнее (и полезней) оказывался эффект прозрения. В том, что он в свои почти что полста оказался сосланным из Москвы в провинциальную глушь, да ещё с высоты руководителя следственного отдела городской прокуратуры сверзился в обычные следователи, – в этом была какая-то невыносимая загадка, и муравьёвский начальник, слегка пошпынивая его, хотел не унижить своего подчинённого, а – растормошить и таким способом вынудить к открытию этой тайны. (Вдруг он – специально засланным казачком? Тогда не надо было к нему – со Столпиным этим... А хрена он тут выкрутит – обычное указание, проверь, мол...) Муравьёва от души забавляли и любопытство прокурора, и его сомнения, но на унылой физиономии нельзя было прочесть и тени этого эмоционального переплеска. (Чурбан чурбаном.)

На самом деле это была не ссылка, а рациональный и добровольный уход в тень, чтобы через год-два вернуться и занять своё – подобающее ему – место.

Страстью (делом, жизнью, Богом) Муравьёва была справедливость. Не какая-то расплывчатая всемирная справедливость и не частная недотыка, которая до высекания искр бьётся о столь же неуступчивую справедливость соседа, а справедливость государственная – державная. Её можно бы сравнить, например, со справедливостью какого-нибудь крепкого в вере и убеждениях хозяйственного старообрядца. На первом месте забота о самом хозяйстве и обережение тех устоев, на которых строится это хозяйство (да и сама жизнь), потом – уважительная забота о родных, о друзьях и работниках, о сезонных батраках и любых побирушках (каждому по чину и по стараниям), но только до поры, пока кто-то из них не покушается на те самые устои – пока берегут и следуют им. Ну а к отступникам – спокойная беспощадность, и при этом – отеческая снисходительность к детским шалостям, в которых нет посягательств на основы жизни, а одна только неразумная молодецкая резвость...

Муравьёв буквально ощущал эту державную справедливость. Дело не в форме государственного управления: монархия-империя-диктатура-демократия – это наряды для дипломатических танцев. Муравьёв понимал само устройство своего отечества – его натуру, его внутреннюю

конституцию. Как русскому вальяжному барину (или – тому же старообрядцу) не к лицу легкомысленный фрак, так и нашей родине не по сути все эти гомонящие думы-хуюмы... В основе нашей державности и её справедливого жизнеустройства – несуетная гордость, гулкое величие и спокойная уверенность в своей необоримой силе...

– Ну? – прокурор области не выдержал мажоры ожидания и снизошёл лично посетить кабинет Муравьёва, – как там Столпин?

– Задержан и сидит в КПЗ.

– Психует?

Муравьёв позвонил дежурному по КПЗ.

– Как там Столпин – психует?

– Нет, а надо?

– Не умничай и смотри: как заверещит – сразу ко мне... – Муравьёв положил трубку. – Он в ступоре.

– Смотри мне, – прокурор оглядел убогий кабинет Муравьёва. – Никаких отступлений от демократических, пля, норм, чтоб законом – до самой утробы его!.. Понимаешь?

– Не сомневайтесь...

Муравьёв не сразу собрал наново жизнепитающие мысли, растрёпанные начальственным вторжением.

«Демократические-пля-нормы». Нынешним заправилам, что демократия, что марксизм – по барабану. Если бы Горбачёв своими неловкими

метаниями не распорол поистлевшие швы партийной исключительности, то все эти демократы с угодливой радостью на тех же честных физиономиях в очередь тянулись бы комсомольско-партийными коридорами власти – каждый к своему креслу и кабинету. Ну, самые умные – с хорошо запрятанной фигой в кармане. Да ведь уже и тянулись – комсомольскими секретарями научных организаций, гебешными шестёрками по разным институтам и газетам, полиглотами-косметологами для впавшего в маразм марксизма-ленинизма. А в перестроечном сквознячке быстро сообразили, что сдемократить в принципе можно много больше, чем скоммуниздить – вот и попёрли в демократы...

* * *

Понятно, что на одних своих умствованиях – пусть и очень значительных – Муравьёв далеко бы не уехал. Следователь был сыскарём милостью Божией и умелым терпеливым выпытывателем чужих бед да горестей. А в придачу – блестящим знатоком законов и установленных процедур, которыми умел удивительно мастерски манипулировать. Только не надо возмущённо визжать по поводу этого его манипулирования. Закон для Муравьёва – самое главное, практически – самое святое, как, например, инструмент для хирурга. Надо досконально знать и виртуозно пользоваться всеми этими блестящими штуковинами – вплоть до дефибриллято-

ра какого, но при надобности надо уметь освободить организм от смертельной гангрены и одной ножовкой – даже и без наркоза.

И закон сам знает своё место. Вот взять, например, судью: в том же кодексе указано, что судья выносит свои решения на основании закона, но руководствуясь внутренним убеждением. А судья – государственный человек, и у него не может быть негосударственных убеждений, как и у прокурора. Судья этими убеждениями восстанавливает государственную справедливость, а прокурор – не позволяет на неё покушаться, защищает её от любых посягательств.

Это не значит, что любое нарушение закона должно немедленно вызывать появление громовержца-прокурора с карающими молниями в руках. Не всякое покушение на закон является покушением на государство. Можно даже сказать, что державе необходимо, чтобы все её граждане были немножко перед ней виноваты. В этом простой и верный ресурс изначальной государственной правоты. Так божество из-за человеческой греховной природы всегда имеет неоспоримую правоту перед любым смертным. И служение Муравьёва государственной справедливости – то же самое, что служение боже-ству..

Ну, и куда теперь классифицировать следователя Муравьёва? Кто он – профессиональный циник или романтик, вибрирующий наивным пафосом? Да и чем поможет любая классификация?

Понаставили вокруг железные ящики с ярлыками и суём туда всё, что под руку, думая, что этими сортировками и на самом деле приближаемся к пониманию. Один знакомый спившийся нарколог норовил всех людей мелом отцифрить – один, два или три. Прищурится на первого встречного и тут же ему цифру рисует – сортирует по стадиям алкоголизма, которые своими мудрыми формулировками любого в какую-то стадию да улавливают. Так что – пить не надо... И не надо классифицировать Муравьёва – он живой, да и сам может отклассифицировать любого так, что мало не покажется...

Муравьёв мог бы сказать и больше. Он мог бы заявить, что выпусти почти всех посаженных преступников и замени их любимыми друзьями свободными пока гражданами (или даже поменяй местами со служителями ведомства их охраняющего), уменьши нынешнее число сидящих на порядок, или на порядок увеличь его – ничего не изменится ни за решёткой, ни на воле. Но – до поры: пока остаётся незыблемой основа основ – государственная справедливость. (Оберегаемая, само собой, такими людьми, как Муравьёв.) А реальных покушений на эту справедливость не так уж и много, и происходят они далеко не всюду, где гуляет беззаконие. (А где оно не гуляет? Лишь бы не царило, и – не в загул.)

Но там, где такие покушения происходят, там надо карать беспощадно. Например, умышленное убийство в порядке частной инициативы.

Здесь не только покушение на чью то жизнь (бесценную и ла-ла-ла) – это покушение на полномочия государства, на один из главных атрибутов истинной власти (даже если сама власть по каким-то временным соображениям отказывается от него). Да и любое самое нелепое происшествие может вдруг обернуться угрозой государственным основам. Под один из таких камней и попал Муравьёв...

* * *

Он дежурил по городу, и срочный вызов в 101-е отделение милиции поначалу счёл бессмысленной паникой.

Какие-то молодые тёлки с кавалерами, которых они выдавали за телохранителей, обманом проникли в закрытый элитный клуб. Нанюхались там чего-то в торчок, обещали поставить всех раком и кого-то попутно обули на приличную сумму. Вызванные менты этих красавиц запеленали, доставили к себе и в конце концов самих так и поставили. Скотство, разумеется, но куда более обыденное, чем истерика звонившего Муравьёву начальника отделения. Муравьёв поехал, настраиваясь на показательное вправление мозгов.

Он сразу всё понял, когда ему показали документы (ни на секунду не усомнился, что фальшивые) разъярённых красавиц. По студбилетам Московского университета они представлялись как сестрички Путины.

Куда ни поверни – звездац! Эти люди посмели насмеяться над державным именем. Но менты и того хуже – они над державным именем надругались. Именно так воспринимал происшедшее Муравьёв, и так же его должен воспринять любой человек власти (начальник отделения, начальство Муравьёва и выше – кто только узнает, – вплоть до Самого).

Муравьёв остался на высоте (насколько позволяла такая нештатная ситуация). Ранним утром он сообщил прокурору города, что двух идиотов, личности которых пока ещё не установлены, уже начали крутить за распространение наркоты. Вся милицейская смена первым же рейсом отбывает в Чечню, и желательно, чтобы они вернулись только орденосцами (хоть и посмертно). Начальник отделения должен быть переведён на пару лет в какой-нибудь Засранск, и все, хоть краем причастные, – тоже (чтобы ни звука дальше вверх).

– А ты, Виктор? – спросил прокурор города.

– И я, – ответственно заявил Муравьёв. – Только моим Засранском определите, пожалуйста, Ростов.

– А я? Мне ведь тоже придётся докладывать...

– А вы не в курсе. Что-то произошло, и вы примерно знаете, что перепившаяся милицейская смена набедокурила, но пожелала – смыть кровью. Я наказал начальника отделения и по непростительной халатности уничтожил все документы, а за это вы меня – в Ростов...

Так в общих чертах и решили. Муравьёв не сомневался, что благодарный начальник скоро вернёт его обратно и назначит на подобающую должность. Да и при чём здесь его начальник? Муравьёв точно знал, что ведёт его по жизни, а точнее, направляет его жизнь какая-то властная и могущественная рука. Она и выведет его из любых тупиков и неожиданностей. Надо только не прерывать своего служения настоящему делу и служить ему беззаветно и преданно, не для личной корысти, не для наград и почестей, а тогда будет всё – и награды, и...

Звякнул телефон, и прокурор заинтересовался, что, собственно, намеревается делать Муравьёв.

- Ждать.
- Сколько мы уже ждём, пля?
- Полтора часа. У нас ещё сорок шесть с половиной, – отрапортовал Муравьёв. – И потом, между прочим, – сколько захотим.
- Надо, чтобы он захотел: без потом.
- Он захочет, – заверил Муравьёв.

В любой момент каждого из вас могут задержать на 48 часов. Для дальнейшего удержания вас под стражей необходимо решение суда. Суд может продлить ваше задержание ещё на 72 часа без какого-то обвинения в прежнем качестве подозреваемого и может вынести решение о взятии вас под стражу уже в качестве обвиняемого. Но суд может вынести и другое решение: например, взять с вас как с обвиняемого подписку о невыезде или избрать другую меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Вам надо добиваться именно этого...

Из лекций В. Муравьёва...

Муравьёв не принимал сердечного участия в давешней борьбе прокуратуры и суда за сохранение полномочий на арест своих соотечественников. Конечно, жалко лишаться каких-то властных атрибутов (да не каких-то, а таких могущественных) – это, как у того же громовержца конфисковать парочку молний из воинственной руки. Но к резонам коллег о том, что суды, мол, начнут либеральничать и там, где необходимо жечь да выжигать, будут плодить заразу безнаказанности, – к этим резонам Муравьёв относился с нескрываемой иронией. Любой судья прежде всего – государственный человек и потому всегда поймёт прокурора и пойдёт навстречу его требованиям. К сожалению, появляется больше чисто технической мороки, отнимающей драгоценное время: подготовка бумаг, по-

ездки в суд, доставка туда задержанных, всякие нестыковки и ожидания – тоска... Всякие изменения только плодят бумаги и новые армады тружеников, производящих и сопровождающих эти новые бумаги.

Но для решения технических проблем всегда можно придумать нормальную техничную комбинацию. Вот уже и судья спокойненько приезжает сам в прокуратуру или другое место и быстренько отработывает все законные судебные процедуры. Осталось добиться того, чтобы судья был всегда доступен. Пусть организуют дежурства, как и во всех правоохранительных структурах. Дежурный судья приехал по вызову, выслушал, постановил, мантию в портфель и – свободен. Чтобы всё – по закону.

И не надо так настойчиво отбиваться от суда присяжных. С присяжными надо работать и оказывать им то же самое уважение, что и любому государственному человеку. Не надо пренебрегать ими и низводить до положения кивал-заседателей в коммунальных судах. Они тоже (хоть и на некоторое время) – люди власти и, понимая это, сразу же начнут дышать в унисон с державным дыханием. А державность – такая сила! Там, где она овеивает человека (будто бронзовой пылью), все его частные глупости тут же выдуваются напроочь, и невыносимо скушно потом снова возвращаться к мелочам своей маленькой жизни.

У самого Муравьёва практически не было какой-то частной жизни, совершенно отдельной от

главной для него жизни-служения. Бытовые мелочи не в счёт, Это, как ежедневное бритьё: можно считать, что это его частная маленькая забота, а можно посмотреть и так, что это часть его государственной службы, требующей соответствующего внешнего облика. Ну а те мелочи повседневного быта, которые становились помехой его служению, Муравьёв последовательно уничтожал. Примерно к сорока он удачно освободился от семейной доуки с неисчислимым ворохом каких-то глупых забот по непрерывному устройству родичей или по бесконечному приобретению ненужного хлама. Жены-дети-родственники, разбивавшие себя до слёз об его эмоциональную тупость, наконец счастливо жили в своих шумных семьях, практически не отвлекая Муравьёва от его жизни, наполненной такими страстями, которые другим и не снились. Да и какие у них там могут быть страсти – в их частных душонках? Очередной раз чем-то очароваться и потом в это вот очаровательное хером тыкать до полного разочарования?..

Правда, однажды Муравьёв готов был с головой окунуться в омут неисчислимых радостных мелочей частной жизни, отделив её счастливым островом от жизни второй (всё равно – более главной) – государственной.¹⁸

В омут?

Скорее, в реку, неожиданно пробившуюся к нему плеском извечных истин. (Плеском или блеском? П или б? – а-а, всё едино. Пусть – б...)

Муравьев несколько лет вёл практический семинар на третьем курсе юрфака Московского университета. Тема была сугубо специальная – дознание и следствие. Любой ленивый студент мог через полгода занятий получить автоматом свой зачёт и следующие полгода законно прогуливать еженедельную пару. Они не интересовали Муравьева.

Его жизнью становились те, кто захотел сдать экзамен на оценку. Для них начинались настоящие занятия, наполненные увлекательными поисками выхода из придуманных преподавателем тупиковых юридических и жизненных ситуаций. Это было и вправду настолько интересно, что и сам Муравьев вылезал из синего (в вечном мундире) панциря сухой неприступности и становился для своих студентов остроумным и мудрым наставником (в самом точном смысле этого слова). Кроме того, сам семинар становился как бы гонкой за призом, и приз был очень даже заманчивым. Какой-то счастливец мог получить личную рекомендацию Муравьева на практику в Московскую прокуратуру. А дальше уже шла отработанная колея: прокуратура направляла ходатайство в университет, и студент становился сотрудником очень нехилого учреждения. Все полагающиеся зачёты-экзамены он уже сдавал экстерном. При этом немаловажно, что, сдавая их, был для экзаменаторов не каким-то там сту-

дентишкой, а – ого-го! (Ну, ладно – не ого-го, а просто – ого...) Но главное обретение – это необходимые связи, нажитые за два года практики. Дальше – на выбор: можно остаться и делать карьеру в прокуратуре, можно – в аспирантуру (зазывали и манили) с готовыми практическими наработками для уверенной диссертации, а можно и – в частные заработки на очень неслабые (при уже появившихся знакомствах) деньги. Такой вот выбор, конечно, огорчил бы Муравьёва, но что им теперь до огорчений придурка, на которого они некогда смотрели так восхищённо?..

Тогда в его группе остались пятеро. Четыре парня и девушка, чуть постарше своих сокурсников. Пожалуй даже, молодая женщина – Анастасия Смородинская. Муравьёв и не смотрел на неё как на женщину. Студентка, младше его на двадцать лет – безусловное табу, чего тут смотреть? Ну, конечно, она была – залюбуешься! особенно, когда не отрывала от преподавателя своих блестящих глаз. Да они все – не отрывали, и он сам в перекрестье этих восхищённых взглядов становился столь артистичен, что, право слово, стоил того восхищения.

– Хороший следователь обыграет любого подследственного. Но когда вы научитесь успешно противостоять следователю, будучи в роли подследственного, тогда вы станете следователем первоклассным.

Муравьёв излагал свои максимы, разбирая студенческие письменные работы.

На прошлом занятии он раздал задания, в соответствии с которыми студенты объявлялись подозреваемыми. Они обалдели, услышав, что один подозревается в перепродаже пиратских дисков с неуплатой налогов, другой – в репетиторстве с той же неуплатой, третий...

– Я просто так обучаю и денег не беру, – пискнул Боря Зельдин.

– Следователю расскажете, – отщёлкнул его Муравьёв.

В этом, собственно, и было задание: изложить точный план своего поведения при угрозе таких обвинений. Дополнительно следовало знать, что подозреваемым ещё не объявили об их задержании и предлагают дать показания, оставляя надежду на благополучный исход. Личный адвокат пока ещё не отыскался (не может приехать или вообще не выбран), но под рукой всегда есть дежурный. В общем, – барахтайтесь...

Кстати сказать, Муравьёву не составляло труда догадаться о сопутствующих дополнительных подработках своих студентов, причём – из их собственных слов, оговорок и проговорок.

Вот эти работы Муравьёв сейчас заканчивал бегло просматривать в замершей дышать аудитории.

– Ну, поздравляю, – студенты вздохнули, зашевелились. – Если вы выбираете так, – Муравьёв помахал пачкой листков, – то всем пред-

лагается подписать протокол о задержании («Ну вот...», «А что не сделай, всё одно – арест», «Менты – они по-другому не могут», «Неужели ничего нельзя...»), – преподаватель подождал тишины. – По крайней мере, на ближайший час. И не забывайте до полной потери ориентации: менты – это не они, это, всё-таки – вы...

– Итак, первая ошибка – одна на всех. Никто и не подумал потребовать (попросить, поинтересоваться) кодекс, чтобы напомнить себе точный текст, инкриминируемой ему статьи. И – немаловажно – напомнить себе санкции, предусмотренные этой статьёй. А может, следователь вас берёт на пушку? Может, сами санкции не предполагают никакого задержания и ничего страшного вообще?..

– Теперь – конкретные работы. Зельдин и Акулов пошли по стандартному пути. Один – в полный отказ, другой – в абсолютно подробное признание с искренним раскаянием, но в расчёте отказаться от всех слов, если не удастся задобрить дознавателя и отмазаться, – Муравьёв проверил по листкам Акулова, – да, именно отмазаться от ареста. Впрочем, Акулов запланировал и в случае удачи всё равно отказаться от показаний потом: во время следствия или в суде – когда это будет выгоднее...

– Так, Виктор Алексеич, Конституция же позволяет не свидетельствовать против себя...

– Всё правильно, Борис, Конституция позволяет. Более того, хороший следователь и сам напомнит об этой возможности. И о том, что

всегда можно отказаться от уже данных показаний, тоже напомним. Таким способом следователь получает первые и самые быстрые очки в свою пользу. Скажем, отказ от дачи показаний – одно очко, а «чистуха», то есть чистосердечное признание – пусть и сто раз потом от него откажись, – все десять очков.

– И хоть всё как бы по закону, – продолжал наставлять Муравьёв, – не надо забывать, что любой судья, любой присяжный и обвинитель, действуя только по закону, – руководствуются внутренним убеждением, то есть здравым смыслом. И это тоже – по закону. Что вам подскажет здравый смысл в отношении человека, который в ответ на любой вопрос закрывает свой рот Конституцией? Его спрашивают, например: «Откуда у вас при вашем окладе взялись деньги на то-то и то-то?», а он прикрылся Конституцией и только попискивает: «Могу не отвечать. Имею право». Имеет, конечно. Но и судья имеет право выписать ему на всякий случай постановление об аресте, даже и без особо основательных доводов обвинения. Потому что тот же здравый смысл подсказывает судье, что нельзя верить такому лукавому и неискреннему человеку, и все заверения подозреваемого в том, что он не сбежит из-под следствия, и не будет противодействовать, и будет весь из себя таким хорошим... – всё это разбивается пылью о тот же здравый смысл.

– А чистуха – это вообще подарок. Особенно если заснять, как подозреваемый, покуривая

да пересмеиваясь, излагает все свои признания под чай с конфетками, так вот задабривая своего следователя. Не забывайте, – Муравьёв поднял палец в напоминании, – что технические возможности для такой съёмки сейчас есть везде. И, кстати, свидания с адвокатом и с кем угодно тоже можно не только наблюдать, но и прослушивать.

– Но это же незаконно, Виктор Алексеевич.

– Абсолютно незаконно. И суд, скорее всего, исключит такие вот записи показаний из рассматриваемых материалов. Но из памяти – не исключишь. А внутреннее убеждение судьи питается из его памяти тоже. Поэтому, сколько потом ни отказывайся от тех первых показаний, сколько ни убеждай, что они появились под давлением, под угрозами, под пытками, – самое большее, в чём убедишь, это в том, что веры тебе вообще – ни на грош.

– Но ведь бывает – под пытками? Метелят же. И тогда самый резон сберечь своё здоровье, а, может, и жизнь.

– К сожалению, бывает. Но вот вас, Акулов, никто не пытал, и даже угрозы такой близко не было, а вы выбрали этот путь. То есть вы откуда-то знаете, что лучше, мол, не злить следователя, что лучше сохранить силы и здоровье и – всё подписать. Да ещё надежда почёсывает, что добрый дядя сейчас отпустит, а потом – как-нибудь провёмся и отречёмся ото всех слов... Вы читали, как в повальные 30-е годы среди арестантов гуляло мнение, что лучше побыстрее во всём признать-

ся и назвать как можно больше соучастников. Так, мол, и здоровье сохранишь, и сами следователи наконец поймут, какая чудовищная ложь раскручивает все эти чистки. Как вы думаете, друзья мои, кому были на руку такие резоны? Я полагаю, именно следствию, да, вероятнее всего, там про них арестованным и напоминали. И слухи про те пытки, может быть, столь же сильно преувеличены, как и про нынешние. Солженицын описывает своё следствие – не пытали, Шаламова тоже не пытали. Кого ни прочтёшь – в основном рассказывают о пытках других, про которые они слышали. Так, может, и жуть про пытки нагнеталась самим следствием, чтобы лучше принималась идея быстрых признаний? Ну, а тех, которые упорствовали – тех, наверное, и пытали. Только знаете, если бы не было таких поголовных признаний, то и следователям, которым доставались упрямцы, не было бы ни нужды, ни желания пытками гнаться вровень с успешными коллегами. Садисты, разумеется, всегда есть – и сегодня тоже, – но их популяция, как правило, остаётся мизерной и более-менее постоянной.

– Мы отвлеклись, друзья мои, – перебил свои рассуждения Муравьёв. – Так кому же выгодны сегодняшние арестантские резоны, о которых я сам всегда напоминаю и подозреваемым, и обвиняемым, – резоны про отказ от дачи показаний и от уже данных показаний? Кому?

Аудитория влюблённо слушала, даже и не шевелясь к тому, чтобы ответами на риторические вопросы мешать выступлению Муравьёва.

– А вот Сошин, – студенты заулыбались ещё не зная чему – просто поддерживая и не давая угаснуть улыбке преподавателя, – Сошин – молодец. Читаю избранные места из его показаний – внимайте.

«Прошу не сбивать меня неожиданными вопросами и в соответствии с законом дать мне возможность собственноручно и подробно изложить свои показания... В ответ на пугающую меня настойчивость товарища следователя (который, кстати, так и не представился и, может быть, даже – не товарищ следователь) я мог бы признать, что, действительно, предоставил моим хорошим знакомым возможность временного проживания в принадлежащей мне квартире. Я мог бы даже пояснить, что мои знакомые пользуются моей квартирой по нашему устному соглашению и на абсолютно безвозмездной основе. Однако я боюсь, что у меня начнут пытаться про этих моих знакомых или про родственников, от которых мне досталась квартира. Я боюсь, что следователь будет односторонне воспринимать мои слова, выискивая в них возможности для каких-то обвинений моим знакомым, или моим родственникам, или мне. Я не знаю ни о каких противоправных действиях своих знакомых, и сам ничего противоправного не совершал. Если меня подозревают в противоправных действиях, то я бы хотел знать, в каких именно, и иметь возможность проконсультироваться с адвокатом. Могу абсолютно ответственно заявить, что у меня нет незаконных доходов, и

нет доходов, с которых я не плачу налоги, если, конечно, следствие не считает, что обед у родственников или у друзей, или, например, подаренная мне куртка – всё то, что помогает мне питаться и жить, – тоже являются доходами, с которых надо платить налоги. Ничего больше я показать не могу, и если вдруг появятся мои показания о каких-то противоправных действиях моих знакомых или просто – моих, то это значит, что на меня оказывают непереносимое моральное и физическое давление...»

– Вот такая поэма. Не шедевр, конечно, но с проблесками таланта. Оцените, как хорошо Сошин построил защиту от самого опасного – от грубого давления и как точно намекает на потенциальное присутствие этого давления. И ещё оцените, как мягко и вроде испуганно Сошин демонстрирует принципиально достойное поведение по отношению к друзьям и знакомым. Хорошо, Сошин. Наверное, вас всё-таки задержат, но первый шаг к суду об избрании меры пресечения вы сделали хороший.¹⁹

– А Егоров Владимир Михайлович... – Муравьёв откровенно веселился, – ну, Владимир Михайлович, вы и отмочили. Практически гениально! Читаю я его лабуду и, вроде, самая что ни на есть чистуха. Странная какая-то, но, казалось бы, пусть так, если ему так нравится. Смотрите, что он учудил.

«Мне кажется, что пора облегчить душу. Нельзя допустить, чтобы ля-ля-ля. Если я этого не сделаю ля-ля-ля. У меня честные родите-

ли ля-ля-ля. Год назад я хотел купить диск с программой. Раз купил, другой... Откуда у меня столько денег ля-ля. Живу я скромно...»

– В общем, не буду вас томить, – прервал своё ля-ля-чтение Муравьёв. – Если прочесть только первые буквы первых предложений этой чистухи, то получится фраза: «мне угрожают». Представляете, какую бомбу этот террорист заложил под следствие. Теперь только в его руках взрыватель, и он сам может выбрать нужный для взрыва момент. В практическом исполнении надо бы придумать более искусный алгоритм, чтобы, например, я не мог догадаться, но сама идея – замечательная.

– И вы думаете, что наш профессор Мориарти на этом остановился? – продолжал веселиться Муравьёв. – Как бы не так! Он предполагает, что его всё же задержат, и совершенно правильно озабочен обеспечением себе максимально хороших условий. Ведь при задержании будет обыск с подробной описью в протоколе всех изъятых вещей – вот к этому мероприятию наш гений и подготовил ещё одну гранату. У него из бумажника будет изъята визитная карточка генерального прокурора с личным мобильным телефоном. Чей телефончик, Владимир Михайлович?

– Мой приятель. Он при надобности ответит жирным голосом.

– Опасный вы субъект, Владимир Михайлович, но – поэт. С генеральным, конечно, грубовато – хватило бы и городского, но замысел стоит лавров...²⁰

– Ну, и наша королева, – Муравьёв взял последнюю работу. – Ничего сравнимого по гениальности с Егоровым, к сожалению, нет, но дама отлично использует то, что есть в её арсенале: эмоциональный напор, тонко сыгранную слабость – вполне возможная тактика. Я не буду зачитывать сам текст. В нём наша Настя хорошо разыгрывает почти истерику, наполняет показания сумбуром, в котором на самом деле нет ни намёка на признание, хотя в каждой строке всякие охи и всхлипы о своей виновности: и виновата в том, что живёт, и в том, что надо иметь одежду, и что надо есть, и ещё в чём-то... Главная информация, которая вбивается в следователя всеми этими рыданиями, это то, что нельзя её так вот – без подготовки и без запасных колготок, – нельзя её под стражу, и она сознается во всём, что надо, она сделает всё, что только пожелает следователь, она готова заплатить – нет, не взятку, а залог, ведь есть же по закону залог?²¹ – у неё нет с собой, но она принесёт (займёт, и – завтра же) сколько надо...

Если вы простой миллионер – миллиона на три-четыре – и на вас нет заказа с вершин политической власти, то на уровне дознания-следствия, пока вы ещё в качестве подозреваемого, ваша свобода стоит тридцать-пятьдесят тысяч. Если вопрос о вашей свободе переходит в ведение суда, то сумма становится примерно на порядок больше – сто-двести тысяч. И это – изменение меры пресечения. Развал дела или его закрытие стоят ещё больше – примерно в два раза. Однако если всё это быстро решать на стадии подозреваемого, то общая сумма за прекращение дела может ограничиться сотней тысяч...

Из лекций В. Муравьёва...

– А что – правда бы согласились на всё, что пожелает следователь? – Муравьёв шутил, выходя из аудитории и пропуская вперёд Смородинскую.

– Если следователь – это вы, – студентка оглянулась, обжигая сияющими глазами и вороновой волной волос, колыхнувшей по губам, – тогда сходу – только мигните...

– Мигаю, – всё ещё пытался шутить Муравьёв...

* * *

Это были два месяца необыкновенной жизни. Настя вселилась в уютную квартиру Муравьёва и превратила её в счастливый остров. Вроде, как и всегда Муравьёв служил – врацал-

ся по той же орбите вокруг всё так же ярко сияющего для него державного солнца – и всё-таки сейчас всё было совсем иначе.

Сейчас эта его орбита как бы изменила свою траекторию и вытянулась, отгибая идеальный ранее круг в плавный маршрут вокруг ещё одной маленькой, но невозможно яркой и притягательной звезды.

Нет, конечно же, всё совсем не так. Попросту восхищённые глаза всё время сопровождали это кружение, придавая уверенной скорости его полёту.

Муравьёв перестал производить впечатление мрачного типа и притягивал симпатии окружающих открывшимся вдруг добродушием, да ещё в обаятельном сопровождении мягкой иронии. Оглядывая в прищуре той же иронии свою новую жизнь, Муравьёв понимал, что это – невероятное чудо. Речь не о постельных стихиях (то есть не только о них). Невероятным чудом была сама Настя.

Она была вся целиком в его ладонях (или – его дыханием, или – домовым в его помолодевшем и замечательном дому, или – ангелом хранителем во всех его важных делах) – она была вся целиком только для него. У Насти не было ни дел, ни мыслей, ни желаний, ни каких-то осколочков жизни вне жизни Муравьёва – даже в памяти не было. Муравьёв был её державой, её справедливостью, её самозабвенным служением. Самозабвенность – вот самое точное слово для Насти, отдавшей полностью Муравьё-

ву и его жизни. Пожалуй, ещё одно точное слово – отдалась. Не уступила какую-то часть себя другому, не подвинулась, давая этому другому чуточку места в своей жизни (и сквалыжно вывешивая потом – не много ли тому места и чести), а – отдалась вся и всем, что имела...

Муравьёв ничего не знал (да и не хотел знать) о её родственниках, о знакомых, о прежних её встречах, о той её жизни до него и наполнявших ту жизнь людей и событиях. Казалось, что Настя властно и решительно всё это отменила и заполнила освободившуюся свою жизнь жизнью Муравьёва (его делами, его знакомыми, его служением и им самим). Ну, как освобождают квартиру, выносят старую мебель, делают ремонт и – запускают новых жильцов...

Как-то Муравьёв увидел Настю на студенческой дискотеке, и его больно кольнуло, как самозабвенно она отплясывала, взвиваясь сполохами незнакомого ему огня в центре оглушительного пожарища. Он не любил такие танцы, да и за танцы не считал эти безумства, норовящих рассыпаться вдребезги тел. Пожалуй, он мог бы уже тогда понять, что самозабвенность – главное свойство его Насти. Капелька ртути, которая, перекатываясь из одного места в другое, собирает собой все свои брызги и – вот она уже в новом месте, но – вся целиком, а если какие-то брызги и остались по пути – откололись и растеклись, – то и пусть их, и неважно, что от этого ртутной звёздочки становится чуточку меньше – главное, что тут она вся как есть: сей-

час – в этом вот танце, через минуту – во взгляде Муравьёва, потом... Про это «потом» Муравьёв думать не стал: укатал болючую фантазию мудрой иронией (Что же твоя чёрная смородинка так разгорячилась – прямо красная стала? А потому что – зелёная.) и – затолкал в чулан памяти, куда подальше...

Более всего два его месяца с Настей были похожи на танец (настоящий, а не тот с дискотеки) – всё в лад, в такт и в радость. Если один танец и различался чем-то с другим – то лишь степенью соприкосновения Муравьёва с верной своей тенью: только мыслями, ещё и голосом... ладонями и губами... всеми клеточками...

* * *

– Итак, коллеги, – официальный голос Муравьёва устанавливал непреодолимую дистанцию, – экзамен никто из вас не сдал.

Муравьёв устраивал экзаменационные испытания именно – непредвиденным и неожиданным испытанием. На этот раз он не придумывал чего-то серьёзного и смоделировал примитивную ситуацию, не сомневаясь, что его любимцы успешно пройдут полосу препятствий.

Его заместитель три недели назад начал обзванивать студентов, представляясь следователем городской прокуратуры (то есть самим собой). Студентам предлагалось явиться на беседу (Нет, это не для телефона... Всё обсудим

здесь... Это в ваших собственных интересах... Никому ни слова...), и уже в кабинете прокуратуры их расспрашивали об университете, учёбе, о преподавателях и знакомых.

– Ни один из вас не отказался от участия в совершенно незаконном мероприятии. – Продолжал отчитывать Муравьёв, и лучше бы он их просто ругал, чем этот вот его тон. – Ни один не сказал, что, как законопослушный гражданин, готов явиться куда угодно, но в установленном законом порядке: по повестке, где будет указано, в качестве кого и по какому делу его приглашают. Ни один из вас не решился рассказать об этом приглашении хоть кому-то и посоветоваться. Зачем вы хранили эту тайну? Почему не озаботились помощью адвоката? Никто даже не вспомнил, что беседа – это равноправное человеческое общение и на нее не приглашают, с такими вот угрожающими намёками. Да куда подевалось хотя бы ваше чувство юмора? Почему никто не сказал, что готов побеседовать, но когда вам удобно и где вам удобно. Это же беседа. Приезжайте, мол, дорогой товарищ, в студенческое кафе часам эдак к семи...

– Ладно, – продолжил Муравьёв после мёртвой паузы, без тени хотя бы случайного шороха. – Пусть вас утешит, что и тысяча любых других соотечественников из тысячи одного приглашённого на вашем месте поступила бы так же глупо. Но глупо, – Муравьёв повысил голос, – из-за трусоватости, из-за недомыслия –

глупо. В этом ещё нет ничего особо плохого – одна глупость...

– Почему уже на встрече никто не спросил, по какому именно делу его вызвали? Кто обвиняемые? В чём конкретно их обвиняют? В качестве кого вы сюда приглашены? Это допрос или что? Если допрос, то где протокол и в качестве кого вас допрашивают? Если не допрос, то почему от вас требуют подписку о неразглашении? И почему вы – чёрт побери! – даёте эту подписку?!

– Это всё о том, чего вы не сделали, не сказали, не спросили и не потребовали. – Муравьёв снова помолчал. – Ну, а то, что вы наговорили и наговорили там – это я просто отказываюсь понимать. Зачем надо было обливать грязью своих товарищей, зачем рассказывать про странности своих знакомых, зачем сообщать гнусные слухи о друзьях или преподавателях? Кому надо знать, что преподаватель истории права любит порнушку?!

– Так это же правда, Виктор Алексеевич, а вы учили говорить правду...

– В данном случае правда в том, что странные увлечения преподавателя никого не касаются, кроме его самого и, может, его жены. Правда в том, что ваши друзья умны, подруги прекрасны, а преподаватели – мудры и честны. Иначе, зачем они вам? Чему они могут вас научить? И ещё одна правда, что вам не по чести обсуждать в непонятных беседах с незнакомцами (да и к тому же – с недружественными не-

знакомцами) – странности своих знакомых. Но если это допрос, то вы обязательно ответите на все вопросы. Только вопросы должны быть по конкретному делу и касаться конкретных обвиняемых. Тогда вы ответите – если захотите! если вспомните! если захотите вспомнить! если это соответствует вашим интересам и вашим принципам! А если не соответствует – вы можете по этой причине отказаться отвечать. И всё перечисленное – только правда! А правда, выбранная вами, – это трусость, клевета, доноительство и мелочное сведение счетов. Можно выбрать ту правду, которая не умаляет вашего достоинства, чтобы никогда и никому не стыдно было честно рассказать о своём выборе. А можно так выбрать, что – и не рассказать никому, и самому без стыда не вспомнить. Представляете, какой крючок против самого себя вы даёте в руки того, кому рассказали эту свою гнусную правду?..²²

Студенты не смотрели на Муравьёва и вообще не поднимали голов с пылающими ушами.

– Знаете, коллеги, я краем слышал о совершенно секретных исследованиях. Оказывается, в принципе можно увидеть и услышать как бы глазами и ушами любого человека какую угодно ситуацию, в которой он когда-нибудь был. Вроде существуют эти информационные слои, и надо только их вытащить и создать общие возможности подключения к ним. Представляете, так вот, действительно, всё тайное становится явным для любого...

– Это же ужас, Виктор Алексеевич, – это же каждый за каждым будет следить.

– Следить за каждым можно и сейчас – все технические условия есть. Неужто вы думаете, что нормальные люди станут тратить свою жизнь, чтобы следить, как живут другие?

– А почему про эти исследования ничего не говорят?

– Вы представьте, как много надо изменить в наших привычках, традициях и законах, чтобы подготовить общество и всех людей к жизни в этих новых условиях? Само право должно измениться, институт выборов – да и не перечислить всего. Любой человек будет знать, кого он выбирает своим начальником... Ни один вёрткий политик не сможет извернуться во лжи, не знал, мол... Ни один человек не сможет надеяться, что его подленькие извивы останутся тайной – или за семью печатями, или в папках трусливых доносов. Каждый будет точно знать, что любой момент его жизни может оказаться на виду. Так и придётся жить – в соответствии с этим знанием. Как бы под стражей внимательного взгляда. Придётся жить так, чтобы этот возможный взгляд оставался доброжелательным. И почему бы не жить так уже сейчас? Нам ведь всегда говорили, что нет ничего тайного... Нам Библия про это же твердила и убеждала, что есть зрачок, который может увидеть любое наше мгновение. Зачем ждать, когда эти же мгновения сможет увидеть кто угодно и – сгорать со стыда, когда увидят? Или вы тогда ска-

жете, что, раз, мол, на глазах, то теперь я буду всё делать по совести, а раньше – не знал... Так знайте раньше (если почему-то не знали): все мы всю жизнь под стражей. Того зрачка свыше, и своей совести, и – скоро – любого взгляда. Поэтому не душите сами одного из своих оберегающих стражников – того, что совесть...

– В общем, коллеги, – Муравьёв шел вдоль столов, раздавая студентам листки с их показаниями на беседе-экзамене, – зачёт любой из вас может получить в любое время, но – без оценки. Экзамен вы не сдали. Прощайте и, надеюсь, наши занятия окажутся для вас бесполезными...

Муравьёв хорошо тогда говорил (даже сейчас не стыдно вспомнить). Может, излишне пафосно, но он же – преподаватель...

На Настю он там не смотрел. И она не смотрела на него. Молча взяла листок и начала его рвать, распарывая звенящую тишину аудитории. Казалось, что рвётся сама ткань муравьёвской жизни...

Господи, чего она там понаписала! Что Муравьёв её склонил, заставил, воспользовался, шантажировал, угрожал, запугал, использовал и пользовался – ею, её бесплатным трудом домработницы, её услугами машинистки, её руками, готовившими ему обеды, её телом, ублажавшим его похоть... А ещё он учил её и других студентов, как скрывать следы преступлений и уходить от ответственности...

Несмотря на все свои великолепные речи, сам Муравьёв от мелочного сведения счетов удержаться не смог. Через некоторое время Анастасию Смородинскую отчислили из университета (некрасивая история с перепродажей контрабандной косметики плюс хроническая неуспеваемость), и она уехала к себе на родину – в Ростов, а Муравьёв на долгие годы (до самого открытия спецсеминара «Тюрьма-тур») прекратил свою преподавательскую деятельность.

Сейчас Муравьёв сожалел о той своей мстительности. К Насте нельзя было применять привычные оценочные мерки – предательство там, то да сё... Она была уникальна, и уникальностью её была та самая её самозабвенность. А в основе самозабвенности было, конечно же, постоянное предательство – самозабвенный отказ от изжитого ею же собственного вчера. Но там – во вчера – она оставляла за собой на память разным мстительным муравьям их счастливые острова. Свой остров грел Муравьёва ещё и сейчас.

* * *

Следователь не видел довольно глупой улыбки, ползающей по его физиономии. Он вспоминал свои два необыкновенных месяца. Ему даже казалось, что он не вспоминает, а читает какую-то книгу про те свои дни.

Теперь это уже не эфемерное воспоминание, которое может исчезнуть без следа, – теперь это написано и останется...

Только почему здесь говорится про его мелочное сведение счетов? Это неправда. Муравьёв всегда поступал справедливо. Как можно писать такую ложь?..

Следователь отвлёкся от чтения и посмотрел на титульный лист книги. «Пассажиры. Хроники новейшего времени».

Хроники – это же практически то же самое, что факты. Тогда не надо отступать от фактов. Вот бы привели к нему на допрос этого лживого писаку – он бы ему...

– Ну?

– Что – ну?

– Это я спрашиваю – что? Вы же меня вызвали, гражданин следователь.

– Вызвал. И спрашиваю, как вы можете писать всякую чушь?!

– Только давайте без этого... Тоже мне, – ценитель словесности. Вы мне протоколы свои покажите, и я их так вам раскритикую – погоны дыбом встанут...

– Ладно, не наклейте тут. Вот скажите, зачем вам понадобилось потрошить заслуженных людей? Нашинковали жизнь в свои мёртвые строчки, как живодёр какой... Ну, зачем вам понадобилось писать про мой семинар? Был такой эпизод в моей жизни – очень краткий, но вам-то что до того?

– У меня была очень непростая задача, гражданин следователь. Мне надо было написать советы для тех, кто может попасть к вам в лапы.

Ну, и к вашим коллегам, конечно. Попробуй написать советы, но чтобы не получилась какая-то суконная инструкция, типа «Правила содержания в следственных изоляторах».

– А что? Нормальная инструкция – всё понятно и точно.

– Хотел бы я, чтобы вы эту инструкцию всю жизнь только и читали и – именно в камере следственного изолятора.

– Откуда у вас такая неприязнь?

– От общения со всеми вами – с теми, кто придумывает подобные инструкции.

– Да вы сами – мстительный человечек, а возводите напраслину на меня...

– Какую напраслину?

– Ну, вы пишете, что я свёл счёты с Настей.

– А разве не так?

– Не так. Всё по справедливости.

– Что же вы теперь раскаиваетесь, если – по справедливости?

– И ничего я не раскаиваюсь...

– Ой-ёй! А в Ростов напросились из-за местных красот? Или здешний начальник не в состоянии как нравится? Чем со мной разбираться – лучше позвоните и всё разузнайте... про Настю. А потом – и ей позвоните.

– И что я ей скажу?

– Что помните её и – уже достаточно. Что сожалеете... Правду...

– Правду... Теперь каждый запросто лезет копошиться в правде.

– Почему теперь?

– Помните, я на семинаре говорил про исследования. Всё уже доступно. Любой человек – как на ладони. Было бы только желание трагить на него своё время... и свои ладони.

– Неужто открыли?

– Точно.

– Так почему же ничего не меняется? Почему никто не боится, что – на виду?

– Когда живёшь на глазах – под стражей, – можно стараться выгладеть поприличней, а можно и рукой махнуть: пусть смотрят. Все грешны, мол... Это проще и, оказывается, удобнее – что для частных людей, что для правителей... Так и пошло под припев «Ничто человеческое нам не чуждо». А когда ничто человеческое не чуждо всё более и более, тогда вообще – очень мало остаётся человеческого... Да и как могло быть иначе?! Если зрачок Бога, о котором каждый знал, не вынуждал вести себя по-человечески; если стража совести, которую каждый чувствовал, не смогла убедить, то почему убедит возможный взгляд соседа – такого же засранца, как все? Да пусть смотрит, чтоб ему повылазило...

– И что же теперь?

– А что и было. Всё – от нас.

– Тогда, гражданин следователь, тем более – звоните!..

Может, и вправду позвонить?

Следователь потянулся к телефону, который сам затренькал, пробуждая Муравьёва (Точно – позвоню.) из его минутного сна. (А что если и

впрямь: открыли это открытие – и всё как на ладони?) Он поднёс захлёбывающуюся трубку к уху.

– Столпин тарабанит – к вам просится.

– Веди.

Муравьёв включил чуть ли не сразу забурливший чайник и колдовал с чашками, быстро стряхивая с себя вязкую паутину короткого забытья.

– Присаживайтесь, Александр Михайлович.

Столпин растирал кисти, мрачно глядя на Муравьёва. Потом вытащил из кармана истрёпанную сигару.

– Огоньку, пожалуйста, – не попросил, а как-то странно повелел Столпин.

– Извините, не курю. – Муравьёв оглянулся, но, конечно, ни спичек, ни пепельницы в его кабинете не было и можно бы – не искать. – Да что вы делаете, Александр Михайлович? Зачем вы себе в чай – сигару?

– Это мой чай?

– Конечно, ваш. Специально вам приготовил. Ну ладно, если вам так вкуснее – пожалуйста...

– Я вас ненавижу, – тихо и угрожающе выдохнул Столпин. – Я вас – в порошок... – Он повысил голос. – Не-ет, я вам даже возможности спасения не оставляю. Никакого жилета...

– Помилуйте, Александр Михайлович, что с вами?.. Какой жилет? Вам плохо?..

– Сейчас тебе станет плохо, синий червяк...

Столпин качнулся ухватить Муравьёва за воротник мундира, но промахнулся, опрокиды-

вая себе на колени свой же чай, мокрую сигару... Он вскочил, но в тот же момент влетел вызванный следователем конвоир и ловко – под горло – защемил резиновой дубинкой голову Столпина в удушливую неподвижность.

– Отведи его, – махнул разочарованный Муравьёв.

– Куды?

– Да теперь уж – в карцер.

– Так там полно ж.

– Поместится.

* * *

Муравьёв посмотрел на часы – 19:45 – с момента задержания Столпина прошло более двух с половиной часов. Он позвонил начальнику, выслушал лёгкую истерику (пля-пля-пля) и добился разрешения на срочное введение в столпинскую разработку оперативного агента.

Потом он оформил бумаги, требуемые на водворение в карцер. Подумал и позвонил жене Столпина, сухо сообщив ей, что её муж задержан и ему необходима помощь адвоката. Сумбурные и сбивчивые вопросы затарабанили было ему в ухо, но Муравьёв властно перебил это извержение: «Принесите ему всё необходимое на первое время»...

IV. МОЖЕ БОЙ

1

У вас, уважаемые слушатели, есть главное преимущество по сравнению с полуторастами миллионами ваших соотечественников: вы можете не экономить рубли, которые начнёт требовать Тюрьма. Сразу надо будет оплатить услуги по нахождению нужных людей в изоляторе, в судах, в прокуратуре, в милицейском конвое – всюду. Вам нужны и начальники, и мелкая сошка, которым надо будет платить, во-первых, за информацию о любых перемещениях арестанта (по камерам, в другой изолятор, в суд); во-вторых, за немедленную передачу всех необходимых вещей и, в-третьих, за разрешение и таких передач, и особых условий содержания.

*Из лекций О. Столпиной
на спецкурсе «Тюрьма-тур»...*

Звонок Муравьёва сшиб Ольгу Николаевну будто обвалом.

Когда-то давно она безумно боялась, что её муж погорит на каких-то неведомых ей денежных махинациях. (Ну нельзя же честным путём – такие деньжищи!) Столпин смеялся и уверял, что у него есть голова на плечах. В конце концов она перестала бояться, и вот – получите...

Ну, она ему устроит. К чёрту такую жизнь! Она возьмёт детей и уедет в Сосновку. Да – в Сосновку. Построит там дом и – на порог его не пустит. Она же и не нужна ему. Ему понадобилась игрушка. Он с ней захотел в Золушку поиграть, принц каторжный. Он отобрал её собственную жизнь. Да-да, не подарил какие-то новые возможности, а отобрал. Она стала ценной игрушкой – ценностью, в которую вложены обалденные бабки. Она для этого дома – вроде картины или антикварной статуэтки...

Проносясь мимо зеркала, Ольга подправила себе в той части, что совсем не антикварной...

Старинная ваза вдребезги раскололась. Ольга в испуге остановилась, глядя на черепки у своих ног. Она и не притронулась к этой вазе. Один только яростный вихрь, рвущийся наружу в истеричных криках по мобильнику и в бесцельном метании по кабинету – только этот вихрь сам по себе, оказывается, может сорвать с подставки тяжеленную вазу. Ольга увидела выдвинутые ящики, открытые дверцы шкафа, вываленные на пол пустые чемоданы. Зачем она взялась собирать Столпину чемодан? Он же не в командировку едет – он уехал...

Проще всего было бы заплакать – зарыться в свою беду, обессилеть в ней и в рыданиях до икоты, до полной потери не только дееспособности, но и необходимости что-то делать. И почему она должна что-то делать? У него есть целая армия охранников, юристов, поблядушек – вот пусть они...

Ольга взяла себя в руки и набрала номер.

– Ну, Оль Николавна, – отозвался глава столпинской охраны Григорий Оборотов, которого все называли Гробом. – Я всё делаю – городской аж раскалился. Не успел ещё...

– Что ты не успел? Ты бы Александра Михайловича одного не отпускал – тебе ничего другого и успевать не надо...

– Ну, что вы меня в гроб вгоняете? Он сам меня отослал. Сейчас всё выясню и...

– Что ты выяснишь?

– Что вы мне только что приказали...

– Давай сюда... Гроб, миленький, гони сюда – и мы всё здесь придумаем...

Когда Григорий подъехал, Ольга Николаевна уже была в порядке. В боевом порядке. Она прекратила заваливать знакомых своими же противоречивыми просьбами, всхлипами и опасениями.

Перед ней внезапно оказалась непреодолимая стена и, ударившись об неё такой простительной истерикой и всем своим телом, она раздумчиво отступила. Сейчас она быстро и точно составляла план покорения этой преграды. На ходу подправляла неудачные пункты и планировала заново. Откуда что бралось?..

Гроб смотрел на неё восхищёнными глазами и сам перестал паниковать, а только успевал подключаться со своими подсказками.

Они созвонились с Бомёнычем, отыскав его на чьей-то подмосковной даче. Адвокат божился прилететь завтра, но уже по телефону надик-

товал нужных людей. Через несколько минут они знали, когда, где и что можно будет передать из вещей и продуктов, необходимых Столпину. Были известны координаты и данные всех, обслуживающих и охраняющих КПЗ и, на всякий случай, следственный изолятор. К 10 часам вечера было получено заверение начальника следственного изолятора в том, что, если понадобится – он устроит Александра Михайловича по-королевски. (Ни в чём не будет нуждаться. Будет, как на курорте.)

Свой дом Ольга за какой-то час превратила в военный штаб, и порученцы носились по городу, обгоняя штабные телефонные звонки. Столпинская машина стояла уже во дворе дома, бухгалтер, на случай обыска и изъятия, копировал документы последних двух лет, денежные перемещения Ольга потребовала прекратить до получения распоряжений от Столпина.

– Так он вчера распорядился, Ольга Николаевна.

– Вчерашние отменяются.

Ещё через полчаса у Ольги лежал список людей, которые могли бы вывести Столпина из тюрьмы.²³ Областной прокурор был там на четвёртом месте.

– Так в чём дело, Гроб? Немедленно займись ими. Вези их сюда.

– Пятница, Оль Николаевна. Их надо к понедельнику. Успеем.

– А это кто? – Ольга показывала на первую строчку с адресом-телефоном-фамилией, но

без каких-то сведений о должности, о властных полномочиях и роде занятий. – Кто этот Юдин?

– Никто точно не знает. Но он может всё. Он вот может пойти, взять Александра Михайловича за ручку и вывести оттуда...

– Так тащи его сюда.

– Его не притащишь. Захочет – сделает, а не захочет – никто ему не указ.

– Звони.

Телефон таинственного супермена молчал.

– Говорят, что он телефон отключает, – пояснил Гроб, непрерывно нажимая на повтор вызова. – Не любит он телефонов...

– Сейчас приедет нянечка. Дождись её и – свободен. Завтра встретимся. – Ольга Николаевна, уже одетая на выход, заглянула в детскую и спешно спускалась вниз. – Я тебе позвоню.

– Не ехайте к нему, – взмолился Григорий. – Завтра, может, найдём какого его знакомца.

– Завтра и найдём, если у меня не получится.

– Не пуцу, – заступил Григорий дорогу. – Он, говорят, с нечистой силой...

– Ты, Гроб, совсем спятил. А не пускать надо было раньше – Александра Михайловича. – Она решительно отодвинула телохранителя.

Ну, пусть только Столпин вернётся домой – она ему такую пресс-хату организует (вчера ещё Ольга даже не знала, что это такое) – он у неё сам запросится в КПЗ...

В это время следователь Муравьёв выходил из квартиры агента оперативного резерва майора Юдина.

– Свет.

– Что – свет? – обернулся Муравьёв к размазанному по дивану хозяину.

– Погаси, чтобы не видеть... тебя... ничего...

– Завтра в 12:00, – жёстко сказал Муравьёв, вернувшись в комнату и выключая свет. – Как штык. Времени в обрез. За сутки-полтора должен быть реальный материал для столпинского объёбона*.

Он прикрыл дверь квартиры и медленно спустился вниз, размышляя, не отменить ли операцию. Легендарный оперативник выглядел полным психом. Муравьёв даже не был уверен, что Юдин слышал разработанный для него план и задание. А уж понял ли?.. Один глаз он, правда, приоткрывал, внимательно взглядывая на следователя, но и закрывал почти сразу с таким выражением на физиономии, будто ничего омерзительней и видеть не приходилось. Сначала Муравьёв подумал, что Юдин попросту – вдрабадан.

«Голова. Мигрень», – пояснил майор, не стараясь даже убедить следователя.

Как же – голова у него?

Правда, профессиональным, хотя и беглым оглядом, никаких следов крутого запоя Мура-

---

* Обвинительное заключение.

вьёв не обнаружил. Только одна ополовиненная литруха вискаря, так не с неё же такой боров вылетел из ума? Мигрень не мигрень, а башка – набекрень.

Муравьёв хмыкнул удачной рифмовке и ускори́л шаг вниз по лестнице. Однако, уже усевшись в свой «фольксваген», он опять засомневался.

Может, отменить этого майора и подыскать кого другого?..

* * *

Судя по юдинскому досье, оперативником тот был первоклассным. В 95-м, в хитроумной комбинации, им же и разработанной, взял самого Исса.

Этот Исса жил себе никому неизвестным учителем в забытом и Богом, и Аллахом ауле и вдруг встрял костью в горле – что нашим, что Дудаеву.

– Все зависимости у нас от рождения, – получал Исса своих земляков. – Каждый повязан. Совесть нас держит. Родные. Обычай наши. Взгляд Всевышнего. Вот все наши зависимости. Других нет. Ну, рвутся генералы управлять тобой – московские или свои, – чем они могут управить? Взглядом Всевышнего? Или – любовью родных? Или – совестью твоей? Они только и могут сказать: «Солнце – взойди» – вот и вся их власть. Умные будут говорить вовремя, а дурные – когда вздумают, но нам-то что? Мы и так увидим – взошло-не взошло...

Ладно бы он только городил эту чушь, собиравая вокруг себя бездельников да оборванцев со всей округи, – мало ли контуженных шатается по земле?!

Но Исса оказался хитроумным интриганом, а вернее всего – шпионом. Аул вдруг заполнили иностранцы. Там безвылазно паслись гонористые члены каких-то авторитетных ООНовых комитетов, журналисты, нобелевские лауреаты, отставные президенты и всякая антироссийская сволота со всего света. Аул объявил себя зоной тотального мира. На вражеские деньги были обустроены грамотные перекрытия дорог, у которых живым щитом останавливали любое военное передвижение. Группы солдат – человек десять и без оружия – могли входить в аул и передвигаться там, но только в сопровождении плотного кольца местных и пришлых юродивых. Неверчивым федералам показывали всё, что угодно, демонстрируя действительное отсутствие вооружений и вооружённых людей. Пожалуй, Дудаеву всё это было ещё в большей степени не в жилу, чем даже московским генералам. Его воинам путь в аул был тоже заказан. Им могли принести еду или одежду, но дальше тех же заграждений на дороге никакие вооружённые люди пройти не могли.

Жизнь этого загона для сумасшедших транслировалась в реальном времени по всему миру, и политическое руководство не решалось гусеницами размазать взбесившийся аул. А размазать надо было, потому что всё больше и боль-

ше бойцов, что с одной, что с другой стороны, складывали своё оружие и напрочь пропадали в стебанутом селении. С повреждённой башкой и радостью идиотов они болтались в толпе таких же счастливых, всюду сопровождая Исса.

Безо всякого сомнения, эта была какая-то хитроумная операция вражеских разведок...

* * *

К дому подъехал мерседесовский джип и, паркуясь, на мгновение ослепил фарами Муравьёва. Изящная бабёнка в дорогой шубке вышла из машины и скрылась в подъезде. Через некоторое время в юдинских окнах на четвёртом этаже вспыхнул свет.

Ай-да майор! Мигрень у него. Не мигрень, а – день-ебень. (Что-то рифмовки накатили.) Как ловко Юдин избавился от Муравьёва и разыграл ну совершенную невозможность немедленного начала операции. Было зачем...

Муравьёв поцокал в меру осуждающе, но более – восхищённо, и, успокоенный в своих недавних сомнениях насчёт Юдина, двинул фольку домой. Номер джипа он записал исключительно по профессиональной привычке – ни для чего специального...

– Эй, есть кто?

Юдин услышал женский голос, но не отозвался. В прихожей вспыхнул свет, и оттуда к Юдину двинулся женский силуэт в чёрном. Свет па-

дал на привидение сзади, и лица было не разглядеть. Может, это Мара? Пришла спросить за своего сына?..

* * *

Юдин с десятком бойцов уже трое суток жили в селе, куда были отправлены для похищения (при невозможности – уничтожения) духовного лидера сепаратистов, скрывающегося здесь под именем Иссы. За это время они поняли, что штабные генералы напрочь ебанулись. Ошмётки разведзвода под командованием Юдина впервые за много недель отдыхали душой и телом среди радужных людей в мирном оазисе, каким-то чудом образовавшемся посреди безумной войны.

Поздним вечером Юдин вышел к связному. Капитан из особого отдела на все юдинские доводы только шипел и плевался (и то, и другое – исключительно матом).

– Всё, заткни свой хлебальник, расопляй херов, – перешёл к приказам капитан. – Выводи своих серунов. На рассвете мы этот гадюшник зачистим к бебням – мы это звездоболье гнездо... (дальше шли только эмоции).

Юдин различал сгрудившуюся за дорогой в вязкой грязи бронетехнику и шевеление большого количества озябших людей, пытающихся согреться, не нарушая приказа о мёртвой тишине и полной маскировке.

– Весна, – Юдин вдохнул и вздохнул. (Нет выхода...)

– Чё?

– Весна уже, капитан. Домой поедешь, там девки по улицам шастают – молодые, красивые, голоногие, а ты, раздолбай, даже и отдолбить ни одну не сможешь...

– Ч-чё ты мне впёрдываешь тут?..

– Исса тебя проклянёт и – привет. Он по этому делу – мастер: так насобачился колдовать – может в одну сторону, а может – в другую. Думаешь, чего это люди к нему толпами бегут?..

– Так вы там?..

– А то...

Юдин сфотографировал цепким глазом рафик, приткнувшийся к обочине (с пикающими внутри радиосигналами), и попёхал обратно в селение. Там он собрал своих бойцов и приказал не отходить от ИССЫ. Но всерьёз никто ему не поверил. Раньше бы поверили, но не сегодня. Прямо сейчас ООНовские чиновники открывали миротворческую конференцию с участием московских и дудаевских полководцев. В большой зал мечети набились приглашёнными наблюдателями все заморские гости селения, а воодушевлённые журналисты даже и пританцовывали вокруг своей аппаратуры.

Там их всех и блокировали. Это была грамотная операция, причём совместная. Дудаевские вояки так же тщательно, как и их противники, следили, чтобы ни одна иностранная тварь не выползла на улицы, по которым уже грохотали российские танки. Журналисты пытались что-

то втянуть в отключённые микрофоны, но – толку-то...

Они выбрались вместе с Иссой как раз к тому месту, где Юдин говорил с капитаном. Там разоружили бойцов, охранявших рафик с передвижным пультом связи, и прямо на этом рафике пробили хилую группу оцепления, расположившуюся на дороге у выездного знака, на котором белой чертой по диагонали перечёркивалось слово «Самашки»...

– На заре... – бормотал Исса, – на заре... всё главное происходит на заре...

– Ну, чё ты причитаешь? – радостно гомонил боец Симонов, только сейчас поверивший в спасение. – Ты, считай, наново родился на этой заре. А ты, как на похоронах.

– Оставь его, – цыкнул Юдин.

– А чё он заладил?.. назаретит и назаретит... накаркает ещё...

* * *

– Эй, вы живой? – Ольга Николаевна склонилась над Юдиным и тут же отпрянула.

Ей в лоб холодно глядели пистолетное дуло и за ним – колючие глаза.

– Ты кто?

– Не надо... Не делайте... – На Ольгу никогда не направляли оружие, и она даже не представляла, что это может привести её в такую панику. – Я пришла... Только вы можете сделать... Сегодня арестовали...

– А-а, Столпин... Муравей страшется. Паутиночки запускает – охрану приставил... Ну, что смотришь, давай – шевелись.

– Куда шевелиться? Какой муравей?

– Паук, а не муравей. Двигайся-двигайся, паучиха... Меня надо спешно приводить в форму, иначе я до вашего Столпина и не доползу. Давай – ванну набирай, кофе зафуярявай... Покрепче и погорячее...

Да он же не в себе! Но знает откуда-то, что ей от него надо. Видно, и вправду – супер в своих таинственных делах. Только он – совсем не в себе.

Ольга Николаевна подчинилась этому сумасшедшему типу и его волевым приказам. Господи, при чём тут его воля? Она помогала ему для своего же дела. Ну, Столп-остолоп – ты ей и за это ответишь.

Она машинально сгребала в ящик для белья разбросанные и попадающиеся под руки шмотки. Всё, в общем, было вполне аккуратно: прикосновение к этим чужим вещам не требовало немислимого преодоления внутреннего отвращения, и для брезгливой чистюли, которой на самом деле была Ольга Николаевна, совсем не подвигом было наполнять эту чужую ванну, выставляя удобнее необходимые для купания мелочи. Но Столпину она всё припомнит по самому высокому счёту. Свихнуться можно! – ей приходится чёрт-те-для кого готовить купание...

Она с испугом глядела на Юдина, распахнувшего дверь ванной. Он так и стоял здоровенным

шкафом в дверном проёме – чуть покачивался, не открывая глаза и вцепившись в дверную ручку. Казалось, выпусти он её – и рухнет сразу. (Может, он пьян? Этого ещё не хватало.)

Юдин с гримасой боли приоткрыл глаз, вцепил наполняющуюся ванну и свободной рукой стал из-за спины стягивать свитер.

– Эй-ей, – остановила его Ольга. – Без стриптиза, пожалуйста.

Она выскользнула из ванной комнаты – буквально просочилась под его рукой, не обращая внимание на уже дежурное «Ты кто?».

На пьяного не похож. Может, наркота? Может, у него ломка или как там у них называются эти приступы, которые то ли плющат, то ли колбасят?

Ольга уже из-за закрытой двери вслушивалась в юдинские помыкивания. Вот застонал, потом зашуршал одеждой и, чуть погодя, с тем же мыком (или стоном) хлюпанул в воду. Надо сказать, хлюпанулся, как бревно. Вот если он потонет – что ей тогда делать? Ну и пусть тонет, Штирлиц обдолбанный. Её тогда саму заберут в тюрьму, и там она, наконец, выскажет своему Столпину всё, что у неё накопело...

* * *

Прошное его сначала беспорядочными залпами, а потом всё точнее и прицельнее выстреливало в Юдина – расстреливало его уже пережитыми, но, оказывается, никуда не сгинувшими страхами и сомнениями, наполняя до удушья

прежней тоской и безысходностью. Он мычал, сдерживая брань, не замечая, как нелеп он сейчас в этой комфортабельной ванной, но ведь и был он не здесь – был он на подрагивающем болотистом островке, в гнилом его редколесье, насквозь пронизанном ветром и дождём.

Юдина бил непрерывный озноб, и никак не укрыться было промокшей курткой, не вернуться от цапающих за самое сердце холода и безнадёжной тоски.

– Ишь сопит. Дрыхнет он, что ли?

– Дрыхнет – не с привычки ему, видно, такие походы.

– А, может, пока мы здесь околеваем, он там полночи гулевал в посёлке? Часа три, считай, не было...

– Вот я и говорю: придушить и – с повинной...

– Дурак ты, как тебя там... Матвеев. Мало тебе так навешают – ещё и по-мокрому в при-дачу.

– А мы ж – с повинной. Скажем: заставил нас лейтеха – нам и скидка.

– Тогда, я думаю, надо его живым притащить.

– Притащишь – кабана этого.

– Ну вы и тупорылые... Да вас подстрелят раньше, чем кто вякнуть успеет. Будут они разбираться – заставил... не заставил.

Лежать было холодно, но шевелиться и передвигаться поближе к махонькому костерку не хотелось.

- Эй, лейтенант, – иди погрейся...
- Сейчас он тебе влепит... Сказано ведь – не светиться...
- Пенёк ты, Варфоломеев... Смотри, туман какой – хрена своего не видно...

На этот островок попали они в сгущавшихся уже сумерках и только благодаря сноровке Иванова. Юдину всегда нравился угрюмый, незаметный и ловкий паренёк, который по вине непоседливых предков оказался жителем многоголосого Дагестана. Впрочем, стараниями Иванова они и оказались в этой чёртовой ловушке, когда совершенно озверев в месячных блужданиях, кружа следом за собой не выпускающую погоню, отупевшим и опустившимся бродягам, в которых все они превратились (Но ещё не бандитам! Слава Богу, ещё они не злодеи...), блеснуло вдруг счастье в его рискованном плане.

Сам Иванов мечты спасения не вскрывлял – даже и наоборот, медленно подбирая слова, убеждал, что шансов практически нет, ну, если один из тысячи.

– Из ста – из тысячи не бывает, – пытался поправить Яковлев.

– Из тысячи, – прокатал сначала внутри, а потом выпустил наружу Иванов.

И после этого они уже не кружили с одной только целью – оторваться, сбить с толку, замести, – они двигались в родные места своего проводника, надеясь на его рыбацкий катер, на ос-

тров, где можно отсидеться и собраться в дорогу, на явившуюся вдруг из забытого детства мечту о цветных и горластых жарких странах, где все они затеряются ловкими синдбадами в толчее красочных базаров.

Они едва не затонули в этой фамильной посудине Ивановых, но прибились – выкарабкались на болотистый островок, почти потопив сказочные свои видения морских приключений, вылепленные из детских снов. Если бы и можно было починить старое рыбацкое корыто – всё равно не уплыть на нём такой компании (а ещё ведь и пограничники со своими катерами...). Нет, облегчённо подчиняясь Юдину, они бы рискнули – переступили бы и через животную тягу вполне земных людей даже помирать на земле, а не в зыбкой стыни воды, но уже на острове Иванов сказал Юдину, что конец... ничего не выйдет.

– Ветер переменялся. Начинается сгон воды. Скоро этот остров станет частью суши, и нас можно будет – голыми руками...

– Как скоро?

– Не знаю. Несколько часов...

– Сдаваться вам надо. И меня сдай, – наново убеждал Исса. – Ты это не против меня сделаешь, а – за меня. Ты за всех сделаешь. Погоня по пяткам. Сегодня, завтра – и что? Озвереют. Крушить и кромсать начнут. Злодеями станут. Так и останутся злодеями – навсегда. Пока, слава Аллаху, держатся. Так удержи их от злодейства.

– Вот иди и сдавайся, – огрызнулся Юдин.

– От этого твоим никакого толку, – хмыкнул Исса. – Тебе их спасать надо – ты за них в ответе. А если – добровольно, если – без сопротивления, тогда не постреляют. Тогда могут не сильно наказать – для вида.

– Тебе-то уже будет – какая разница?

– Мне есть разница, – медленно и серьёзно признавался Исса. – Когда всё кончится – они слова мои вспомнят. Это мои слова толкнули их выше себя. Сейчас локти кусают, а потом... Самый главный смысл жизни – заслонить ею жизнь другого. А они – заслонили...

Юдин чувствовал его правоту. Когда-нибудь им всем и вправду высветят снова, и все слова Иссы, и то, как слова эти вытянули их хлипкие и жадные душонки в такую высь... Тогда отпадёт вся мерзость, что к ним всем налипла – все их стычки, и кражи, и драки, – ведь вместе с этими слухами о них, вместе со страхом перед ними катится вокруг и легенда о милицейском взводе, отказавшемся громить беззащитное село. И, пожалуй, легенда эта подхватит его солдат и убережёт...

– Вот что, – предложил свой вариант Юдин. – Мы сдаёмся, но – без тебя. Сейчас мы с тобой отправимся в посёлок, и оттуда я передам этим охотникам, где мы и всё такое... А ты – исчезнешь. Согласен?

Юдин оставил Иссу в доме дальних родителей Иванова – незамужних сестёр Марфы и

Марии, наказав им схоронить своего гостя на пару дней. Потом он отправил Иванова старшего к командиру, готовящейся к штурму поисковой команды. Главное, чтобы при захвате те не открыли стрельбу, потому что у юдинских бойцов не будет ни одного патрона – он обещает.

С тем Юдин и вернулся на островок, где его солдаты всё ещё грелись надеждой скорого побега через море-окиян. Оставшиеся три рожка он заменил на пустые и попытался отгородиться сном или теплом куртки от стыни вокруг и от колотящего ознобом будущего, что караулит совсем рядом – через пару часов...

– Нечистая сила!..

– Командир, привидение!.. Господи, спаси!

– Придурки занюханые! Какое вам привидение, чурбаны навозные!

Над плотным туманом, затянувшим всех их своей пеленой, плыла всё ближе к ним голова Иссы. (Чтоб его разодрало – припёрся!..) Вот уже и плечи, и грудь его начали вылепляться из тумана.

– Эй, Исса, ты что же – пешком по воде шпаришь?

– Тут тропинка...

– Какая ещё тропинка? – мы же на острове... – Симонов ткнулся навстречу и хлюпанул в воду. – Т-твою мать, – он отплёвывался, выбираясь с помощью Иссы на узенький гребешок суши, протянувшийся уже к ним от берега. – Ну

что за глядство, – сокрушался Симонов, – промок, как последний...

– Нет, ты объясни, объясни – как же это?

– Не знаю, – Исса вместе со всеми смеялся над Симоновым, – Может, отлив?..

– Так ты растолкуй – с чего эти отливы бывают?

– Ну, это притяжение. Луна действует...

– Это ты, учитель, загнул. Скажешь ещё – притяжение Луны на мой хер действует?

– А что? – встрял оживший Симонов. – Ты, Алфеев, как был чуркой – так и остался. Уж на что другое, не знаю, а на хер Луна очень даже действует. Был вот у меня однажды...

Юдин расслабился и прикрыл глаза. Так бы и лежать, скрутившись улиткой, укрывая самого себя своей же спиной, даже глаз не разлеплять – может, и минует всё...

Но и закрытыми глазами он видел вздымающуюся к самому небу кирзовую чашу сапог, подступавшую к горлу уже и, конечно же, не укрыться... не спрятаться, надо пересилить себя и встать... распрямиться – раздавят иначе, как червяка...

Он заставил измёрзшие руки оттолкнуть манящую спасением землю, вынудил распадающуюся ужасом башку оторваться от мягкой глины, но, уже поднимая голову, почувствовал неотвратимо летящий в лицо носок кирзового сапога и взвыл, захлёбываясь сразу же своим воем, вбиваемым обратно в него – в челюсть, в зубы... в затылок.

...Его закрутил водоворот слипшихся воспоминаний, и он тонул в них – вот-вот-захлебнётся, – не в силах уцепиться и выкарабкаться в какое-либо безопасное место. На мгновение он обнаружил себя в слепящем свете какой-то ванной комнаты, где его теребит чей-то незнакомый голос (Вы не утонули тут?), но – соскользнул ни за что не уцепившейся рукой и пролетел мимо, туда, где закончился маршрут его мятежного взвода.

Он полулежал, упираясь плечами в трак БМПэшки, и мелко дышал, приучая себя жить так, чтобы не простреливало всего насквозь боковыми залпами. Трудно было определить, откуда именно палят в него. Скорее всего, из разбитой в сплошной синяк рожи... из челюсти, где ни уместить никак лишней и непослушный язык.

Несвязными вспышками обрушивалась на Юдина недавно наступившая развязка. Резкие голоса... Команды... Паника... Пустые щелчки автоматов... Матерщина... Симонов, размахивающий прикладом... Какой-то солдатик, которому прикладом звезданул-таки Симонов в ухо... Исса, вытолкнутый Юдиным из-под ярости озверевших бойцов в объятия осатаневшего подполковника.

Прикрыв глаза, Юдин наблюдал, как солдаты вымещали остатки своего озлобления на пленниках. Большую часть их уже увели – скорый допрос в палатке, конвой и – в машину.

От костра к костру, подтыкивая головешками, гоняли Варфоломеева, заставляя того кукарекать и хохоча от своей забавы. Похоже, Варфоломеев уже свихнулся – иногда он застывал, хотя головешки втыкались так, что и Юдин слышал вонь горелой одежды и кожи... потом вдруг начинал скакать, кукареча и хохоча вместе с мучителями.

Откуда-то сзади нудно бубнил Симонов:

– Петров я... честное слово – Петров... Эти сволочи меня заложником захватили. Вот и паспорт мой... Петров я.

Вот гад, всё же угрохал он старика. Как чувствовал мужик – в дом впустил и ужин сообразил, но всё дрожал, всё шеей покручивал... А может, ничего ещё – может, только паспорт спёр?

Яркие вспышки, расстреливающие затылок, смазались подступившей тошнотой в радужные пятна где-то с обратной стороны глаз, и в оранжевых этих омутах медленно тонули солдаты, грязный двор, пленники... сам Юдин...

* * *

Ольга заканчивала обыск юдинской квартиры.

Она не могла избавиться от жуткого зрелища, открывшегося её взору, когда она, не выдержав мёртвой тишины, заглянула в ванную комнату. Юдин лежал там внутри (Ну, голый, конечно, – а какой же ещё?) – на дне под слоем прозрачной воды и не шевелился. Это продол-

жалось несколько минут. Ольга была уверена, что в ванне труп. Она не понимала, что ей теперь делать. Надо куда-то звонить – куда?

– Эй, вы не утонули тут? – она не решалась дотронуться до Юдина и даже до воды.

И тут его лицо стало подниматься к ней наверх – лицо безумца с пустыми и как бы отдельно плавающими глазами. Но раньше лица оттуда показалась рука, и Ольга была уверена, что эта рука намеревалась вцепиться в неё.

Ольга мигом выпулилась вон, и некоторое время стояла в прихожей – в ужасе, с прижатыми к груди ладонями.

Тогда она и решила удостовериться, что Юдин конченный наркоман. По крайней мере, она сможет зачеркнуть этот вариант и не питать себя более надеждой на помощь обдолбанного психопата. Ольга перерыла все ящики и шкафы, внимательно пересмотрела все найденные лекарства, вспомнила, какие снадобья стояли на полке в ванной комнате, но ничего, похожего на наркотики, не обнаружила. Две ампулы омнопона в грамотно подобранной аптечке неотложных препаратов она нашла, но она же сама и разорвала оберегающую целлофановую упаковку этой аптечки, и, значит, никто этими лекарствами не пользовался...

Ольга почувствовала какое-то движение (Господи! она же роется в его спальне.) и обернулась.

Юдин глядел на неё из дверей теми же пустыми глазами. Ну, полный псих – огромный,

нелепый в этой своей обмотке из полотенца, колотящийся в беспрестанном ознобе – пособие по наркологии для студентов давнего её училища. Стоп, она же не нашла никаких подтверждений этой версии...

– Ты...

– Столпин, – напомнила Ольга о себе ранее, чем Юдин закончил свой любимый вопрос.

– А-а, – Юдин двинулся ей навстречу. – Давай спать – поздно уже. – Он дошёл до кровати, сел и похлопал ладонью рядом с собой. – Ну, ложись.

– Что ты себе позволяешь? – не закричала даже, а завизжала Ольга. – Ты из какой психушки сбежал? Ты себя сам когда последний раз видел, супермен стебанутый?! Мата Хари из-под Дону! Ты на харю свою посмотри. У тебя вон кровь из ушей. У тебя мозги из ушей!.. Да я с тобой бы и под дулом твоего пистолета не легла.

Она запустила в идиотскую морду ту самую аптечку и бросилась к дверям.

– Как хочешь, – догнал её голос Юдина. – Ты тоже – не моя мечта. Да я и предложил потому только, что – бесплатно, а за деньги бы – никто, никогда...

– Ты!.. Ты!.. – Ольга захлёбывалась бешенством: – Ты смеешь... Да я бы любые деньги...

– Ну, точно по анекдоту – мадам уже торгуется, – Юдин перестал скалиться. – Как можно таких истеричек направлять на работу?

– Какую работу? Меня никто ни на какую работу направить не может. – Ольга начала успокаиваться. – Вы – совсем больной. Я вам как специалист говорю – я училась на врача. Вы – сумасшедший...

– Кто ты? – хлестанул её голос Юдина.

– Здравствуйте – наша любимая мания. – Ольга вышвыривала слова в жесткое лицо напротив – как вмазывала оплеухами. – Я – Столпина. Мой муж арестован. Мне сказали, что вы можете помочь моему мужу, и я поверила. Я – дура. Довольны?

– Кто?

– Что – кто? – завопила Ольга.

– Кто сказал, что я могу помочь?

– Гроб, то есть Григорий – телохранитель. Вернее, начальник службы безопасности у моего мужа.

– Всё. На сегодня – перебор. Устраивайся где-нибудь, – Юдин помахал рукой, мол, – вон из комнаты. – Там есть диван, кресло – где хочешь. Мне надо встать не позже восьми. Можешь... можете заняться делом – собрать вещи для кичи. Он в чём туда попал?

– В смокинге.

– Самое оно. Говорят, вши на шёлке не держатся и скатываются – вот они и устроят себе на лацканах горные лыжи... – Юдина снова начал колотить непрерывный озноб. – Извините, – я пока, действительно, плохо соображаю. Потом, утром, всё выясним. Вещи в прихожей на антресолях. Собирайте – приучайтесь...

Необходим комплект одежды по сезону: башмаки, штаны, куртка, фофан. Немаркого цвета, без завязок и замков – лучше всё на липучках. Должно быть удобно для того, чтобы, при случае, лечь на лавку или устроиться прямо на полу. Подходят образцы одежды МЧС, но надо заменить верх тёмным материалом. Бельё лучше передавать регулярно, чтобы арестант не заботился стиркой и сушкой – это достаточно хлопотно. Это же касается и постельного белья. Долговременные вещи, вроде матраца, – передавать сразу при изменении места пребывания. Избавьте арестанта от необходимости передвигаться с большим грузом. То, что с собой – должно быть компактно, легко и удобно для переноса в одной руке и в удобной таре. Лучше всего матерчатая сума...

Из лекций О. Столпиной...

Ольга Николаевна собрала два неподъёмных баула.

Позвонила нянечке и удостоверилась, что дети спят, всё в порядке и все телефонные звонки записаны на автоответчик.

Она стащила с дивана пушистый плед и покошачьи свернулась в глубоком кресле. Весь этот долгий вечер беспорядочно мелькал перед ней, отгоняя сон. Ольга встала, походила по комнате, не вылезая из пледа. По окну шуршал льдистый простудный дождь. Голое дерево, вымахавшее вровень с домом, слышно поскрипывало на ветру совсем рядом от неё – через стек-

ло. Неожиданно чёрная ветка шлепанула своей лапой по окну, и Ольга отпрянула, уверенная, что эта сволочь целила именно в неё.

Она заглянула в комнату Юдина. Он метался в каких-то своих кошмарах, пробиваясь от туда разве что стоном, напоминавшим скрипы того дерева на улице. Она прикрыла дверь и вернулась к окну. Мелкое льдистое крошево устилало землю, плотно прикрывая осеннюю грязь, но – странное дело – ощущения чистоты не появлялось.

Ольга повернулась и снова оглядела эту чужую комнату. Потом открыла шкаф, выбрала полосатую рубашку и заперлась в ванной.

Руки её регулировали и пробовали воду, сама она как бы играла с собой же в полную несознанку (Сколько новых выражений узнала она за последние часы!), но при этом точно понимала, что сейчас она выйдет из ванной и заберётся в юдинскую постель – сама ляжет примерно на то самое место, по которому он так мерзко похлопывал недавно своей мерзкой рукой...

Только не надо вот гомонить про разврат и про свихнувшихся от безделья богатых озабоченных барынек, меняющих непрерывным хороводом своих шоферов, телохранителей или садовников. Потные рассказы и пересказы этих выдумок и есть – самый настоящий разврат, а то, что намерилась сделать сейчас Нильга Околаевна, совсем не...

Ольга чувствовала, что она может взаправду помочь этому странному человеку. Да не помочь даже. К чёрту всякую пошлятину про обогреть да поддержать!.. Она в силах его спасти, потому что его надо спасать. Может, он и не болен, но явно пропадает – будто падает куда-то из жизни – всё дальше и безвозвратней, а за неё он сможет уцепиться – как в оползне, – хоть на мгновение зацепиться и прекратить неостановимый обвал. И она может дать ему это спасительное мгновение, а завтра он спасёт её мужа и её жизнь. Так ведь и бывает всегда у людей. Тем ведь и живы...

Но, конечно, всё это – не главное. Дело в другом...

Разве не слышим мы иногда покалывание, вообще-то, невозможной надежды – а вдруг? Вдруг произойдёт то само, вокруг чего кружится в своём притяжении весь мир. (И море, и Гомер – всё движется...) Может ведь что-то сплавить двух отдельных людей в ту единую для двоих форму жизни, о которой столько напето за столько тысячелетий. Невероятно же, чтобы все эти пеня были – одним лишь рекламным пиаром, которым обычное вполне животное отправление беспрерывно возносится на божественную высоту. Нет, не может быть. Такой обман давно бы обнаружили. Значит, такая форма всё-таки существует, хотя бы – теоретически... В неё надо перейти, расплавив всю свою непримиримость и отдельность. Надо, чтобы

тебя расплавил, а потом вместе с ним вперехлест и залило туда. Страсть, например, плавит нам и кожу, и мозги, и потому даёт надежду отлиться в этом прохрустовом (До хруста костей) ложе. Но и беда – она ещё посильнее плавит – до сердца. Вон как его сжигает какая-то его беда. И её беда тоже...

Но и это – ещё один довод, не очень вразумительный, и совершенно недостаточный для такого решения...

Она просто обессилела. Давно. Сегодняшний ураган вздёрнул остатки её сил необходимостью немедленных действий и истребал этим вконец. Ей надо было передохнуть. Совсем немножко. Но нельзя, чтобы даже минутное её бессилие стало заметно людям, которые помогают держать её дом и весь её мир. Всё и держится, пока все уверены в её стойкости, а иначе посыпется – поползёт оползнем в неостановить...

Только она больше не может. Ей сейчас надо прижаться к кому-то, кому можно выплакать свои беды – без стеснения, а главное – без опасений, что эти её рыдания ещё большим обвалом сотрясут её жизнь...

Всё равно мало, чтобы броситься в постель совершенно чужого человека?

Тогда, в придачу, пусть это будет циничная покупка его завтрашних услуг и – к чёрту всех на свете моралистов...

А если и этого недостаточно, то пусть среди её резонансов остаётся ещё и некая тайна: Разве без какой-то тайны могла бы существовать в мире сама эта, двигающая мирами и гомерами, любовь? Да ни в жисть – без тайны останется одна лишь ебля...

* * *

– Кто...

– Конь в пальто, – перебила Ольга заранее известный вопрос.

Она пропустила мимо ушей его язвительные комментарии про очень знакомое пальто, которое ей невероятно к лицу...

Да он и не язвил – он по-своему пытался скрыть смущение, которое было для неё и неожиданным, и даже трогательным.

«Ой, бто чудет?..», – успела подумать Ольга (а, может, даже и шепнуть).

И ничего не было.

То есть была вполне предсказуемая и невразумительная возня – молчаливая, неловкая, а если и облегчающая чем-то истомившуюся душу, то тем только, что она наконец закончилась.

Юдин лежал впритык – в обхват её спины – уткнувшись лбом в затылок. Он затих, выровняв дыхание, избавившись от своих стонов и кошмаров, – только пальцы его чуть подрагивали на её шее.

По крайней мере, ему она чем-то помогла. Он уже не падает в неведомую свою про-

пасть – уцепился за неё (Вот этими пальцами и уцепился) и, может, не пропадёт. Ольга чувствовала, что и ей становится легче. Наверное, вместе с беззвучными слезами из неё уходит ожесточение, что накапливалось долгие годы и дни мусором неизбывных огорчений, а сегодня взметнулось, подстёгнутое кнутом беды. Уже не сыпались в один удушливый ком осколки разбитой вазы, и отстраняющая рука Столпина, и высокомерие гувернантки, и – куча всего... Всё нормально. К Ольге возвращалось забытое чуть ли не в далёкой Сосновке ощущение меры для всех её непереносимых горестей. Главное – вытащить Сашку. Потом она разберётся с ним и вернёт себе свою жизнь.

А сейчас надо, чтобы он её простил. Ведь не для себя она оказалась в этой постели. Впрочем, и прощать-то нечего. Она ни на миг не забыла, зачем она здесь – она не отстранилась от Сашки и его беды. Это то же самое, что и все остальные хлопоты за него. Ничего большего. То же, что договариваться с Бомёнычем, например...

Она представила, что таким вот образом договаривается с Бомёнычем и еле сдержала смех. Но, правда ведь, по сути – ничего большего...

А жаль. Могло бы случиться и что-то запоминающееся. Ну, например, что-нибудь совсем идиотское, как в вегетарианских образцах политкорректности: мол, можно я вас немножко поимею? а вы уверены? а вы точно уверены? так вы не против?...

Нет, лучше бы что-нибудь немислимо брутальное. Чтоб зажал непродукт и отвёл душу – даже не как с партнёром, а как с вражиной, виновной во всех его несчастьях. Только, конечно, безо всяких излишеств криминальной хроники...

Вот так и проживёшь всю жизнь, даже и не удостоившись элегантно попытке изнасилования...

Ей вдруг стало удивительно покойно, даже – безмятежно покойно. Она знала, что всё будет хорошо – с ней, со Столпиным, с её жизнью. Может, этот громила, спасённый ею и вернувшийся в своё таинственное могущество, сейчас в благодарность окутывает её своей уверенной защитой и покровительством?

Ольга плотнее вжалась в обхват юдинского объятия и уронила себя в мягкие ладони сна...

* * *

За окном шуршал снег.

Юдин открыл глаза и увидел только лишь волосы спящей в его объятии женщины. Но он не мог ошибиться – шёл снег. Он видел это и с закрытыми глазами. Густая лёгкая пряжа с едва слышным шёпотом штопает прорехи ночного города, вплетая заодно и загнанные метания Юдина в единое с собой и миром дыхание...

Совсем никчемушной видел он сейчас свою упорно оберегаемую отдельность и свою шершавую независимость. Он упорно оттачивал себя в

перекати-камушек, что проваливается неслышно и без вздрагивания сожалений сквозь плетёнку цепких людских паутинок, полностью готовый уже неслышно ухнуть в покойный омут, не всплеснув и легчайшей ряби чьего бы то оха.

Как он, на самом деле, устал от этой жизни!

– Ну-ну, это ты хватил... – пульсирующая ниточка звонко натянулась от виска к сердцу, перекручиваясь на глотке.

– Ладно... пусти, не цепляйся к словам...

– Думай прежде...

– Извини, увлёкся. Ты – моя жизнь – хороша, а твои подарки – ещё лучше. Но зачем они мне? Зачем ты мне подсунула эту чужую женщину?..

Ольга Николаевна пробормотала сквозь сон: «У тебя явная аритмия сердца – лечиться надо»

– Во-во, мудрая женщина...

– Кажется, вы нашли общий язык...

– Мне бы с тобой найти – общий. Может, хватит уже трепать меня в своих каруселях – чай, не девочка: годы...

– Поздно меняться. Давай так доживать.

– Не хочу так. Дай хоть в конце пожить по-человечески. Живут же люди нормально. Знаешь, как твоя ночная подружка живёт? Как сыр в масле...

– Как ты мне надоела!

– А как ты мне надоел!

– Ну и иди к чёрту.

– Как знаешь...

– Вернись!...

– Вернись! Вернись! – Ольга испуганно тормозила Юдина, пока тот не раскрыл глаза. – Однако... С тобой не соскучишься... Знаешь, как ты меня напугал?! Я проснулась, когда у тебя сердце вдруг замерло – как провалилось...

Она ещё шептала что-то неодобрительное, пристраиваясь на его плече и укручиваясь поудобнее, а Юдин так до конца и не вытряхнулся из своего сна и ухнул обратно, вдогон покидающей его сумасбродке, потому что догнать ускользающую жизнь было необходимо – куда же ему без неё?..

– Ага – перетрухал!

– Чёрт, ты ещё кто такой?

– Сначала обозвал, а потом спрашивает – кто...

– Так, может, ты и вправду – чёрт?..

– А вдруг я – наоборот: ангел-хранитель? Всюду вам черти мерещатся...

– Хранитель!.. а сам радуешься, что от меня жизнь линяет...

– Так я ведь не говорил тебе, что я – твой хранитель, может, не твой вовсе...

– Тогда – конечно... Тогда тебе смеяться надо мной в самый раз. А, может, ты мой ужасный сон?..

– Но уж никак не ужасней постоянных твоих кошмариков... Так что не дёргайся, чтобы не испугнуть... не потревожить сон...

– Так всё-таки ты мой сон?

– Да я не про твой сон, балда... Сон, что рядом – не тревожь.

Юдин краем глаза увидел щеку Ольги, уткнувшейся ему в шею, всем телом ощутил её тёплую радующую тяжесть. Он скосил глаза к окну, по которому стучал дождь.

Это был даже не дождь. Промозглая тяжесть, наваливаясь сверху бисером дождя, выдавливая из самого воздуха холодный пот, выдавливая даже из памяти недавний снегопад. (А были снегопад?)

Дерево, дотянувшись за долгие годы до окон квартиры, бессильно скреблось сейчас в стекло, в тепло, совсем отупев от изводящей душу сырой дрожи. Оно собирало изредка силы и лапой ветвей ахало оплеушно по морде окна, но никак не удавалось разгрохать эту неправильную отдельность чужого тепла от навалившейся на весь мир стыни.

Это не дерево – это сам Юдин рвался из своих холодов в недосыгаемый уют тепла. На него навалилась вся тяжесть долгих лет, через которые он тянул усталое тело, – из шкуры, из коры лез, лишь бы добраться до новой листвы...

– Эй, оглох!.. Лапы не отворачивай – переплетёмся и удержимся вместе, друг за друга...

– Да оставь ты его. Подумаешь – гордец трухлявый: у самого места живого нет – дупло на дупле – а всё, сучок, сучья свои в сторону тянет, лишь бы отдельненько...

– Так грохнется ведь...

– Ну и чёрт с ним, если у него в ветвях лишь ветер гуляет...

«Одними ветками разве удержишься? – корнями надо».

– Может, надеется за землю уцепиться?.. Ты ближе там, подшепчи – протухло ведь всё – трясина...

– Эй, пропадёшь – держись. Нам всем тут сплестись надо – из этой трясины один путь только: сплестись верхушками, кронами накрыть её и – может, пробьёмся к прочному. А там уже прорастём... выживем...

«Так не пробиться – зря скрипите. Так только сплетёшься в сплошную гать – зыбкую обманную прочность – гать она и есть гать: на короткое время и видимостью надёжности».

– Дубина! Надеется прорасти поглубже и удержаться!..

– Не-ет, кранты ему – я по скрипам слышу... по хрипам его...

– Научиться бы так расти, чтобы не дыряветь дуплом год от года – эти-то пустоты больше всего и ломают...

– Хорошо людям...

– Позавидовал тоже – у них через годы вообще одна пустота остаётся. Сверху только кору прихоращивают – видимостью одной и держатся...

– Зато они во сне выживают. Свернутся улитой – вот, считай, и пустоты уже нет: собой же со всех сторон и прикрыли...

Свернуться не получилось.

Пальцы его прижали бьющуюся под ними жилку и отпустили, но тут же, в испуге, что

куда-то исчезнет эта пульсирующая рядом жизнь, он всей ладонью чуть придавил Ольгину голову к своему плечу.

Не-не-до – вызванивали в его ладонь жилка на виске, щека и уголок губ. Всполошилось веко, теребя (или лаская?) ладонь, и тут же тёплая волна мягкими губами коснулась его шеи, расправилась впритык, обожгла ладони, растворяя сначала их, а потом и каждую точку его кожи. Он расплавлялся в отдельные клеточки, он чувствовал, как расплавляется нежное тело рядом, переплавляется в его тело и, наконец-то, не осталось в них ни одной жилочки, которая могла бы даже вздрогнуть отдельно сама по себе... Женщина, созданная вместе с ним единым замыслом, плескалась в бережных его ладонях... Нет – он сам был жарким дыханием на её губах...

Они сплелись и впились друг в друга. Тёплая река, которая своим течением единственно и удерживает весь мир от распада – от засухи бессмысленной суеты, – мощная эта река подхватила их и, растворяя в себе и один в другом, точными всплесками принялась окатывать и окутывать их перепутанные тела, продолжая тот самый замысел, с которым они и были созданы друг для друга...

Сильная волна вынесла их на мягкий берег и с сожалением отступила, давая возможность дышать и жить дальше, разделяя их на отдельные створки. Но и отдельными створки эти были уже не так, как в незапамятные времена – времена до-объятные: сплавившиеся в одну жизнь

и заново разлучённые, собранные сейчас волнами прибой каждый в себя, они не могли уже разорвать тесные объятия точно по старому контуру. Руки, губы, вся кожа его, отлепляясь и снова касаясь её губ или её кожи, намертво хранили уже среди своих клеточек и вплавленные её. Они каждый отдельно и вместе – рядом – грелись в мелководье, и волны прибой окатывали их, добавляя к ним какие-то новые частицы из вечной реки, уточняя и поправляя какие-то линии в них самих, расправляя чуть мягче губы, чуточку удачней выводя ушные извивы, приручая их и друг к другу, и к едва слышному говору речного течения.

А потом мощная волна заново растворила собой все клеточки их радостных тел...

– Господи-и-и... ты... оказывается... совсем не теплокровный... откуда... откуда снег... это твои обычные галюники... ты же у нас сумасшедший... зачем ты закрываешь мне уши... я не слышу... это не снег кружит... это у меня голова кружится... не закрывай уши... пси-их... я не подарок... совсем не... я не подслушиваю... я щекой слышу... и губами... илы-ы-й... пси-и-и-и...

И как теперь их жизни ни вырывай друг из друга – разрывной край един для них и всегда заново растворится одним лишь объятием...

– Спи... Действительно – снег... Мы его сотворили?... Ладно – с сумасшедшими совету-

ют не спорить... Ты не просто сумасшедший – ты самый холодный из всех сумасшедших... Нет, это я знаю не из опыта – теоретическая... подготовка... А что тебя так интересует мой опыт?.. Сумаш-шедших точно не бы-ло – ты пер-вый... Не вы-полсай... По ка-па-чану... Пояс-ся снова холон-ный... и всю меня заледееешь... и нап-пасно смеёс-ся... Спо-ойной очии... Я спу.. (Сашка, прости меня. Мы тебя завтра вытащим. Мне хорошо – прости.)

* * *

Ольга проснулась, но тут же зарылась с головой в одеяло и лежала, не шевелясь, одна в постели, договариваясь со своим всемогущим ангелом-хранителем, как договаривалась раньше – уже не вспомнить когда.

Договорились о том, что если она, не открывая глаз, приведёт себя в порядок (Где это его полосатое пальто? Ага – вот, кажется.): доберётся до ванной, примет душ, оденется (Где она там оставила одежду? Вроде, на вешалке, слева от двери.) – если она всё это сделает, то всё будет хорошо и именно так, как ей надо.

Она приедет домой, а Столпин уже там... И всё у него опять в порядке... Она ему скажет, чтобы он не лез в её душу, что он – неблагодарный, что она для него... Она может и – в Сосновку... В общем, всё будет хорошо и, может, когда-нибудь она себе снова устроит праздник и встретится с Юдиным, на этот раз – чистый

праздник, без каких-то ужасов... А главное, она родит ещё одного сына: такого же огромного, как Юдин, но только – без его кошмаров, а совершенно счастливого... Юдину придётся ходить следом, чтобы хоть глазком увидеть его... И он станет общим любимцем... И близняшки, и Столпин души в нём...

Если бы Юдин её не подхватил, она бы точно грохнулась, зацепившись ногой за баул с ею же собранными вещами.

Ольга горько рыдала, уткнувшись в юдинский свитер, мотая головой и уцепившись накрепко в рукава этого же свитера.

Теперь ничего хорошего уже не будет, сколько заново ни закрывай глаза... Теперь только огрызки от хорошего... Например, только сын... Какая она дура! – ничего себе огрызок...

– Всё, всё, – Ольга отстранилась от Юдина и выставила впереди себя ладонь, так его и удерживая. – Всё. Я – в порядке. Извини. Сейчас я буду готова. Говори, что надо делать?

– Когда будешь готова – собери продукты...

В стабильные моменты, когда ваш арестант будет находиться в вами созданных для него специальных условиях, вы сможете, хоть и ежедневно, передавать ему всё, что он пожелает. Но всегда и особенно на случай всяких непредвиденных перемещений у него должен быть минимальный набор необходимых предметов и продуктов. Обязательно нитки с иглой, кусачка для ногтей, сигареты – попроще для сокамерников и хорошие для него или отдельных сокамерников, – кипятильник (на стакан), термическая кружка, чашка или миска для еды, ложка, чай, бульонные кубики или сухие супы, качественные сухари. Сигареты и чай нужны и для оплаты услуг. Не забудьте, всегда должен быть чеснок – это главный тюремный витамин от любых болезней и даже – от нечистой силы...

Из лекций О. Столпиной...

Собранные Ольгой продукты Юдин, так же, как и баулы с вещами, перетряхнул и собрал заново²⁴. Всё отобранное он упаковал в две компактные сумки и поставил их в прихожей.

– Давай...те пить чай, – предложил Юдин, закончив сборы.

Он не дал ей хозяйничать и сам готовил этот утренний чай с бутербродами, которых оказалось сначала недостаточно для утоления проснувшегося вдруг голода, а приготовленные вдогон – так и остались нетронутыми. Они так старались не коснуться друг друга, что могли бы, пожалуй, и догадаться, что именно этого

каждый из них и хочет безумно – дотронуться хоть пальцем до щеки или до ладони.

– Ну а теперь скажите мне, – спросил Юдин, убрав со стола и усаживаясь снова на своё место. – Кто он?

Как она хохотала! Скорее, это опять была истерика и, хотя на этот раз – не в рыданиях, всё равно – до слёз...

Невероятно, но Юдин ничего не знал о человеке, которого в губернии знала любая собака. Правда его скорее заинтересовали бы тёмные делишки Александра Столпина, но об этом, в свою очередь, ничего не знала Ольга Николаевна.

И та, и другая неосведомлённость могли, по крайней мере, вызвать обоснованные сомнения в искренности друг друга. Если у Юдина такие сомнения и появились, то он их никак не проявил, а Ольга...

– А кто, собственно, вы? – неожиданно спросила она.

Юдин представил возможную тропинку, запетлявшую с этим вопросом по колючему мусору непониманий, который хрустит занозистыми обидами и толкает скользить дальше – уже к увесистым ушибам оскорблений. Например, могло бы понестись сюда:

– Я – тот, кого вы наняли для помощи своему мужу.

– Вы считаете, что все... Что я вас просто нанимала?..

– А разве без этого?
– Ну, не совсем, но и вы – получили что хотели и за бесплатно...
– Знаете, я могу и...
Нет, по этой тропинке он не двинет...
Кстати, а интересуясь делишками Столпина, не выполнял ли он уже, пусть и подсознательно, своё оперативное задание?..
Это – точно нет. Стопудово...

– Откуда вы заранее знали про моего мужа? – не отступала Ольга.

– Это неважно – решительно и как можно мягче отодвинул её вопросы Юдин. – Важно, что я согласен вам помочь. И – ему...

– Мне говорили, что вы можете его просто вывести оттуда и привести домой.

– Ну, это сильное преувеличение.

– А что вы можете?

– Не знаю ещё. Через пару часов я буду вместе с ним и что-нибудь придумаю.

– Вас тоже... тоже сажают в тюрьму? Что же вы натворили? А-а, вы понарошку. Вас кто-то уже до меня попросил о Столпине, и вы придумали сесть туда понарошку. – Ольге казалось, что она всё поняла. – Постойте-постойте, какой-то неведомый муравей попросил вас за моего мужа? Так?

Как близко она подобралась к юдинским секретам. Вот узнает ещё, кто такой Муравей и – конец. Всё поймёт и вытолкает из памяти, рас-

топтал в прах эту их ночь и его – всё забудет. И саму память об этом – тоже забудет...

Юдин накрыл своей ладонью руку Ольги.

– Пора. Иди домой. Подожди немного после моего ухода и иди. Я сделаю всё, что могу.

– Подожди. – Ольга придержала его руку. – Я не из-за того, чтобы ты туда...

– Я знаю...

И это случилось с тобой навсегда...

Юдин медленно спускался по лестнице, понимая, что невозможно сказать ей правду и, значит, невозможно сказать о том, что она...

И-то-что-слу-чи-лось-по-хо-же-на-ми-лость...

Он закурил, остановившись одним пролётом ниже своей площадки, и пополз дальше.

На-бо-жию-милость. Короче – беда!..

* * *

– Эй, командир, ты что здесь трёшься?

Снизу вверх с лестничной ступеньки мутным взглядом глядел на Юдина он сам из немыслимо давнего времени. Пьяненький в своём первом запое, молоденький до неуклюжести, дурной до жалости, трясущийся без удержу первокурсник Юдин безуспешно пытался держать свою ускользящую башку прямо и смотреть набрякшими красными глазами твёрдо.

– Ну ты хорош...

С помощью содержимого плоской фляжки Юдин быстро оживил своего неожиданно воз-

никшего молодого клона. (Может, он только в моём воображении? А-а, разбери тут!)

– Ты откуда так ловко взялся?.. Что-то твоя физиономия мне знакома...

– Ещё бы... Родная как-никак...

– Ты что же?.. Но этого же не может быть... То-то я чувствую что-то не то...

– Хорошо хоть чувствовать начал – отошёл, значит... Не тошнит больше?..

– Ну, если ты – это и вправду я, так тошнит со страшной силой.

– Я тебя тоже... люблю...

– Можно я ещё хлебну?

– Пей всё – я не буду.

– Не пьёшь, значит... А зачем заначка?

– На всякий случай.

– Не пьёшь... Добра, судя по одежке, не нажил; в люди, судя по общему облику, не выбился – и мне столько лет мучиться, чтобы к такому вот доползти?.. Господи! Какая скукота,...

– Ну уж ручаюсь – не соскучишься...

– Ладно, явился – так обрисуй попонятнее чего ради я здесь колгочусь? Что у тебя там есть, ради чего мне стоит тут...

– Стоит, честное слово...

– А конкретней?.. Что там у тебя за душой такого...

– Да пошёл ты...

– Ты тут обиды не корчь. Мне по поводу тебя... ну, и себя, ещё определиться надо.

– Ну-ну... тебе, может, на бутылку подбросить – чтоб легче определиться?

– Мне перед тобой ничего изображать не надо, поэтому – гони на бутылку... Та-ак, и ты молчишь: оказывается, бутылка-то требует бешеных бабок... Слушай, это и есть коммунизм?

– Коммунизм уже отменили...

– Ну вот, а ты молчишь! Теперь вижу, куда ползти – это же меняет дело... А друзья у меня будут, когда я до тебя... то есть если я до тебя?..

– Будет столько бед, что в оконцовке – придётся в одиночку...

– Значит, точно по русской народной мудрости: друзья познаются в беде?..

– Друзья уходят, когда ты перестаёшь ими жить, или – ты уходишь, когда перестают жить тобой. Так что эта твоя мудрость – чушь собачья.

– Не моя – народная...

– Ты народ не трожь – не твой...

– Ты можешь его не защищать по той самой причине...

– Я защищаю по другой причине: я в большей степени народ, чем большое-большое скопление людей вокруг...

– Ты – русский народ? Тогда и я – народ...

– Ты пока ещё запойный щенок...

– Цапнул бы я тебя, но ладно, так и быть: эту мудрость мы отменяем... А не с этой ли целью ты пробрался в великий народ? Покушаешься на исконные ценности?.. Та самая пятая колонна?..

– Отвык я от твоих смехуёчков... Слушай, может, попросту надо вмазать тебе хорошенько, чтобы очухался?..

– Ну вот, не успел влезть в русский народ, как уже тянет бить жидов и изъясняться простыми доступными матюками... Кстати, часто меня там будут «вмазывать» и «очухивать»?..

– Ну, этого будут вдосталь – отсыпется горой...

– Так, может, остережёшь. У нас сейчас редкая возможность что-то попробовать изменить – шагнуть где-то иначе...

– Н-не знаю... Нет, не надо ничего менять...

– Лови момент – ты можешь подправить саму жизнь!..

– Нет... Боюсь трогать даже... Подправишь в одном извороте – потом и не угадаешь, куда тебя, прибабахнутого, вынесет... А если сюда вот или во вчера не вынесет? Нет, не надо ничего менять.

– Значит, здесь вот, где ты оказался, ты – доволен?

– Пожалуй, да.

– Лучшего и быть не может?

– Не в этом дело... Тебе трудно меня понять, но поверь: будет в твоих петляниях такая точечка, которая будет стоять их... Многого. Поверь в это, и всё будет хорошо, то есть неважно как, но – будет...

– Дойду, значит, до точки?.. А может, ты попросту – моя белая горячка? Допился вот до тебя... Где же это видано, чтобы я сам себя при даже моей ебанутости... сам себя не остерёг... Точно – ты белая моя горячка... А если нет, то больной – естественное осложнение моего юного алкоголизма...

– Язва ты языкатая... Но ты меня всё равно устраиваешь...

– Не удивительно – ты ведь дошёл до точки... Важнее, что ты меня не устраиваешь... Вали... тошно мне с тобой... вырезвить тебя надо – вали.

* * *

Ржавая пружина застонала в натяге, и медленным зевком приоткрылась дверь подъезда, выталкивая Юдина наружу, в хмурый промозглый день. Зябкий ветер окатил до головы льдистым покалыванием, выбивая из тела противную мелкую дрожь.

Господи, что же он натворил!

Только что у него была возможность спасти Иссу, и он – отказался. Ему предложили попробовать изменить что-нибудь в своей жизни, и он даже не вспомнил.

А, может, это просто было его видение? Может, это – как сон наяву? Не могло ведь на самом деле такого быть. Это его собственные мысли и фантазии...

Ну и что? Чем это лучше?! Это значит, что он даже в мыслях своих ещё раз предал Иссу. Даже в мыслях – не попытался его спасти. Просто – забыл про него. И в мыслях – забыл...

Юдин накрепко знал, что когда-нибудь, неизвестно где, они с Иссой ещё встретятся, и что же он теперь ему скажет?..

Куда страшнее было представить, что скажет Исса...

И ничем уже Юдину не оправдаться. Может, сделать вид, что ничего не было – галлюцинации, то да сё – подумаешь...

Но ничего нельзя скрыть...

Про это Юдину сам Исса и рассказал в их последнюю встречу, которую для Юдина организовали хмурые начальники с большими звёздами на погонах. Они очень надеялись на заступничество Юдина. От того самого капитана-особиста, с которым Юдин встретился накануне зачистки селения, эти начальники прознали, что их мучительные несчастья вызваны проклятьем Иссы.

Юдин только угрюмо помыкивал на их посулы и суетливые наставления.

– Мы же против его – ничего, – всё ещё нашёптывал Юдину тот самый капитан, конвоируя на свидание с Иссой. – У нас работа – служба. Нам приказывают... Он же должен понимать...

– Это он понимает, – отозвался Юдин. – Он мне сам говорил, что все люди, в общем, хорошие, пока их не угораздит взяться за мерзкую работёнку...

– Вот-вот, – обрадовался капитан, услышав в юдинских словах что-то обнадеживающее...

Юдина завели в пустую камеру, предназначенную, скорее всего, для очень специальных допросов, и позже конвоиры в масках втолкнули Иссу...

Разумеется, им и в голову не пришло тратить эту нежданную встречу на дурь начальственных прихотей. Они говорили о своём – губами в ухо, ограждая себя от прослушки, но вроде и не говорили. Юдин, уткнувшись лбом в плечо Иссы, просто слушал его слова и его молчание...

Вот там Исса и рассказал, что в принципе каждый человек может глазами и мыслями другого пережить любое мгновение его жизни.

– И ты можешь? – недоверчиво хмыкнул Юдин.

Ему казалось, что Исса просто рассказывает байки для утешения.

– Ты и сам можешь.

– Я не могу, – отозвался Юдин.

– Ты ещё не знаешь.

По словам Иссы получалось, что любой в силах как бы подключиться к какому-то специальному архиву с полными жизнями других людей и по своему желанию временно влезать в шкуру другого. Для этого надо самому заново пережить свою жизнь – без утайки и без лживых самооправданий. Вытащить все свои мгновения со всеми подлыми извивами, задохнуться в удавке этих воспоминаний, а потом начать дышать заново и уже – по-новому. В общем, как бы изойти – пусть и незаметными другим – слезами раскаяния. Вот эти-то слёзы и дают тебе новое зрение и новые возможности, обновляя и объединяя с другими людьми, обновлёнными так же, как и ты, своим раскаянием и своим новым зрением. Надо

только научиться пользоваться и жить с этими обречениями.

– Ну, так это же только для тех, кто сам захочет. Думаю, таких не найти.

– Таких уже много, – заверил Исса.

– Но они же не могут силой заставить кого-то падлу раскрыть себя для других.

– Не надо силой. Когда-нибудь это станет нормой. Неприлично будет скрывать. Скрываешь, значит нет тебе веры. Значит – ты мне не указ. Не начальник. Не командир. Не партнёр. Никто. Кто-то опасный – в маске. Как тот урод в маске – за дверью. Зачем маска? Могу я верить маске? Могу с ним одно дело делать? Он в маске, а я – открыт. Не могу. Вот и придётся снимать. Придётся перед людьми – своим лицом, а не маской....

– Ну, такое когда ещё будет, – тихонечко посмеивался Юдин. – Я, слава Богу, не доживу.

– И я доживу, и ты доживёшь, – не согласился Исса. – Нам – много жизней. А тебе и этой ещё – с головой...

– А мы с тобой увидимся?

– А как же!..

Через несколько дней состоялся закрытый и необыкновенно скорый суд, в котором толстыми свинцовыми плитами были отгорожены места для судей, обвинителей и свидетелей. Иссе законопатили пожизненно, но долго ещё какие-то, не внушающие доверия очевидцы, рассказывали о встречах с Иссой на этапах, пересылках

и чуть ли не во всех российских централах. Юдинские попытки отыскать его только и утыкались в эти рассказы и слухи.

А суд над Юдиным и его бойцами, как и предполагал Исса, повернулся совсем неожиданно. На третий день слушаний вдруг резко изменились показания свидетелей и вопросы обвинения, а ещё через день там уже не судили мятежный взвод, а восхваляли доблестное подразделение, которое, рискуя жизнью, защитило невьебень-сколько народу, прекратив преступную деятельность тайного лидера бандитского интернационала...

Звездануться можно! – их даже наградили...
Так что Исса и здесь их заслонил.

Только вот для того, чтобы их всех заслонить, Исса вместе с Юдиным выстроили умный план, по которому Юдин сдал и Иссе, и свой взвод. Сам Исса и доказывал пользу плана, но как ни крути и чем ни оправдывайся, а весь этот замысел – предательство и ничего больше...

Так что ж ты, Исса, в очередной раз обессмертил – гений (и добро) самопожертвования или разум (и пользу) предательства?..

* * *

– Э-й, подожди! – к Юдину от дверей подъезда бежала Ольга, увидевшая его сверху – оцепеневшего в колючей мороси хмурого дня. – Давай я тебя подвезу.

– Нет, не надо. Нас не должны видеть вместе...

Им бы преодолеть как-то один шаг, который она не добежала до него, но это было невозможно.

– Я хотел тебе... Я и слов не могу найти, – Юдин улыбнулся, – Ты бы на моём месте, наверное, сказала: «Жучья сизнь»...

– Ака мудская, – тихо выдохнула в ответ Ольга...

V. КАМЕРНЫЙ КОНЦЕРТ

1

Любой находящийся рядом с вами человек может быть стукачом. Более того, в любой камере (в КПЗ, на сборке, в карантине, в подследственной хате и в осуждёнке) обязательно будет наседка и редко – одна. Не интересуйтесь чужими делами, чтобы за наседку не приняли вас, и ни с кем никогда не откровенничайте о своих делах. У особо приставучего можете спросить, для чего, мол, допытывается, и увидите, что его любопытство сразу иссякнет. То есть вы можете говорить с кем угодно и о чём угодно, но всегда должны, как бы ухом своих преследователей, слышать свои откровения и понимать, что тот, с кем вы откровенничаете, сможет все ваши слова подтвердить в качестве свидетеля...

*Из лекций К. Маркова
на спецкурсе «Тюрьма-тур»...*

Юдин вполне мог бы подъехать к прокуратуре вместе с Ольгой, на её джипе. За час до встречи с ним следователь Муравьёв уже знал, кто именно пришёл к Юдину вчера на ночь глядя.

Ай да майор! не просто ходок, а ходок рискованный. А вдруг это сам Юдин какой-то хитроумной комбинацией подтолкнул мужа своей лю-

бовницы в яму и для этого сшиб того лоб в лоб с областным прокурором Пилаевым? Муравьеву, конечно, наплевать и даже – на руку, потому что Юдин в этом раскладе сам заинтересован в обвинении Столпина. А если всё не так? Если Юдин работает на Столпина и встречался с его женой, чтобы им помочь? Вряд ли. В таком случае он сам приехал бы к ней домой за указаниями. А чтобы столпинская жена, почти ночью и без охраны неслась к мужнину работнику на дом по какому-то делу, кроме всем понятных делишек, – нет, это вряд ли...

Как бы то ни было, но Юдин ведёт какую-то свою игру, неизвестную Муравьеву. С этим Муравьев примириться не мог, но и отменять операцию было уже поздно.

Следователь тасовал карточки задержанных, мающихся сейчас в подвальных камерах областной прокуратуры.

Несмотря на то, что задержанные по самому своему статусу не могли здесь задерживаться надолго, Муравьев и тут поставил на должную высоту работу доверенных лиц (даже в своих мыслях он избегал пренебрежительных прозвищ для стукачей). Благодаря этому удалось практически полностью избавиться от неприятных эксцессов силового давления на подозреваемых. Вполне достаточно было засунуть особо упрямых пассажиров на одну ночь в импровизированный карцер, переполненный такими же строптивцами, а потом ещё сутки-полтора

продержать в обычной камере. От этого перепада давления любой человек, либо пьянел, теряя защитную осторожность, либо трезвел, и начинал сам искать варианты взаимовыгодного сотрудничества со следствием. И в том и в другом случае ему помогали сокамерники, которые раньше его поняли все выгоды полезного партнёрства ²⁵...

Карточки этих понятливых Муравьёв и откладывал сейчас отдельно от остальных. Получились две примерно равные стопки. Следовательно взялся внимательней просматривать кандидатов. Большинство из них ещё не определилось в отношении своих обвинений. Все их мысли были заняты комбинированием вариантов собственного спасения, и трудно было бы ожидать, что они всей душой проникнутся выполнением замыслов следователя. А некоторые хитрецы начнут даже строить планы, как бы потом половчее пошантажировать своих собственных обвинителей этим поручением.

Только у двух была полная определённость и вполне ясная договорённость со следствием относительно собственного будущего.

Кузьма Марков, жирный коммерсант тридцати шести лет, которого все звали Кузовом (а за глаза – Пузом), влетел в неприятности со скоростью своей же постоянно разгоняющейся жадности. Десяток лет Кузов занимался разными махинациями, что гордо именовались автомо-

бильным бизнесом. Ремонт, обслуживание, продажи и перепродажи самих автомобилей и любых их составляющих приносил Кузову неплохой доход до тех пор, пока не иссяк поток вывезенных из-за границы образцов современного автостроительного искусства. Когда госпошлины (официальные и в порядке чиновничьего рэкета) подорвали основы экономического благополучия компании «Инком-тачка» (прозванной в народе «Пинком-тачка»), Марков совершенно естественно пришёл к новому виду деятельности. Он организовал масштабный и планомерный угон машин, которые их хозяева могли при желании выкупить у марковской же дочерней фирмы, специализирующейся по розыску. Кузов мог бы и дальше нормально жить, но стал нагло поднимать цены за возвращение любимых авто и к тому же не захотел договариваться с владельцем сети страховых автомобильных агентств, неофициальным деловым партнёром которого был начальник областной автоинспекции. Вот этот владелец и определил Пузо на нары.

Марков сам предложил возместить страховому магнату причинённые убытки, и правоохранительным органам – причинённые беспокойства. За этот конструктивный подход с него снималось подозрение в угоне автомобилей, и в суд он пойдёт с нормальной и вполне авторитетной для своего круга статьёй по неуплате каких-то забытых пошлин на провоз автомобилей. В понедельник его отпустят по подписке и далее тоже не навесят ничего серьёзного. И хотя па-

риться Кузову на киче – всего-ничего, он всё равно не отказался потратить силы и сноровку, чтобы занять в камере авторитетное место, и корчит сейчас там из себя старшего. Это тем более устраивает Муравьёва...

К слову сказать, Марков несколько отличался от своих коллег по коллекционированию определённого вида портретов Бенджамина Франклина. У него не было обычного офиса с мордоротами в дверях и длинноногими красотками внутри. «Пинком-прокачу» располагался в двух строительных вагончиках посреди склада металлолома. Зато на личных гектарах загородных угодий автодельца рядом с его особняком возвышался собственный храм, колокола которого дозванивали и до городских окраин.

И всё-таки Муравьёв не мог довериться Кузову.

Пузо и согласится, и сделает, что велят, но потом – в любой момент – может всех сдать, причём вместе с собой, и не догоняя даже, что себя же с потрохами сдаёт, а, наоборот, гордясь своей изворотливостью. Эти жирные и такие пластичные нувориши, как правило, не могут понять, что всё происходящее в жизни – происходит всерьёз, а многое и навсегда. Им кажется, что можно заплатить и что-то, уже произошедшее, как бы исчезнет, будто его никогда и не было. Ну точно, как богатые ростовские путаны, которые при подходящем варианте выгодного замужества возвращают себе хирургическим путём даже в душе забытую девственность.

Вот и эти Пузы-Кузова думают, что вопрос о том, чтобы снова стать целкой из той трусливой падлы, в которую они сами себя превратили, – это вопрос количества бабок...

Интересно, что они запоют, когда до них дойдёт наконец, что душа – не вагина и с помощью денег её не заштопать?

– Господи! – закричит Пузо, – что Ты мне предъявляешь эту издолбленную в помёт душу?

– Так это твоя душа, и это не я – это ты её так... – услышит он.

– Почему же Ты не обновил её, Господи?! Я Тебе такую церковь заделал!.. я Тебе такие колокола отгрохал!..

– Что же ты не звонил в те колокола? – спросит Господь.

– Так я ж нанял шнырей, – завопит Пузо, – они и кадили, и звонили. Они на километры звенели славу Тебе, а Ты?..

– Ты думаешь, что добавил мне славы?

– А как же ж! Я ж не для себя – я ж для Тебя... Такие бабки!..

– Вот то-то, – скажет Господь. – Надо было – для себя...

– Ну это, блин, полный беспредел, – завопит Пузо. – Так не пойдёт. Давай забивать стрелку...

– Мудак ты, – вздохнёт Господь. – Это и есть – главная твоя стрелка. Другой не будет...

Муравьёв отложил карточку и взял вторую.

Арестант Павел Савельев был резким вихлястым парнем по кличке Танцор. Он жил ни-

когда не унывающим гомонливым картёжником – ловким шулером, не раз битым и постоянно совершенствующим мастерство своих рук. В пролётные времена он становился напёрсточником, чтобы насшибать денег на новую игру.

В начале года Танцор без особой надежды на успех закрутил совершенно глупую аферу. Он разделил родной Дон на отдельные участки и взялся впаривать лицензии на отлов рыбы угрюмым казакам, которые все поголовно промышляли самодеятельным браконьерством. Лицензии продавались на отдельные дни, на недели и месяцы. Сами сертификаты Танцор нарисовал собственноручно и размножал на обычном ксероксе. Надо было быть исключительным идиотом, чтобы поверить в состряпанную им филькину грамоту, тем более в руках такого проныры, хотя бы он и заверял жизнью давно забытой мамы, что состоит на вспомогательной службе в рыбнадзоре. К непередаваемому удивлению самого Танцора его земляки оказались именно такими идиотами. Через пару недель успешных торгов Танцор даже прекратил свои разъезды по станицам и принимал посетителей прямо у вокзала, за тем самым столиком, где ранее гонял шарик тремя пластиковыми стаканчиками.

И всё бы прошло благополучно, но руководство областного рыбнадзора посетила та же светлая идея. Правда их лицензии стоили значительно дороже, что и понятно, так как и вы-

глядели они куда богаче и представительней. Неблагодарные казаки возмутились и начали размахивать грамотками Танцора. Тут уже, естественно, возмутились в рыбнадзоре.

Танцор, ничего не зная про эти страсти, катал клиентов по поездкам – сначала очень успешно, а потом фортуна ему снова изменила с барственного вида московским фраером. Третьего дня Танцор вернулся на привычное место и только успел приготовить стаканчики, как его и повязали...

Если бы не прежние две ходки, то ничего серьёзного ему бы сейчас не грозило. Потерпевших от мошенничества Танцора будет очень не просто уговорить на показания в суде, особенно с условием, чтобы ни звука не прозвучало о том, как рыбнадзор вздумал повторить с ними тот же трюк. А ничего существенного без показаний свидетелей Танцору прицепить не получится. Если бы он хотя бы предъявлял какое-то поддельное удостоверение, то можно бы глушануть его по подделке документов. Но Танцор никаких удостоверений не подделывал, а считать его самодельные грамотки документами не решится даже самый тупой судья...

С Танцором договорились, что он помалкивает про аферу рыбнадзора и в благодарность получает от обвинения самые лестные характеристики и самые минимальные требования в наказании...

Муравьёв позвонил и приказал доставить подозреваемого Савельева.

– В общем, чтоб он остался без повреждений, – заканчивал инструктаж Муравьёв. – Но тебе он должен повреждения нанести.

– А может, не надо наносить, – предложил Танцор. – Я скажу, что нанёс, и – достаточно...

– Не пойдёт. Повреждения должны быть наглядные и убедительные.

– Я себе кровянку из носа пушу.

– Мало. На него надо повесить тяжкие телесные... Пусть он тебе жбан расколет.

– А пусть другому.

– Идиот, – у Муравьёва начало иссякать терпение. – Другой может отказаться свидетельствовать в суде. У Столпина там такие адвокаты будут, что из свидетеля все соки выжмут. И зачем мне ты, если будет другой?

– Так больно, же – жбан...

– Боль на пару дней, а зато из больницы – на волю, и – никакого дела...

– А давайте, драка – отдельно, а жбан я себе сам покорябаю, – предложил Танцор.

– Только чтобы всё натурально. И драка чтобы возникла натурально.

– Эт-ту ламбаду я станцую – не боитесь... – Танцор задумался. – Столпин ваш, прикидываю – из жидов?

– С чего ты взял?

– Ну, денег немерено и фамилиё на «ин».

Муравьёв, которого сразу же по рождении предусмотрительные родители нарекли не Фла-

виным по отцу, а записали по фамилии матери, неприязненно смотрел на задержанного.

– Танцор, ты совсем тупой. А Путин? А Минин? А Стенька Разин наконец?..

– Стенька – исключение, – гнул своё Танцор. – Он баб топил, а жида не могут. Оне воще воды боятся – потому и не крестятся. А вот Путин ваш – очень может быть, что из них...

– Да ты в своём уме?..

– А чё? В синагоги ходит – я сам по телеку видел... Вот третьего, кого вы помянули, не знаю. Кто это?

– Гражданин Нижнего Новгорода Минин.

– Не знаю такого. Он кто по жизни?

– Он по жизни – герой. Он князю Пожарскому деньги собрал на ополчение...

– А-а, вспомнил, – радостно перебил Танцор. – Я на памятнике его видел. Рукой куда-то заманивает князя этого и – без коня... Минин – точно жид. Их хлебом не корми – дай деньги собирать...

– Всё – иди, – махнул рукой Муравьёв, вызывая конвой.

* * *

Через несколько минут Юдин координировал свои действия со следователем Муравьёвым.

– Желательно, чтобы в камеру нас завели вместе. Его должны привести из карцера, когда я буду уже стоять у хаты. Через полчаса-час пусть меня вызовут для получения передачи от жены,

и я заберу эту вот сумку. – Юдин показал на сумку побольше. – А ещё через пару часов выдёргивайте за другой передачей. Я Столпину скажу, что попросил жену собрать вещи и для него.

Муравьёву очень хотелось съязвить, мол, от чьей, собственно, жены должен получить передачу Юдин, но он сдержался.

– У тебя кто там сидит на сегодня? – спросил Юдин.

– Да разный сброд.

– Не темни, – Юдин внимательно взглянул на следователя. – Сброд по обезьянникам в ментовках мается, да в ИВС*, а здесь у вас – публика отобранная, те, что ненароком наступили на чью-то властную мозоль...

– Хочешь дела посмотреть?

– Времени в обрез... – Юдин ещё раз покопился на Муравьёва. – А-а, бережёного... Давай по-быстрому...

Он перебирал карточки, минутно задерживая на них цепкий взгляд.

– А Лука у тебя чего парится?

Старик Лукин из своих восьмидесяти-с-гаком лет шестьдесят оттянул по самым разным статьям, успев начать с древнего, как библейские заповеди, указа о колосках**. Три года на-

---

* Изолятор временного содержания.

** Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», известное в народе как указ «семь-восьмых».

зад его опять посадили за угрозу жизни епископу Ростовскому.

В яркий праздник Пасхи довольный и весь гладкий в своём довольстве епископ вышел из кафедрального собора и ужаснулся: нищие заполонили весь двор. Обычно они, как им и приличествует, теснились вдоль прохода от дверей храма, наседая друг на друга, но не заступая епископу дороги к своему лимузину. Однако нынче по городу прошёл слух, что местные миллионщики перевели епископу обалденные деньги именно на нищих, и тот после службы будет эти деньги раздавать.

Деньги были на самом деле, но не такие уж обалденные и не на нищих вообще, а на «православных, прозябающих в недостойной нищете», и епископ, естественно, решил, что имеется в виду подчинённая ему братия вместе с ним самим, ибо все они именно прозябали на фоне поджигающих храмовое подворье городских зданий, скупленных на корню и перестраиваемых новыми владельцами в роскошные дворцы.

– За ограду! Всех – за ограду! – приказал епископ.

– Не грехи, Владыко, – мощным голосом прогремел Лука, вытолкнутый толпой пред светлы (от злости) очи. – Им уже есть царствие небесное, а тебе надобно оберечь свою вечную жизнь...

Следователи долго пытались убедить епископа, что никакой угрозы жизни из всех собранных ими показаний не состряпать.

– Как же это? – не понимал епископ, – он же угрожал моей вечной жизни... Вы обязаны его наказать...

Пришлось пустить слух, что Лука на самом деле – главарь мафии попрошаек. Прокрутили несколько передач по телевизору и радио о калеках-лицемерах, спящих на вшивых матрацах, набитых пачками долларов. Газеты взахлѐб шуршали о матѐром уголовнике – короле нищих, и Луку сбагрили-таки на нары...

В город он вернулся буквально пару месяцев назад.

– Так что у Луки? – переспросил Юдин.

– Этот старый пердун с первого дня на воле взялся доставать директора нашего «Доннерветтера». (Так в городе прозвали издательство «Донской ветер».) Он, видите ли, написал какие-то откровения, а директор должен всё бросить и читать старческую дурь.

Его гнали, добром просили – никак. В оконцовке он устроился на голодовку прямо на крыльце издательства. Его в ментовку, отмудохают там, а назавтра – он опять на крыльце. Когда около него начали кружить журналисты, директор его принял и попытался образумить.

Пойми, мол, старый хрыч, что литература – это серьёзная работа. Мы занимаемся ею всю жизнь. А тут приходит неграмотный бродяга со школьной тетрадкой в линейчку...

«В клеточку», – поправил Лука.

«Что – в клеточку?»

«Тетрадка».

«Да один хрен... Пойми, дед, литературой надо заниматься профессионально, это тебе не хухры-мухры, это... это...»

«Это типа храма, – подсказывает ему Лука. – Храм, он же держится всеми. Священники, звонари, старухи, торгующие свечечками, нищие на паперти и даже юридивые – каждый на своём месте служит своё. И если всё это – от души, тогда, бывает, что в таком Храме Господь может услышать голос любого – хоть и пришлого бродяги с тетрадкой. А иногда даже там можно услышать голос и самого Бога... Так что всё правильно – каждый служит на своём месте для общего Храма. Так, я думаю, и у вас тут – в литературе...»

«Всё, дед. Считаю, что ты услышал голос и он тебе говорит – пошёл на хер!..»

«Так это ж не тот Голос. Мало ли кто в храме вячит... Вот мне во Владимирском центре один батюшка рассказывал случай. Взяли его, кстати, за nepотребства с маленькими девочками...»

От этого «кстати» директор, который, в отличие от того батюшки, имел склонность к маленьким мальчишкам, враз перебздел и взял тетрадку. А когда почитал её – перебздел ещё больше и отнёс, куда надо. Ну, а оттуда нам приказали свинтить «недобитого кулака, чтобы он не занимался пропагандой мирового терроризма».

– Дай тетрадку полистать, – попросил Юдин.

– Нету. Тетрадку нам только издали показали.

– Так что, ему теперь терроризм наматывают?

– Нет. Вчера позвонили и сказали, чтобы ни звука про тетрадку. Забыть. Ничего, мол, не было. Решили определить Луку в психушку. Завтра суд его направит на экспертизу и – пусть отдыхает...

– А этот Варсавин – что за птица? – Юдин показал практически пустую карточку, в которой отсутствовало даже время водворения в КПЗ.

– Этого мы почти месяц уже от коллег-чекистов прячем. Он у них был специалистом по прослушке и нагрёб каких-то оглушительных записей для собственных нужд...

– Так сдайте эту продажную гниду товарищам по оружию. Зачем он вам?

– Может, и сдадим, но сначала наши начальники хотят получить его архив. Торгуемся....

Юдин закончил просмотр карточек на своих сокамерников и встал.

– Ладно, поехали... Не забудь: как прошусь к врачу – выводи...

– Может, всё-таки пойдёшь под псевдонимом?

– Лишнее. О службе моей никто не знает, а по фамилии могут вспомнить. Тот же Кузов, например: я у него когда-то брал тачку...

* * *

– Столпин, приготовиться с вещами!

Он даже не шевельнулся. Что ему собираться? – встал и пошёл.

Накануне, вровень с отбоем, его втолкнули в эту тусклую вонючую яму, где минутно застыли, вглядываясь в него, а потом снова зашебурились в устройстве ко сну набитые сюда в неправдоподобном количестве чужие и чуждые люди, подгоняя шелестящее шебуршание ещё более неправдоподобного количества гигантских тараканов.

– Не бойсь, паря, – поддержал его вполне дружелюбный голос.

– Экий у ты прикид!...

– Прикид столичный, но замёрзнешь в таком к бебням...

Столпину казалось, что враждебная сила тянет его на дно. Сначала притопила слегка, потом выдернула вдохнуть и теперь вот опять толкает с головой в закладывающую уши глубину. Почему же он не барахтается наверх? Почему не колотит руками и ногами, чтобы выплыть в свой мир?

Его оцепеневшая душа не разгоняла более сердце в мстительную ярость или в подхлёстывающее нетерпение, мол, скорее бы выбраться отсюда... скорей обратно – в его вчерашнюю ещё жизнь. Может, все эти перепады своими ядовитыми испарениями отравили уже его кровь, как кессонка травит кровь водолаза?

Ну уж фигушки...

Ситуёвина, разумеется, неожиданная и, честно признаем, весьма неприятная, но Столпин – в норме. Были бы ещё немного приличней усло-

вия, и – порядок. (Ну так это он себе обеспечит. Отстегнёт кому надо и – обеспечит.)

Столпин с опаской оглядел угол с местными удобствами. Было чего опасаться. В этой камере раковина отсутствовала напрочь. Ржавый водопроводный кран нависал прямо над обгаженным толчком. Столпина буквально передёрнуло от одной только мысли о процедуре умывания или чистки зубов. Хорошо, что у него пока нет даже зубной щётки и, значит, про эти испытания можно сейчас не думать...

Почему они не могут выгородить отдельную крохотную комнатку и соорудить там нормальный санузел? Интересы наблюдения? Так просверлите ещё один волчок-в-толчок и любуйтесь сколько влезет...

Столпин вспомнил, как, делая на телевидении передачу о Матиасе Русте, он неодобрительно комментировал интервью этого шутника-летуна, которое тот давал своим соотечественникам сразу по возвращении на родину. Руст утверждал, что почему-то его весь срок держали в туалете. Теперь Столпин не счёл бы откровения Руста мстительным преувеличением или мелочной клеветой...

– Ложись, чё маешься? – окликнули Столпина. – Хоть согреешься...

На истёртом подиуме в два ряда – один головами к стене под окном, а другой ногами к первым – устроились его ночные товарищи. Каждый ряд был забит впритык – все на одном

боку. Столпин втиснулся – больше тяжестью, чем наличием хоть просвета – вжался в готовое ко сну тело карцера.

Холодина, как в морге.

А что, если бы он сейчас там и лежал? Так ведь в конце концов и будет. Его, конечно, оденут, заgrimируют, гроб отвалят чуть ли не с кондиционером, но всё это для провожающих. Ему-то будет уже пофигу. Но и раньше – пока не забегают костюмеры с гримёрами – он будет лежать так же, как и здесь, в холодине, рядом с другими товарищами по несчастью и, может, так же впритык, если, например, попадёт в какую-то массовую неприятность...

А если какая-то властная рука (не прокурорская, а – Властная), для того и смахнула его временно в эту не-жизнь, чтобы он остановился и подумал о своей проживаемой и изживаемой жизни?..

Отсюда, из ненастоящего морга, Столпин внимательно инспектировал своё прошлое, недоумевая, зачем он тратил всего себя на всё это – чем он там колготился. Его же никто не обманывал: он заранее знал, что жизнь ему отпущена не навсегда, а как бы дана в подарок... подержать... Что же он сам себя обманул, рассыпая её песком меж пальцев? (Ладно, золотым песком.)

А когда та же рука вернёт его обратно (Когда? А если?..), он что же – снова понесётся прежней лыжнёй? Опять забудет о карауля-

щем впереди морге и о последнем взгляде через плечо?..

Тот взгляд, наверное, будет не такой внимательный, как сейчас, а – быстрым промельком, но ему необходимо зацепиться за что-то стоящее, чтобы смог Столпин помереть радостно и достойно...

Да не так всё плохо... жил – дай Бог... ничего худого... столько добра...

Столпин пригоршнями хватал доводы (так он мог бы хватать золотые червонцы из сундука, если бы в таком виде хранил свои богатства), воскрешая самые яркие и удачливые мгновения, которыми действительно гордился...

Взглядом отсюда – не грело...

Но он-то, Столпин, – что может? Не грешить? Да он, практически, и не грешил. Кому плохо, что он живёт так, как умеет и как у него получается? Такова жизнь...

Какова?

И такова, как здесь, тоже...

Столпин мысленно охватил весь этот стылый вонючий склеп, буквально придавивший своею лапой спаянные в неразрыв тела. Но разве Столпин соорудил это непотребство? Он ни с какого боку.

Он, наоборот, создавал свой нормальный островок среди трясины родимого абсурда. Отодвигал – насколько хватало сил, денег, умения, – сдвигал болото, отвоёвывая вокруг себя всё больше пространства для своего

мира. И другой отодвинет, и третий – кто на расстояние своей же руки, кто на километры – так и очистим...

Хренушки. Ничего мы не очищаем. Мы спрессовываем ненужный нам мир заборами своих островков. Там, за сферой собственных интересов, любой человек в принципе ратует и за добро, и за справедливость. Только какая же справедливость может царить в мире, изнывающем под прессом всех этих оград, что защищают частные островки нашей жизни с её личными выгодами и удобствами?..

Вот такая, как здесь. Это и есть обычный нормальный мир, только спрессованный до аршина на душу. Возьми привычный тебе зал, заполненный твоими знакомцами (Да хоть и тот же вчерашний приём у губернатора. Как – вчерашний? Сегодняшний.), спрессуй до такого состояния, да так и оставь, не очень даже надолго. Скоро и не отличишь.

Ну, что такого натворили эти двое бедолаг, согревающие сейчас Столпина? Грабанули чью-то дачу? Так губернаторский зять, что схарчил деньги, отпущенные на противопожарные сооружения, – он те же дачи как языком слизнул... А директор рынка? Тот спокойно устроил пожар, расчищая оккупированный бомжами старый склад. Если даже кто из нынешних столпинских соседей и чекатилил по-тихому, ведомый своими душегубными интересами, то за первенство по цинизму ему с директором рынка ещё надо посоревноваться...

Ну, и что, скажите, такого прочного отвоевал Столпин в окружающей его сумасшедшей трясине? Да ничего он не отвоевал. Он себе брёвнышко подложил, чтобы держаться наверху. Только особенность трясины в том, что она всё превращает в себя. Временно можно соорудить какую-то зыбкую гать, но гать – она и есть гать. Со временем она тоже станет частью трясины. Такая же особенность и тюрьмы, в которую он угодил... и Родины, где его угораздило...

Это свойство свалки... или болота... или пожара...

Эта реальность жизни и эта реальность – наша общая осуществившаяся мечта о том, как должна быть устроена жизнь. Нарочно такое не спланируешь. Мы же несём в себе божественное творческое начало – вот и творим... всей своей жизнью и всеми своими жизнями...

Столпин не мог больше лежать на правом боку – ныли кости и вконец занемела рука, но повернуться не было никакой возможности. «Господи!» – выдохнул он, и в то же мгновение, как по команде, весь ряд дружно повернулся на левый бок, и не подумав проснуться.

Даже один человек может переиначивать реальность под себя.

Ну, не под себя, в смысле своих удобств (это мы все стараемся, выкусывая себе куски послаще и только увеличивая мусорную свалку во-

круг), а в смысле своих представлений, какой она на самом деле должна быть – реальность.

Однажды Столпин видел такое наяву.

* * *

Он тогда учился в университете, и в деканате, припёртый угрозой отчисления, сдал своих приятелей по фарцовке. Тем приятелям, как и Столпину, навтыкали по башке выговорами да предупреждениями, и вечером они устроили в общежитии судилище.

Пятеро разъярённых оборотов (а казалось, что и три раза по пятеро) навалились, связали, прикрутили к стулу, обливали водой, отхлестали по щекам. (Кажется, его щёки и сейчас покраснели то ли от тех оплеух, то ли от того стыда.)

Это была реальность, которую ничто не могло изменить. И Столпин, и его мучители глубоко в душе (где и схоронена та сила, что переделывает мир в соответствии с нашими представлениями) понимали, что так оно и должно быть, и их понимания расходились только в мере справедливого возмездия.

– Ну, что будем с этим козлом делать? – спросил запыхавшийся толстощёкий Вадик.

– Пни его ещё разок.

Вадик пнул.

– Да пусть катится, хватит с него, – плюнул интеллигентный Борис. (Плюнул, между прочим, прямо в лицо.)

– Надо его отпетушить, – сказал Сергей, стараясь оправдывать своё лихое прозвище Серый.

Как это делают, никто в точности не знал, а когда Серый объяснил – никому эта процедура на показалась привлекательной.

– Надо, – гнул своё Серый. – Иначе пойдёт и настучит.

Всё равно никому не хотелось.

– Тогда пусть отсосёт...

Тут в комнату и зашёл этот дикий кавказец. (Столпин никак не мог вспомнить его имя.) Его отчислили из университета, и он ходил прощаться по уже чужому ему общежитию. Отчислили, кстати, по его собственной глупости. На какой-то никому не нужной лекции по истории преподаватель вячил себе о том, что сталинские депортации были, конечно, несправедливыми, но – вынужденными. Лектора того и не слушал никто, но этот горец услышал и не согласился. В несколько минут он объяснил лектору, что тот либо глупец, либо лжец. Начался локальный шторм, который через пару недель окончился отчислением.

– Зачем его? – удивился джигит. – Вас пять. Он один. Зачем вязать?

Ему вперебой объяснили про козла и всё сопутствующее, вплоть до того, что теперь уже – пусть отсосёт.

– Я его развяжу, – говорит этот туземец и ого-с-каким ножиком идёт к Столпину.

– Не суйся, абрек, – грозит Серый. – А то мы тебя самого уделаем.

– Уделай, – спокойно так отвечает горец и становится между Столпиным и его приятелями.

– Ну, ты – козел, – взялся заводить себя Серый, – ну ты пожалеешь.

Боря остановил Серого и показал на нож.

– А ты нас резать будешь? – как-то нелепо спросил Боря.

– Нэ буду, – говорит джигит и прячет свой ножичек. – Слова даю – палцэм нэ трону. Кто нэ козлячил – уделай меня. Вот ты, Сергей?.. Экзамен по истории помнишь? Ты там жопу лизал. Я видел. Ты своих предков сдавал. Их тут много порубали комуняки. А ты их сдал за отметку. Что получил? А ты, Борисий?..

– Да ну его к чёрту! – сказал Серый и увёл подельников из комнаты...

Ещё сидя привязанным к стулу за спиной этого чудика, Столпин явно почувствовал, как в естественную и правильную реальность мироздания вторгается другая реальность и перестраивает весь мир собой. Она сходу становится ещё более правильной, и более справедливой, и более естественной. Так решил один слабый человек. Ему естественно именно такое устройство мира, и в другом мире он жить не желает. Без блефа и игры. Серьёзно. Он либо будет жить в своём правильном мире, либо не будет жить вовсе, и неправильный, по его разумению, мир его всё равно не получит. И происходит чудо: реальность жизни меняется, принимая его правду и его мироустройство.

Как Столпин хотел когда-нибудь стать таким!
А потом забыл...

Пошли удачные дела, знакомства, связи, плетение нужных ходов – гать...

А всего-то и надо – поставить себя... целиком... всего как есть, и действительность подвинется, давая место твоей правде и твоим мечтам. Это только кажется, что действительность – самая реальная вещь. Она потому и живёт, что способна перестраиваться. Раньше, конечно, действительность перестраивалась ещё и под книги, но это – раньше, когда книги читали. Теперь сколько ни пиши – только увеличишь гору макулатуры на той же свалке.

Теперь только истратив свою жизнь...

Столпин силился вспомнить, кто ещё, кроме того чокнутого горца, мог делать такие чудеса.

Его жена как-то восхищённо рассказывала о нелепом докторишке. Он растратил всю жизнь и немалое состояние, чтобы тысячам каторжан обшивали ножные кольца их кандалов тканью. Он не решался даже заикнуться, чтобы кандалы убрали совсем, понимая, что звонкая реальность этих оков никогда не подвинется для подобного вольнодумства. Он просил только минимально облегчить каторжный ад. Чтобы не сковывали до кучи по несколько человек на один прут, чтобы заменяли тяжкие цепи на другие – облегчённые, чтобы чуток помилосердствовали... Докторишка был вхож в самые большие дворцы, где посмеивались его юродивым пристрастиям и даже

сочувствовали, но, в основном, — только этим и ограничивались...

Столпин тогда как дважды два доказал жене, что её герой попросту ебанатик под газом. (Вот — доктор Гааз.) Стоило тратить себя с таким результатом? Проблему решили совсем другие люди — предприниматели типа Столпина. Наладили железные дороги, организовали перевозки пассажиров, в том числе и каторжан, и — порядок.

Сейчас Столпин склонен был признать, что именно усилия того странного доктора изменили мир. И если бы не его жизнь, истраченная им на утверждение его правды, то, может, и железных дорог бы не появилось, и паровоз бы ещё не изобрели...

А Столпин истратил свою жизнь на бабки. Он делал, конечно, много разных добрых дел (Ну чего там список предъявлять! Леня вспоминать, но правда — делал.), однако он не тратил на них себя — он тратил деньги или других людей, которых нанимал за те же деньги, а себя он тратил только на приобретение денег. Вот так он вместе с другими столпиными и состряпал нашу реальность, в которой деньги — единственная мера всему.

Сколько же понадобится докторов со всеми их жизнями, чтобы на чуток хотя сдвинуть эту действительность?..

Когда Столпин отсюда выберется — он переделает свою жизнь. Может, он ещё и станет таким, как тот джигит...

Первым делом он притормозит в своей гонке. Он запрётся в библиотеке (Хорошо, что, по-нукаемый женой, он её соорудил.) и будет читать... думать...

– Ну и хрень ты порешь, братан!.. Но главное решаешь правильно: надо быстрее выбираться...

Над Столпиным нависла его же морда, только нетерпеливая, деловая, спешащая куда-то – вчерашняя...

– Ты что тут делаешь? – спросил Столпин.

– Я подумал, если тебя не привести в чувство, то ты ещё решишь остаться здесь навсегда. И что же мне? Я же, считай, почти ты – только сутками младше. Как представлю, что мне здесь... – легче удавиться...

– Удавись... Отвали. Ты мне надоел...

– Ну, не горячись... Мы же – свои люди, причём в самом точном смысле. Кроме того, если со мной что случится, то как ты без меня сможешь выжить? Без памяти? Без прошлого – безо всей жизни, что до вчера?

– Ещё как даже могу – забыть к чертям, будто тебя и не было... Обычно это называют – начать жить сначала... Придушить, чтобы не вякал...

– А что тебе без меня воля та?.. Чего на ней делать?.. Будешь, как баран ампутированный.

– Дурень ты. Воля тебе кажется лугом, что ли? Скакать по ней собрался?.. Первым делом – в баню... на весь день... Потом горячего чаю и сигару... и медленно, ти-и-хонько курить – в каждый глоток... И закрыть дверь... Окна все

занавесить, свет погасить – чтобы тишина и темнота... И спать...

– А потом что?

– Когда потом?

– Ну, когда выспишься?..

– Как это – что?.. Покурить ещё – только не спеша, тихонько и можно снова – спать...

– Нельзя же всё время спать!..

– Почему – нельзя? Закон такой, что ли, издали? – так плевать мне на законы...

– Ну, выспишься ты наконец! совсем выспишься! Пора будет отпирать двери, окна раскрывать, шевелиться...

– Если совсем выплюсь, тогда книжки возьму – обложусь и буду читать, лежать, думать. Можно и посидеть, ты прав, малыш, – не всё же время лежать. Посидеть, подумать и можно снова – спать. А двери отпирать не надо... и шевелиться не надо...

– Да ты чего это?.. А как же жизнь вся? Зачем она мне тогда нужна – моя жизнь?..

– Ну, положим, не только твоя... И ведь я же тебе, попрыгунчик, и толкую про жизнь... Про самую что ни на есть жизнь...

– А как же радости все?

– Вот пень! про радости-то и речь...

– А все краски, звуки?..

– Звуки – это такой вот грохот?..

* * *

Приближающийся коридором грохот пробудил Столпина на секунду раньше подъёма. Вби-

тое между стен тело камеры распалось на отдельные, приходящие в себя огрызки людей. Только Столпин оставался на прежнем месте, неспешно разминая омертвевшую руку. (Ну и холодрыга здесь!)

– Скорее бы кипяток несли, волки драные, – подмигнул Столпину вертлявый мужичонка.

Столпин отвернулся, не отвечая, стараясь отъединиться от общего гомона – укрутиться заново в свои мысли и продолжить бредовый разговор с самим собой, начавшийся ещё во сне...

– Ты кто по жизни будешь? – снова ткнулся к Столпину тот же мужичок.

– Па-лучай херовый чай, – пропел за дверью весёлый голос: и сокамерники навалились на открывшуюся кормушку.

Столпин не сдвинулся. Горячего он бы хлебнул (Хоть и этой бурды.), но кружки у него не было, а пить так же, как пили вокруг – по несколько человек из одной миски, – он не решился.

Он не вписывался ни в общее оживление, ни в общую маяту, которой сокамерники его пытались разогнать погребной озноб каменных стен. Перед его глазами, чуть ли не в прикосновение, шевелилось как бы единое многоногое тело, разделяясь изредка на отдельные спины или лица. Он полусидел, полулежал на подиуме, надышавая меж сдвинутых лацканов смокинга своим же теплом, и как бы со стороны наблюдал за собой.

Здесь у тебя нет не только личного своего пространства, но и своего времени. Каждый считает возможным отгрызть от него, раздёргивая твои мгновения на свои вопросы, нужды и прихоти, выдёргивая нити твоей жизни и сплетая их в единый со всеми комок мусора. Не может быть своего времени без охраны хотя бы минимального пространства отдельности, пусть даже границей такого пространства – только твоя кожа.

– Смотрю на тебя, – снова засуетился перед Столпиным тот же пристава, – вроде бывалый человек, с понятием. А смотрю опять – вроде и стручок несмышлёный...

Столпин хмыкнул, и собеседник, сочтя этот хмык поддержанием разговора, продолжил.

– Это ты правильно, чтоб не тереться... Тут можно таких блох нахватать – ого! Можно пидора тайного встретить и по незнанию на всю жизнь испачкаться. Можно и любу другу заразу подцепить – вплоть до испида. Так что – правильно. Ни с кем и ничего – терпи до хаты. Но вот твоя гордыня – это ты зря. Эдак ты так можешь братву задеть, что наплачешься... Тут те же люди, что и везде. Так что, паря, соображай. С людьми оно как? Надо и себя не уронить, и других не топтать... ²⁶

– Столпин! С вещами...

Железная дверь загрохотала запорами...

Не бойтесь камеры. Там те же люди, что и везде, только сжатые в меньший объём, – не хуже. Правда, и не лучше. Камера примет, успокоит, объяснит непонятное. Камера живёт своей долгой жизнью, и ей надо, чтобы эта жизнь была как можно спокойней. Почувствуйте эту жизнь и найдите в ней своё место. Камера не любит бездельников, хвастунов, трепачей. Она снисходительно поплёвывает на ваши заслуги и презирует услужливых и угодливых. Она с вами всегда на «ты», но здесь вы не найдёте друзей. Однако постарайтесь не наживать недругов. Не мешайте жизни камеры и никому никогда не позволяйте мешать вашей жизни в ней...

Из лекций К. Маркова...

Столпина провели длинным коридором и, повернув за угол, остановили у дверей его третьей здесь камеры.

– Лицом к стене, – скомандовал мент-конвоир и грукнул в железную дверь ключами, прежде чем взялся её открывать.

Рядом со Столпиным и так же – лицом к стене стоял уверенный в себе амбал, похожий на боксёра. Да не то чтобы амбал. Ростом чуть выше Столпина, но никакой рыхлости в теле, а – налитой и мускулистый, что было заметно даже через плотную зимнюю куртку.

– С какого же это корабля спешат сюда на бал? – улыбнулся боксёр, явно подкалывая смокингом, но кивая вполне приветливо .

– С корабельного трюма, – поддержал приветливость соседа Столпин, нахватавшийся в карцере от словаря этого мира.

А, может, это знание от самой нашей родимой земли, и оно уже жило в нём, как и живёт во всех нас, не беспокоя до времени, но легко заполняя тело, и язык, и сознание, стоит нам только оказаться в какой-нибудь камере-палате-казарме?..

– Здоровья всем, – поприветствовал амбал глядевших на них обитателей камеры, как только с лязгом закрылась дверь за спиной. – Я – Юдин²⁷.

– И ты не болей, – усмехнулся гибкий парень. (Танцор – определил Юдин.)

– А что за артист с тобой? – спросил молодой бычковатый арестант. – Прямо как певец...

– Точно – вылитый Паваротти, – засмеялся Танцор.

Столпин очнулся от замороженного оглядывания и перевёл взгляд на Танцора.

– Оставьте их, – миролюбиво повелел Кузов, не вставая со своего места в углу настила-подиума. – Это Александр Столпин, я его знаю. Добро пожаловать в хату. Идите сюда, – он рукой подозвал новичков к себе.

Всего в хате маялось человек двадцать, что после недавнего несчастья казалось Столпину вполне нормальным. Большинство сидело на подиуме – на краю и на самом настиле, но там уже без обуви, посередине, поджав ноги, или

подпирая спинами плотно уставленные вдоль стен баулы-пакеты-узлы... Остальные разместились на корточках вдоль ноздрястых – под шубу – стен камеры или разминали затёкшие ноги на маленьком пространстве между дверью и настилом. Вокруг Кузова на подиуме было просторней, а дальше – погуще.

Сейчас Кузова необыкновенно радовала его роль камерного авторитета. Ещё бы! – он может покровительствовать самому Александру Столпину. Кузов даже задохся от предположений, каким счастливым случаем может повернуться в дальнейших его делах это необременительное покровительство.

– Значит так, мужики, – вещал Кузов, обращаясь к новеньким, – хата чистая. Петухов, больных, чесоточных и шелудивых нет. Можно не опасаться докуривать у любого и – вообще... Дел в хате тоже нет. Только на тормозах стоять да чай запаривать. Это – работа для молодых. Если что есть на общак – кладите сюда, – он показал на жалкую кучку добра рядом (несколько пачек сигарет, какие-то кульки и стопка старых газет). – Если – голяк, то можете взять себе из общака. Отдыхайте...

Юдин достал из кармана пачку сигарет и протянул Кузову.

– Человек из трюма, – кивнул Юдин на Столпина.

– Ясно, – величественно кивнул Пузо. – Значит так: Танцор – на тормоза, Грибок – парь чай, а вы там, – он турнул сидящих на краю на-

стила, – уступите место – человеку присесть надо.

Они пристроились вдвоём на освободившемся пятачке, раздвинув собою и сдвинув остальных. (Нет, кажется, кому-то с краю пришлось встать.)

Юдин предложил Столпину свой свитер и предложил так спокойно и дружелюбно, что Столпину показалось вполне возможным согласиться.

– Мне жена скоро передачу устроит, – сказал Юдин. – Тогда оживём.

Он достал две сигареты и одну протянул Столпину.

Теперь было совсем хорошо.

– Я думал – в камере нары, а тут...

– Не нары, а шконки, – пояснил Юдин. – В тюрьме так и будет, а это КПЗ, вокзал, зал ожидания на несколько дней – надо терпеть...

– Да ничего – здесь терпимо... Даже раковина есть...

Юдин с удивлением посмотрел на Столпина.

– Покурим, командир? – Танцор присел напротив Столпина.

– Он покурит, – сказал Юдин. – И, наверное, командир твой покурит. А про тебя не знаю.

– За что тебя сюда – такого резкого? – переключился Танцор на Юдина.

– Говорят, одному танцору яйца отрезали, чтоб не мешали, а я – не при делах...

– Танцор, кто на тормозах? – хлестанул Пузо, и Танцор мигом сквозанул обратно к две-

рям, заслонять глазок и вслушиваться в шумы по продолу.

Столпин, обернувшись назад, с интересом смотрел, как на факеле из скрученной газеты кипятят железную кружку с чаем. Но кроме интереса было в его взгляде ещё и какое-то стороннее и чуть обалделое удивление всем, что с ним происходит – тем, что выбросило его в дикий мир и в эти вот стены. (Ох, мастерицы-Парки! Ох, фантазёрки!.. Сучки непорочные! Нет, чтобы найти себе по ебарю, нет, чтобы подгузнички вывязывать, так они ссучат нам невесть что...)

– Грибок, – одёрнул бычковатого спортсмена Пузо. – Ты думаешь, что в избу-читальню попал? Тебе чай поручен...

– Готов уже чай. Напаривается, – отозвался Грибок, продолжая читать газетный клочок.

– Чего врут там? – в газете?

– Ты, Грибок, вслух почитай.

– Сам читай – мне эти читки вслух ещё на малолетке остопиздели. – Грибок протянул газетный обрывок настырному мужику.

– Давай... Слушайте, мужики...

– Заглохни – устроили козлячий уголок...

– Ладно тебе – пусть читает... Давай, ври...

– «В заключение ВэВэ Путин сказал...»

– Если бы и вправду – «в заключении»...

– «Мы сегодня обязаны...»

– Тут он невпопад пёрнул – всегда мы были обязаны, а не они.

– «Мы сегодня обязаны поднять наши ценности на должную высоту...»

– Вот пидорасы – опять цены подымут...

Кружка чая кружила своим странным маршрутом и тыкнулась в руки Столпина. Он отхлебнул и передал Юдину. Это был первый глоток горячего за не вспомнить сколько часов.

– Пей ещё, – отказался Юдин.

– Не думал, что чифир настолько хорош, – признался Столпин.

– Не увлекайся... И не грехи, – Юдин оттолкнул носком башмака столпинский штиблет, которым тот намеревался раздавить таракана. – Нельзя. Здесь, считается, их дом, а не наш. Мы – гости...

– Юдин! За передачей... – Гавкнул постовой за дверью.

Освободившееся место тут же занял новый сосед, но через несколько минут уважительно уступил его вернувшемуся Юдину. Уважение, конечно, относилось не к Юдину, а к его сумке, которую тот принялся разгребать, не тишком, как обыкновенно делали все, а почти в открытую.

Юдин передал на общак десяток пачек «Примы», три большие пачки чая и пакет с сухарями. Луке, сидящему на подиуме по-турецки в плотном окружении соседей, Юдин протянул персональную пачку «Мальборо», которую тот взял с величественным достоинством, чуть склонив в признательности свою кудлатую башку.

Хата тут же оживилась, и скоро в тусклом ознобном кубе между дохлой лампочкой и головами арестантов плавала плотная пелена сизого дыма.

Столпин жевал юдинские бутерброды, запиная свежим чифирем, сваренным персонально для них, – отхлёбывал и передавал их общую на двоих кружку Юдину. Тот не ел, а только курил, оглядывая своих соседей и подсовывая Столпину очередной бутерброд...

Глядя на них, и все вокруг зашевелились, зашуршали своими пакетами, доставая из них прихороненные запасы, – зачавкали и повеселели...

– Ты приглядывайся, – наставлял Столпина Юдин. – Скоро прознают про тебя и полезут – и тут и всюду – с услугами, с предложениями... Не одалживайся ничем и ни у кого. Будут клянчить – давай разборчиво. Не старайся задобрить или понравиться. Не хочешь отдавать, что просят, – так и скажи, самому, мол, надо. Никто силой ничего не заберёт. Не бойся...²⁸

– Ты наставляешь, как на долгую жизнь, – усмехнулся Столпин. – Подскажи лучше, как выскочить?..

– Тебе-то? – в момент! Попросись к следаку, извинись, скажи, что мудака был – не понял, мол, кто перед тобой. Попроси, чтобы разрешил заглазить, исправить, уплатить... В общем, несколько минут на коленках поползать и – вся жизнь твоя...

– Нет, так не хочу.

Юдин этого не ожидал. Он думал, что Столпин спросит, что конкретно надо говорить, сколько предлагать, и тогда Юдин подведёт его к мысли, что надо будет написать какую-то пустячную чистуху и в придачу предложить деньги (немалые деньги), но не взяткой, а как бы в залог...

– Денег жалко? – съязвил Юдин.

– Коленей жалко. Мне бы так выскочить, чтоб потом не стыдно было вспомнить...

Юдин внимательней присмотрелся к Столпину.

Похоже, что Муравей сильно промазал, рассчитывая, что прижми слегка этого богатея – и он поплывёт. Он, может, и вправду поплыл – только совсем в другую сторону.

– Тогда я бы на твоём месте и с твоими возможностями организовал крупную баталию. Ну, скажем, по такому вот плану. Нанял три группы классных юристов и – тремя фронтами... Первая группа готовит от твоего имени, как от потерпевшего, и пробивает в высших инстанциях какие-то очевидные изменения наших грёбанных законов и правил. Например, чтобы ни один начальник ни одной тюрьмы не мог принять больше зек, чем положено по нормам. Хоть расшибись. Норма и – привет. Или, чтобы точно перечислить, за что могут закрыть, а за что – никак... только на подписку. В общем, чтобы не всё на усмотрение нашего свинского суда... Этот фронт сражается, устраивает своим сражениям (и тебе заодно) шумную рекламу (у нас и за буг-

ром), и ты скоро становишься в здешнем мире национальным героем... Это всё, конечно, стоит будет жуть как много. Хватит бабок?

– Хватит, – внимательно слушал Столпин, прикидывая, как можно такое дело раскрутить через телевидение.

– Вторая колонна в это же время долбит по твоему конкретному обвинению и ебашит следствие со всеми его покровителями любым их промахом. Тебе вот до сих пор адвоката не дали. Ты здесь колотишься на холоде чёрт знает в чём, и, может, болен, а лекарств нет. Твоей жене, может быть, только сутками позже про тебя сообщили. В общем, у них нарушения в каждом повороте, и надо в это, как бульдоги, уцепиться и не выпускать. Жалобы, протесты в Москву, в Страсбург, и всё это усиливать эхом через тех же журналистов, которые и сами допрут, что тебя мучают не просто так, а именно за то, что делает твоя первая боевая колонна.

– Ну а третья группа, – продолжал Юдин, – твои спецвойска. Серьёзные юристы ищут ходы к серьёзным людям, которые в силах выпустить тебя на свободу. За деньги. За большие деньги. И они же помогают создать тут для тебя специальные условия. Вот так их – пряником и кнутом... А ты обустройстваешься здесь за свои же бабки и живёшь независимым, гордым зеком. Ничего не просишь, ничего не боишься, но и ничего не прощаешь. Не залупаешься с охранниками, но и не приятельствуешь с ними, хотя они и будут набиваться... Условия тебе сдела-

ют. Будешь читать... думать... в общем, будешь сидеть достойно, чтобы, как ты говоришь, не стыдно ²⁹...

– Не кручинься, – тыкнул Юдин в бок Столпина. – Так бы любой захотел сидеть, но мало кто может... А тебе – запросто... – Юдин помолчал. – Хорошо бы, чтобы друг был на воле, который сможет всё это координировать. Настоящий друг. Тот, кому вкусный кусок не полезет в глотку, пока ты здесь. Кто будет даже спать впригляд с тобой, и дышать, и жить, каждым вдохом ощущая болочую занозу из-за того, что ты здесь... Такой друг всё сделает по уму – его и учить не надо. Он при необходимости и нападение устроит на суд, чтобы отбить тебя; он и мобильник тебе впарит в передаваемый холодильник или вмонтирует спутниковый телефон в телевизор – он вытащит... Может, одной той ниточкой, что рвёт ему сердце болью за тебя, но – вытащит ³⁰...

– Есть у тебя такой? – спросил Юдин.

– Был.

– Ну, и на хера ³¹ тебе теперь без него всё, что у тебя есть?..

* * *

Более десяти лет были они с Игорем надёжными друзьями. (При чём здесь – надёжными? Как будто бывают ненадёжные!)

Они вправду жили на добрую половину своей души жизнями друг друга. Столпин уже

сильно изменил и свою жизнь, и свои привычки, и круг знакомых, а Игорь оставался всё тем же раздолбаем – неугомонным, неустроенным, оголтелым в своих дурацких делах. Иногда его бродяжьи привычки начинали вдруг раздражать, и Столпин брался поучать Игоря, а то и покровительственно руководить им. Но тому – что горохом...

– Не забывай, кто из нас главный, – любил Столпин по пьяни утверждать своё превосходство.

– Чего тут забывать? – смеялся Игорь. – Для меня – ты, для тебя – я.

– Смотри, брошу я тебя, – прорывало вдруг Столпина в другой раз.

– Это что? – отмахивался Игорь. – Ты по жизни – пиздабол. Сегодня решил бросить, завтра надумал – поднять... Куда хуже, если я тебя брошу, – он вздыхал. – Я же – урод. Без заднего хода. Сплюнешь меня первый раз через свою пьяную губу – стерплю. Раза три, пожалуй, смогу стерпеть, а дальше – звездац...

Столпин вспомнил, что именно три раза Игорь и стерпел. То есть не в мелочёвке какой, а в серьёзных раздорах, когда Столпин и впрямь хотел и осадить друга, и досадить ему.

Сначала Столпин заявил Игорю, что тот в своей жизни занимается никому не нужной хернёй, и, подзуживаемый молчанием друга, договорился чёрт знает до чего...

Там была первая трещина, и долго ещё они старательно обходили острые её края, чтобы не

наткаться на боль. Потом Столпина вдруг понесло доказывать, что богатому человеку все эти дружбы – до одного места. Мол, для помощи всегда можно нанять помощителей, а больше и незачем. Главное, что Столпин и минуты не думал так, но внимательный взгляд Игоря иногда начинал вдруг подзуживать сказать побольше, задеть до печёнок... А может, бесило, что Игорь, в отличие от других, этими его богатствами не восхищался и Столпину не завидовал? Нет, не это... Но ещё несколько раз Столпин с умным видом заводил разговор о том, что разделение людей по имущественному уровню – очень правильный процесс. Богатым, мол, своя компашка, а нищebroдам – своя...

Договорился до того, что почти убедил. Игорь исчез. Не звонил, не интересовался – пропал. Столпин позвонил сам и позвал к себе. Надо, мол, покалякать, что это, мол, за ерунда? – куда им друг без друга?..

Игорь прибежал, не кочевряжась, но уже здороваясь, с порога на полном серьёзе (хоть и весело) спросил:

– Так кто мы друг другу?..

На Столпина опять накатило дурацкое раздражение.

– Кто-кто... Козлы!

– Ну, тебе видней...

Что-то ели, что-то выпивали, о чём-то зряшном поболтали...

Всё.

«Дружба — это постоянное напряжение души, — говорил Игорь. — Но не в тягость, а как угольки поддувать в костре — чтоб не затухло.»

Вот этот костерок и грел их много лет кряду. В жарком воздухе от его углей, в огне и горьковатом дымке его колебались и теряли свою определённую все их такие явные уродства. Глупость, мелочность, горбатость привычек — всё это колыханием жара над тем костром и в его вкусном дыму растворялось и становилось невидимым или не столь уж важным по сравнению с тем очаровательным, что было в них и пробивалось на поверхность. Но загаси те угли, но разве их жар и дым, как снова все уродства вернуться на свои привычные места. Однако не так легко их загасить, они и памятью одной могут тихонько дышать, даже и чуть подёрнутые сизым пеплом времени врозь. И их угольки дышали постоянно, враз разгораясь одним только лёгким поддувом — дыхнул и уже светятся... Такой костерок можно только зассать, потому что потом уже — не раздуешь... Так что не надо было ссать...

* * *

Загрохотало по продолу. Открылась кормушка. Баландёры принялись раздавать обед. Большинство отказалось, продолжая потрошить свои запасы, но человек пять хлопотали у кормушки, весело переговаривались с ментами, потом шумели сдаваемой посудой, и хата опять наполнилась плотным дымом, скопом закуривших арестантов.

Только сейчас Столпин отдал себе отчёт в том, каким звонким холодом была пронизана хата. Немногим теплее ночного карцера.

Склепной каменный охват постепенно выхолодил недавние дуновения тепла, что потянули было в камеру грохотом кормушек, звоном шлюмок и тихими выдохами горячего пошла из них – короче, обычными движениями, которые так и не сумели раскрутить собой дрожащий озноб хаты. Теперь это пытались сделать обитатели камеры своими силами – кружили, вскручивали, перемешивали неподвижно-льдистую дрожь, но – без толку.

Сейчас уже и почти все вокруг застыли, свернувшись тесными кучками, оплыв возле шершавых стен. Яма камеры опять расправилась во всю свою оскаленную высоту, прижав людские метания внутри себя в серое и едва заметное шевеление внизу. Может быть, сама холодная пустота ещё одного совсем ненужного для жизни дня равнодушными взмахами веника собрала мусор людских лохмотьев в несколько кучек да так и оставила, не отыскав совка, чтобы и совсем вымести всю эту дрянь из жизни...

Время остановилось.

Юдин давно знал это странное тюремное свойство времени, а некоторые начальники научились удачно его использовать. Легко было сделать так, чтобы у арестантов не было возможности какими-то внешними приборами или приметам определять проваливающиеся сквозь них минуты. Тогда можно было для отдельной хаты за-

просто изменить количество часов в их личных сутках. Некоторые бедолаги, отсидев на киче свою пятнашку и практически тронувшись, только потом узнавали, что за стенами прошёл уже чуть ли не месяц. А можно было подкрутить такие камерные часы и в другую сторону. Экспериментировали, в основном, тюремщики образованные и любознательные в первые годы своей практической работы. Потом им надоедало, и иногда они сами с каким-то древним ужасом постигали это таинственное свойство тюрьмы – здесь на самом деле могло останавливаться время...

* * *

Юдина вызвали за второй передачей, и Столпин наконец смог переодеться в принесённые для него шмотки. (Как толково и быстро делает юдинская жена всё, что тому надо.) В новом облачении Столпину стало удивительно удобно, и он, оживший, с взаправдашним интересом приглядывался к жизни вокруг...

Ломкие слова выхрустывали в тишину справа и слева, иногда сталкивались между собой, иногда тыкались в стену и, рассыпаясь чуть выше голов, шуршали на замусоренный пол новым сором.

Столпин на какое-то время отключился – переметнул мысленно в свой дом, представляя, как жена суматошно и бестолково хлопочет, собирая для него нелепые здесь шмотки в здоровенный и нелепый здесь чемодан...

Сколько он отсутствовал? Минуту? Час? Столпин почувствовал, что со временем тут творится что-то неладное...³²

Сзади на подиуме, в плотном окружении слушателей, размеренно вещал Лука.

– ...жара, духота – не передать. (Сейчас Столпин с радостью бы променял этот холод на ту жару.) Мы все в одних, считай, трусах, и всё одно – невмочь. А эти волки продолжают сбивать все этапы в одну сборку. Впрессовали так, что люди чуть ли не животами трутся. А среди нас же ещё и петухи. Этим бедолагам горшей всего. Чтоб ненароком об них не зашквариться – их просто понавтыкали в углу друг в дружку и даже рубах снять не дали, чтоб ненароком не коснуться их... Во-от. День – к вечеру, а нам ни паек наших этапных, ни воды – шиш. Может, у дубаков от жары мозги расплавило, но нам они устроили редкий беспредел...

Лука замолчал, наверное, переместившись мысленно в ту давнюю этапку, где, по его словам, сбили в непродых пару сотен ополоумевших каторжан.

– Дальше-то что? – подтолкнул из своего угла Луку арестант, резко отличающийся от остальных обитателей хаты своим лицом с выпирающими скулами, испитым каменными стенами до свинцовой голубизны. (Чекист – определил его Юдин.)

– Принялись мы шуметь, – продолжил свой неторопливый сказ Лука, – колотить в тормоза... В общем, загавкали они на нас с той стороны,

загруккали дубинками по железу, отойти, мол, от дверей! Назад! А потом втолкнули они буквально в нас баландерскую телегу с нашими пайками. Ну и началось... Форменное помешательство... Когда, значит, угомонились, утихли слегка, когда авторитеты, что там среди нас были, привели наконец в чувство всю нашу стаю и подняли телегу ту, будь она неладна, получилось, что всего нам на делёж – на весь, значит, круг приходится штук семь ставридин да хлеба паек десять – не больше... Ну а совсем тихо стало, когда авторитеты эти вытащили заточки – были у них, значит, зубья эти упрятаны... Почти голый, с заточкой, да противу практически голых – это, я вам доложу, – жуть... В общем, если бы не чудо – подумать страшно, что бы там началось...

– Ну, так какое чудо? – заёрзал Танцор, снова понукая задумавшегося Луку.

– Пробился, значит, вперёд арестант Исса...

– Точно – Исса, – хлопнул себя по колену Столпин.

– Ты чего это? – глянул на него Лука.

– Да это я о своём, извини, – смутился Столпин. – Никак не мог вспомнить парня, с которым в университете учился...

– Исса в университетах не учился, – отвернулся Лука. – Он от рождения всё знал... Так вот, он, ну прямо как святой, подоспел к самому бесовскому разгулу, и неведомым каким-то чудом насытил нас всех смехотворными теми пайками. Каждому досталось. Ну и псих он наш изогнал...

– Тоже мне – чудо? – презрительно хмыкнул чекист. – Попросту человек успокоил взбесившуюся толпу и собрал назад все нахапанные в давке пайки, а потом и разделил...

– А ты пробовал успокоить взбесившуюся толпу? Ты пробовал голым – на заточку? – насел на чекиста Лука. – Попробуй и узнаешь, что – чудо, а что – нет... Люди в панике – они, что свиньи...

– Люди и без паники – что свиньи. И даже хуже, – пфыкнул чекист, то ли соглашаясь с Лукой, то ли уточняя его.

– Во, слышь, дед, – взялся подначивать Луку Танцор. – Не люди, а свиньи. Так что же твой Бог, о котором ты нам полночи впаривал, – что же он терпит это свинство? Почему не притопит, как раньше, каким новым потопом?

– А Он и хотел, – хмыкнул Лука, будто дунул на приставучую муху. – Только Ему для этого надобно было найти нового праведника. Искал-искал – нету. Решил тогда Господь доверить своё самое главное дело по очистке этого свинарника не праведнику, а обычному человеку. Ну, а потом, мол, он этого одного как-нибудь образумит и наставит на праведный путь... Доверился англичанину. Тому идея понравилась, и говорит он Господу, мол, организуй мне кредиты, то да сё... Ковчег ведь построить – уйму денег надо. В общем, Господь всё организовал, англичанин построил и – пустился по морю. Смотрит Господь – что-то не то. «Что ж, – говорит Он, – ты наделал? Я велел каждой твари по паре, а ты каких тварей

набрал?» Англичанин и взялся впаривать, мол, надо сначала кредиты вернуть, а потом и подзаработать – вот, мол, я и покатаю богатеньких пассажиров. Разгневался Господь и шваркнул об тот «Титаник» айсбергом...

– Ну, и что – так и утёрся твой Бог? – веселился Танцор.

– Нет, Он ещё пару раз попробовал. Нашёл в Швейцарии одного картавого. Тот аж забегал от радости. «Помоги мне, – говорит, – создать пегедовой отгяд габочего класса, а я уже всех потоплю в акияне геволуции – к свиньям...» Потом нашёл затрёпанного художника в Германии. Этот заверещал, завизжал. «Грандиозно, – кричит. – Устроим такой циклон, чтоб все воды из берегов вышли. Циклоном этих блядей!» Прямо мания на него напала: только и твердит «циклоном блядей», «циклоном – б...». В общем, опять облом. Понял Господь, что без праведника даже и потопа не устроить...

– Что же Он к твоему святому не обратился? – продолжал зудеть Танцор, – к Иссе твоему?

– А Он и обратился. – Лука перестал улыбаться и глядел прямо в ускользящие глаза Танцора, не давая им увильнуть в сторону. – Обратился... Выслушал Его Исса и говорит:

«Так всех и потопишь? И глупого Танцора? Жалко, – говорит. – Но если Тебе надо явить им свой справедливый гнев, – то утопи меня.»

«Дурачок, – говорит ему Бог, – кого ты защищаешь? Эти танцоры сами тебя потопят.»

«Ну, это вряд ли, – улыбается Исса, – они только могут мне сказать, как и Ты – давай, мол, какого-то Танцора потопим. И, может, мне придётся тогда ответить, как и Тебе – не надо, мол, Танцора, давайте лучше меня... Тогда они, конечно...»

Выслушал Господь Исса, заплакал и – ушёл. Совсем ушёл... А Исса и впрямь – потопили...

– Не потопили его, – прервал тишину чекист. – Его взорвали... Исса этого привезли в Беслан и запустили в школу, чтобы он уговорил своих чеченов сдаваться. Впендюрили ему незаметно жучок и отправили, а я как раз сидел там на прослушке и всё слышал... Он этим смертникам и говорит, мол, нельзя ничего заслонять другими – только собой. Если, грит, даже хорошее дело чужой жизнью заслонишь, или – хорошего человека, то всё хорошее вмиг и перестанет быть хорошим. Только собой. В общем, объяснил он им, что самое для них лучшее – это отпустить всех заложников, а дело своё – собой и защищать. Хотят – так пусть и взорвут себя к чертям. Может, тогда люди поверят, что они что-то стоящее защищают, если решились собой заслонить. Тогда, может, они и станут, как и задумали, настоящими героями... Короче, как услышали в штабе, куда клонится, – чуть не спятили. Кому это надо, чтобы эти выродки становились героями?! Стрельнули по школе или что – не разобрал, но и в школе не разобрали и ухнули в ответ бомбой... Потом понеслось... В общем, там его и взорвали...

– Не взорвали его там, – вмешался жилистый кавказец, до той поры немой и незаметный. – Там его заслонили. Его замочили с Масхадовым. Козлы-генералы отправили его к Масхадову. Жизнь там пообещать тому, хуё-моё, короче – чтоб сдался на милость... Он Масхадову говорит: «Пиши в Нью-Йорки-фуёрки, что согласен на суд». Пусть собирают мировой суд. Если все кричат, что у него терроризм – мировой, и суд делайте – мировой. Что суд решит – так и будет. Решат расстрелять – согласен. Решат, что он настоящий президент – согласен. Только чтоб суд был над всеми. Чтоб любого за курдык и – туда. Всех. Ельцына... Путина... На кого есть подозрения – чтоб туда. Короче – убедил Масхадова. А кому оно надо? Масхадовым телохранителям надо в тот суд? Путинским генералам надо? Путину самому надо? Вот и сдали Масхадова. Одни волки сдали другим. А Исса не слинял. Прикрывал как мог. А что он мог? Собой заслонить? Он и заслонил, да что толку? Обоих положили...

– Так этот Исса – чуркой был? – загомонил Танцор. – Слышь, дед, твой святой, оказывается, – чурка...

Лука молчал.

А Танцор никак не унимался и наседавал на старика, насмехаясь и над ним, и над его придурковатым Иссой...

– Умолкни, бесёнок... от греха, – прервал своё молчание Лука. – Зашибу ненароком...

Избегайте конфликтов. Хате нужен покой. Не поддавайтесь гневу, ярости и раздражению. Это трудно в тесноте камеры, но – необходимо. Избегайте проявлений враждебности в спорах и несогласиях. Особенно – в спорах на абстрактные и отвлечённые темы, не касающиеся вас непосредственно. Это не значит, что надо уступать или отступать и молчанием соглашаться с правотой противника. Старайтесь его отбрызгать и поставить на место, но избегайте переводить спор в личные оскорбления. И никогда не спускайте оскорблений в свой адрес. Отводите удары метким словом, но если чувствуете, что дальнейшее уклонение может изменить ваше положение в камере – бейте. Бейте первым и – Бог вам в помощь...

Из лекций К. Маркова...

Юдина настораживала неугомонность Танцора. Так и напрашивается на неприятности. Не было никаких сомнений в том, что парень этот «кумовской», но он должен бы вести себя тихо и вкрадчиво, а его настырность ввергала в замешательство...

Привычно примериваясь к своим соседям холостым пока прицелом довольно равнодушного зрачка, Юдин отмечал, кто может включиться в какую-либо бучу, если её затеет Танцор, а кто – остережётся. Потенциальных противников набиралось много.

Попав в этот мир тогда ещё – в давней своей жизни, – Юдин сразу же определил общую сла-

бину хорошо известных ему приёмов и навыков защиты. Все они были рассчитаны на людей и держались молчаливым общим признанием известных человеческих слабостей, страхов и болей. Здесь же, в людских огрызках, кровотечения страха и даже боли залеплены тухлым равнодушием – равнодушием и к себе, а уж чем там дёргается рядом с тобой огрызок соседа? – даже и не десятое дело, а – пережёванная пища для глаза или уха, изжевавших ранее и любопытство своё. Если же вдруг пустяшная какая царапина отколыхнёт на мгновение вязкую пелену, если выхлестнется разрядным сполохом наружу невыносимая и извечная болючая самая боль – тут же и её перехлестнёт взрывная пена всегда готового тлеющего озлоба на эти тупые стены, на их подпирающих сволочей, на свою проклятушую жизнь, на всех на свете людей, на долбоёба, что корчится и орёт рядом... на себя самого...

Юдин видел уже такие взрывные извержения, видел звериный взмёт, видел, как вспоротый почти весь вдоль себя – нет, конечно же, нечеловек давно – не останавливается оберечь вываливающуюся вместе со своими кишками боль и жизнь даже, а готов хоть кишками этими ещё, и ещё душисть... давить, только бы дотянуться злобной гримасой своей до этого вот... до, может, самого Бога...

Рядом с Кузовом образовалась очередная кучка мающихся бездельем арестантов, для которой что-то весёлое прикалывал бывалый блатняк.

– ...ну, тут они, значит, договорились, чтобы все они как один, и пошёл у них с той поры – полный ажур. А утречком прибегают за ними на хату и кричат: «Немедленно, мать вашу, во дворец, к начальнику!»

Танцор покрутился по хате и притормозил рядом.

– Слышь, ты, – ткнул он в плечо Столпина. – А я тя знаю...

– А будешь и дальше ручонками махать – ещё и меня узнаешь, – ласково пообещал ему Юдин.

Танцор сразу же отвалил и прибился к слушателям байки.

– ...она ей и кричит: «Не бзди, королева... Мой хахаль твои висюльки из-под земли выковырет»...

– А можешь попробовать взять их на пушку, – склонился Юдин к Столпину. – Представь, два письма. Одно, скажем, главе кремлёвской администрации. Мол, извините, но временно не могу продолжать обещанную ранее работу по финансированию организации патриотического молодёжного движения на юге страны. Понимаю, мол, важность этого здесь и сейчас, но по вине местных правоохранительных органов... В общем, обрисуй, как тебя прессуют с намёком, что прессуют, чтобы эту работу сорвать.

– Так я ничего такого не обещал.

– А они знают? Или в той же администрации – знают? Может, ты им про этот проект

охрнительной государственной важности ещё в прошлом году писал? Главное не в том письме, которого не было, а в этом, что ты отсюда, с кичи написал. Раньше любой Москвы его здешние псы читать будут – вот они и ахнут. Я же не говорю, что именно так напиши и именно про это – я тебе даю идею и примерный образец.

– А второе письмо?

– Второе – Генеральному прокурору и тоже отсюда, а не другим путём. Там уже без намёков а прямо в лоб, что преследование тебя местными правоохранительными органами странным образом совпадает с началом работы над проектом государственной важности. Не кроется ли, мол, за этим чьё-то желание сорвать проект, который мог бы помочь в борьбе... ну и так далее...

– Забавно.

– Самое забавное, что может сработать всерьёз³³. Посоветуйся с адвокатом.

Они снова замолчали, зарывшись в свои мысли, но Юдин, в отличие от Столпина, не упустил из пригляда хату с её обитателями.

– ...все в один голос и кричат: «Козляра ты, кардинал, и скорее у тебя роги отвалятся, чем мы на тебя козлячить станем». Ну, а Дартянян – прикинул хрен к носу: деваться некуда. У корешков-то его на всякий случай припасено всего. Один тёлок богатых харит, и они ему за это всё, что душе угодно, другой приглядел сундук одного грёбаного судьи, а третий – вообще весь из себя граф. Короче, подписал он там всё что

надо и пристроился лейтехой в кардинальскую армию...

– Не так было – я в кино видел.

– Лапоть, в кино они те наснимают... Там же одно жидьё – от них правды ни в жисть не услышишь. Я те рассказываю, что на самом деле было. Я в книге читал.

– Пошёл, значит, в кардинальские жополизы?

– Всё как есть.

– Ссучился, значит...

– Дартянян, он что – из армян?

– Прикидываю – армянин.

– Армяне все гнилые...

– Я одного знал – резкий был мужик...

– Подумаешь – резкий... Всё равно – гнилой: его прижми слегка – и потекло...

– Гнилее всего – жида...

– Это точно...

– Оне даже не гнилые... Оне – никакие вообще.

– Может, они и не люди вовсе, а какая болезнь особая, чтобы людей извести...

– Правильно – я их мно-ого повидал... Он тебе будет казаться-представляться всем, чем ты захочешь только. Надо хорошим – будет лучше всех; надо гнилым – на глазах завоняет...

– Давить их надо.

– Главное – не слушать их... Они в нас через наши уши пролезают: говорят-говорят-говорят... смотришь – ты уже ничего не понимаешь – болован-болованом... Не слушать их и – всё...

– И давить...

– Я точно знаю, я пробовал: вот он говорит и вроде умно всё так, что умнее некуда, а скажешь ему в ответ: «Жид» – он и заглох сразу, и сразу видно, что весь его трёп умный – лапша просто, наживка, которой они нас ловят...

Со стороны могло казаться, что Юдин безучастно подрёмывает, глупо подставляя беззащитную спину набухающей сзади ненависти. Однако он чутко следил, как Танцор своими деловыми подсказками «давить» упорно переводит тупой гомон сокамерников в целенаправленное извержение.

Надо же, как его озлила пара юдинских словесных пинков в ответ на задиристые пристаивания!..

Одновременно Юдин всей кожей своей чувствовал, как сама реальность окружающего его мира привычно меняется, гибко превращаясь в реальность дебильных истин, которыми сами дебилы обмениваются за его спиной. Весь мир с этим вот его вонючим уголком становится их миром – их реальностью, в которой, конечно же, не может быть места всяким юдиным...

Ты для этой реальности даже не враг. Враг – тоже часть реальности и претендует на своё в ней место. Ты – какая-то вражина... болезнь... заразный микроб. Этот мир позволяет тебе быть в нём – шевелиться и дышать – просто по забывчивости, по рассеянности, по благодущию. Но стоит только каким-то колебанием остановить на себе изумлённый зрачок окружающего,

и взвизгом «Жид» мгновенное недоумение мира прерывает твою жизнь.

Даже если непосредственно твоей жизни ничего не угрожает, всё равно она прерывается в общем потоке жизни. Ты становишься чужеродным в этом потоке, ты – из другого измерения, и всё для тебя хорошее, дурное, какое угодно не может быть тем же для остальных. Ты – даже не опасность, с которой надо бороться, ты – неизбежное и, может, неизбежное зло. Ты – вроде насекомого, что вызывает брезгливость, опасения, любопытство, а иногда – равнодушную деловитость санитаров, которые могут счесть тебя насекомым заразным.

Ты для них, как таракан, ползающий в их жизни, и поэтому им надо помнить про отраву, изгонять время от времени подальше, давить если шебуршишь под носом... Никто не собирается тебя побеждать – тоже мне победа! над тараканом! – никто не собирается с тобой делить эту землю – с тараканом. Даже злоба, которую ты можешь вызвать, та же – тараканья, от ловкой увёртливости. Можешь и восхищение колыхнуть: учёный таракан на манеже, со скрипочкой, например...

Впрочем, как раз в этом уголке мира, хозяин – именно таракан, а не те мудаки, что гомонят всё громче и наглей, раскручивая свои вечные обиды за несложившуюся жизнь...

– Не добил их всех Гитлер – жалко...

– Они хитрые – так прикинутся, бывает, и не разберёшь.

– У них специальная мета есть – хер обрешанный...

– Это для чего ж они метются?

– Чтобы друг друга признавать...

– Как же они признают-то? – как видят они, что хер с метой?..

– Хер их знают...

– Получается, что хитрые они хитрые, а приглядишься – дураки: ведь по мете этой и остальные их распознать могут...

– Может, это какой тайный знак?

– Эй, жидёныш!... – (Юдин удивился, что возглас, окликающий его, проходит как-то мимо, будто и не на него вовсе нацелилась вся эта свора.) – Для чего хер режут?

– Ну и долбоёбы! – вроде в никуда лениво отплюнул Юдин. – Для дезинфекции.

– Я про дезинфекцию поболее тебя знаю: у меня баба была – медсестра... Так что ты тут не вешай, дезинфекция – это когда руки моют...

– Дезинфекцию, бывает, и спиртом делают – мажут, вперёд чем уколоть...

– Кто ж тебе спиртом будет мазать? Думаешь, все чокнутые, что ли? Спиртом ему... Жопу ему спиртом...

– Ладно, не спиртом – не знаю чем, но дезинфекцию мажут...

– Слышишь, грамотей, кто же дезинфекцию режет? Мажут её... или моют...

– Это, смотря от чего. – Юдин цедил через губу. – Вот когда танцор какой оближет хер, то потом уже – не отмажешь и не отмоешь, если не

обрезан... (Только двинутся чуть – сразу глушить...)

– А ну цыц! – заревел Кузов. – Устроили тут!.. Сгинь с лежанки, – турнул он Танцора. – В хате должен быть порядок! Скушно стало? – орал он на расползающихся в стороны говорунов. – Размяться захотелось? Я сейчас кого-нибудь сам разомну!..

Кузов встал, потянулся и повелел:

– Не хавайте пока, мужики, – я на толчок.³⁴

Хата снова стала спокойной и чуть ли не сонной, будто и не выгибалась минуту назад к яростному взрыву...

* * *

Юдин склонился было к Столпину, чтобы подсказать очередной фантастический вариант возможной атаки на следствие, но тот сидел оцепенелый, в каких-то своих нездешних раздумьях, и Юдин оставил его в покое.

– Я так думаю, – остановился напротив Юдина Кузов, возвращаясь на своё место, – жид в хате – это хорошая примета. Это – к счастью. Его беречь надо.

Столпин всё более впадал в ступор, не справляясь с раздёргом срывающих сердце ощущений. Паника только что миновавшего обвала,

потом – благодарность Кузову в его заступничестве, и сейчас вот – лютая ненависть к тому же Кузову.

Уж лучше злорадия тех ублюдков, чем гнусная защита ублюдка Кузова.

Ещё в далёком детстве Столпин осознал, что твой защитник может быть ненавистнее даже смертного врага...

В одно несчастное лето дошколёнок Сашка Столпин умудрился стать объектом травли стаи дворовой мелкоты. В какой-то день он никак не мог проскользнуть из арки к своему подъезду. Стоило ему высунуться – и тут же, под крики «Бей жидёнка», на него обрушивался град камней караулящей стаи.

Сашка почувствовал себя спасённым, когда в арку вошла соседка с верхнего этажа. Эту толстую ростовскую хабалку остерегались даже взрослые, потому что ей ничего не стоило стать в любом месте и, подперев ого-какие бока ого-какими ручищами, открыть рот. От того, что вылетало из её рта, можно было спастись только бегством.

Сашка пристроился за соседкой, которая ойкнула от пролетевшего мимо неё камушка, выслушала уже не столь азартный призыв бить жидёнка и открыла рот.

– Смотрите мне, бандиты недоделанные. Не попадите, в кого не надо, а то я вам так попаду...

Она орала и пёрла к подъезду, а Сашка поспешал за ней, поглядывая на своих испуганных

преследователей и сдерживая себя, чтобы не заехать чем-нибудь по подрыгивающей необъятной заднице этой противной бабы. Он чувствовал, что её защита от камней ничем не лучше самих камней, хотя камни, наверное, больше...

– Согласен со мной? – никак не отставал Кузов от Юдина. – Жид в хате – это ведь к богатству? Так?

Ни Юдин, ни тем более Кузов и предположить не могли неожиданного вмешательства.

Столпин, как и сидел согнувшись – грудью к коленям, так и откатился назад – спиной на подиум, не расправляясь, с коленями у груди, и сходу двумя ногами вмазал стоящему практически напротив Кузову прямо в его ненавистное колыхающееся пузо.³⁵ (А, может, метил он заодно и в задницу той хабалке из детства?)

Кузов, буквально ухнув через недлинные пару метров, шваркнулся спиной о дверь, и это дало ему возможность удержаться на ногах.

– Что же это творится, мужики?! – с обидой и искренним недоумением воззвал Кузов к хате.

– Да чё смотреть? Мочи жидов! – заорал Танцор и со всей силы турнул вперёд себя Грибка – прямо на Юдина...

Юдин не сразу врубился, что рыхлая куча человечьих ошмётков в основном навалилась не на него, а на Столпина, а врубившись, взялся метелить и разметать эти вонючие отбросы ещё

яростней, пробиваясь к соседу и его задавленному шипению совсем рядом.

Ему удалось протиснуться сквозь вязкую кучу, практически не реагирующую на костоломные удары. Нет, кто-то конкретно очень даже реагировал, но сама куча как будто только взрыхлялась слегка всеми этими ударами. Кулаки Юдина будто в тесте вязли в податливости чьих-то лохмотьев; ноги его уже и затянулись, не в силах дёрнуться наружу, но он пробился к Столпину и накрыл его собой, чувствуя, что голова его выворачивается следом за ухваченным чьими-то пальцами углом рта – выкручивается совсем в другую от остального тела сторону. Когда лицо его вывернулось в открытость, Танцор с каким-то молодецким «и-ихом» взялся вбивать туда железную кружку – в лоб, в бровь, в нос...

Через несколько минут окровавленных Юдина и Столпина вытащили на продол. Столпин смог подняться и стоял, покачиваясь, – бездумно глядел на амбала, с которым свела его судьба несколько часов назад у этих же дверей. («С корабля – и на бал» – пошутил тогда Юдин. Вот и отплясали.)

– Вы ранены? – скакал вокруг Столпина перепуганный мент. – Откуда кровь? Где у вас рана?

– Это не моя кровь, – разжал губы Столпин и сплюнул красной слюной.

– Как же не ваша? У вас ротом кровь идёт. Вра-ача! – заорал мент уже в полной истерике

и бросился звонить, но не врачу, а следователю Муравьёву...

Через час с небольшим, по распоряжению областного прокурора, Юдина и Столпина разместили в изолированном боксе ведомственной больницы для работников МВД.

У дверей бокса был организован вооружённый милицейский пост, для чего пришлось убрать круглосуточную охрану от знаменитого конного памятника Будённому с соратниками, который сразу же трудолюбивыми мурашами облепили неугомонные тинейджеры из расплодившейся самодеятельной организации юных патриотов «Белый Дон» и принялись делать обрезание вздёрнутому на дыбы коню этого памятника, отлитому во всём блеске его вздыбленных конских достоинств. («Белладонны объелись», – снисходительно, но и сочувственно, комментировали зрители это постоянно любимое в городе зрелище.)

VI. ПОБЕГ НА РЫВОК

1

Убежать хотел бы любой. Когда человек под замком, ему кажется, что только вырвись, а там – такие возможности, что ищи ветра... Дудки. Вы меня простите – я к лекциям не приучен и говорю попростому. Так вот, нас, скромных дорожных постовых, первым делом извещают о побегушниках, а как их поймают – нам сразу дают отбой. И за всю мою долгую службу не было случая, чтоб не поймали. Конечно, если кто сделает ноги по-умному, с подготовкой, с заменой личности лица и документов, да ещё через границу, тогда другое дело. Так это же – какие бабки!.. Этих тоже вычислят, но можно всегда опережать погоню на шаг или на день – так и вырваться. Но кто решился дуриком – тот и есть дурак а больше никто...

*Из лекций И. Матвеева
на спецкурсе «Тюрьма-тур»...*

Муравьёв появился в больнице под вечер и приказал постовым у бокса доставить Юдина на перевязку.

В ординаторской никого не было, да и вообще весь больничный персонал бесследно растворился в серых субботних сумерках. Следователь переставил стул поближе к кушетке, за-

стланной от века и навсегда липкой жёлтой клеёнкой.

– Какая перевязка? – недовольный голос за дверью вверг следователя почти в панику. – Я его час назад...

Милиционер ввёл Юдина и, придерживая дверь от толчков из коридора, обиженно пожаловался, почти что наябедничал:

– Тут сестричка бьётся к вам. Бойкая...

В ординаторскую ворвалась Настя и застыла.

– Ты тут работаешь? – хрипло спросил Муравьёв.

– Нет, – злобно хлестанула Настя. – Я тут *работаю!*..

Юдин с кушетки с интересом наблюдал за новым и неожиданным Муравьёвым. Почувствовав этот взгляд, следователь взял себя в руки и противным официальным голосом заявил:

– Я здесь по службе. Попрошу вас выйти.

– Так это вы по своей службе красавца моего искромсали? – Настя прошла (Протанцевала.) мимо следователя к кушетке и чуть приобняла немного прибалдевшего Юдина, минуто прижавшись к нему. – Что же вы всех кромсаете?..

– Вы что – знакомы, – с изумлением и обидой спросил Муравьёв.

– Нет, это я с вами была знакома, а с ним мы – душа в душу. Правда, дорогой? – Настя не находила, чем бы ещё уязвить Муравьёва.

– Ладно, иди. – Юдин легонько отстранил медсестру. – Мы потом договорим, – поддержал

он её неведомую игру и был тут же награждён громким поцелуем в щёку. (К сожалению, забинтованную.)

Было приятно видеть раздосадованного Муравьёва.

– Ты, вижу, по этой части куда больший специалист, чем по оперативной работе, – проворчал следователь. – Есть результат со Столпиным?

– А ты не видишь? Какой-то мудака решил подстраховаться и заварил бузу в хате. Ты не знаешь этого гада? – Юдин пытался сдерживать злость. – Ты думаешь теперь навесить Столпину какое-нибудь злостное хулиганство? А может, ты собираешься меня выставить потерпевшим? Так не надейся.

– Что ты за него душу рвёшь?! – вполне искренно недоумевал Муравьёв. – Он в конце концов откупится.

– Отпустил бы ты его с миром, – попробовал убедить Юдин. – Он тебе в благодарность – на блюдечке...

– Не пойдёт...

Божество (а Муравьёв был орудием божества) не может уподобиться склеротичному маразматiku и, занёсши руку для удара, не должно вдруг впасть в спячку с забытой в замахе рукой. И тем более не к лицу ему всякие плебейские штучки, мол, ладно – я пошутил, или – я ошибся. Так вернее всего подрывается авторитет государственности. И поэтому Столпину придётся кружить коридорами установленных

процедур да просить о личном снисхождении, которое, конечно же, на определённых условиях будет ему оказано...

– И что ты ему предъявишь? – наседал Юдин. – Мою операцию ты сорвал. (Это как раз и радовало.) Сейчас примчатся адвокаты. Тут такое завертится – упаришься отбиваться...

Муравьёва и на самом деле удивляла настойчивость Юдина. Он было хотел уже спросить майора, как его заступничество связано с ночными встречами, но вспомнил о Насте, о возможных встречах этого майора с нею и – передумал. Вместо этого он то ли пожаловался, то ли поудивлялся вслух:

– Луку завалили...

– Кто?

– Да попробуй теперь дознаться... Он вроде бы тыкнулся остановить вашу драку, ну и... Много ли старику надо...

Муравьёва и вправду неожиданно сильно потрясла смерть прибабахнутого деда.

– Ты что же – и Луку хочешь на Столпина?..

– Да не хочу я. Так всё сложилось. Драку-то, как ни крути, а затеял он...

– А по твоему плану должен был Танцор?

– Ладно – что сейчас говорить? Можно заканчивать операцию. Материала больше, чем надо было... Ты согласен? Тебя сейчас выводить или отлежишься?

– Отлежался уже.

– Я приготовлю документы. Час-полтора придётся подождать. Тебе надо чем помочь?

– Помоги с Лукой. Я хочу тело забрать. И помоги ту его тетрадку вытащить. Скажешь, что нужна для закрытия дела, в общем, соври что-нибудь...

Муравьёв даже не удивился просьбе Юдина. Скорее – обрадовался. Юдин ему подсказал, чем можно заткнуть эту странную пустоту, из которой в само сердце вдруг стало сквозить холодом после сообщения о смерти Луки.

* * *

В боксе Юдин сразу же принялся тихонько втолковывать Столпину план, который он придумал во время разговора с Муравьёвым.

– Главное, затаись. Доверься только кому-то надёжному. Одному, двум – не больше. Никому более не верь. Знакомые, компаньоны, приятели и подруги – все сдадут. Да их всех сразу же и поставят на уши. Поверь, в бегах – несладко. Если не можешь организовать исчезновение куда-нибудь за бугор – лучше и не ввязывайся, иначе – лишних три года.³⁶ Впрочем, за бабки тебе потом и их скостят. В общем, решай. Форы у тебя, ночь и чуть от утра. Если мне повезёт дурачить их в воскресенье, то – ещё сутки. Только сам предупреди своего адвоката, чтобы не устроил скандал, когда не найдёт тебя тут. А лучше – пусть и не ищет, чтоб Муравей не хлопотал рядом, а спокойно отдыхал до понедельника...

Юдин подробно вколачивал свои наставления и всё ещё не верил, что Столпин решится ударить-

ся в бега. (Господи, что же он делает? – выполняет обещание, данное Ольге, и спасает её мужа или продолжает операцию, навешивая на Столпина реальное обвинение в побеге из-под стражи?)

Не упуская и тени движения за окошком в дверях бокса, он быстро и ловко закончил все необходимые приготовления. Через несколько минут Юдин лежал на столпинской кровати, укрывшись с головой, а Столпин с забинтованной башкой в юдинских шмотках сидел на кровати Юдина с колотящимся сердцем и спрятанными в карманы куртки дрожащими руками. По команде: «Юдин – с вещами на выход» Столпин вышел из палаты.

На слабо освещённых больничных ступеньках Столпин чуть было не впал в панику. Со всем рядом за рулём тихо урчащей фольки сидел следователь Муравьёв.

Следователь смотрел в зимнюю темь прямо перед собой, будто и не видя оцепеневшего Юдина.

Эк, его потрепало! Надо бы, конечно, предложить подвезти, но Муравьёв со сжатыми зубами продолжал не замечать оперативника. Смена уже закончилась, и сейчас должна была выйти Настя...

А что он ей скажет?

Первым делом он выйдет навстречу и...

Настя увидела Муравьёва ещё из-за больничной двери – взглядом над забинтованной

головой этого контуженного бугая, замершего на нижней ступеньке больничного входа. Она даже двинулась вернуться назад, но поняла, что Муравьёв вознамерился ждать хоть ночь напролёт.

Быстро спустившись по ступенькам, она ухватила за руку Столпина и прижалась к нему, даже и не взглянув на машину рядом, но всё равно видела, как этот ядовитый синий гриб корчится там в судорогах обиды и ярости...

– Эй, майор, – следователь высунулся из-за открытой дверцы и окликнул совсем растерявшегося Столпина, – давай довезу...

– Нет уж – спасибочки, – крикнула в ответ Настя, даже не обернувшись. – Ваша доброта всегда боком выходит. Мы уж сами как-нибудь...

Она утаскивала еле поспевающего за ней Столпина, а Муравьёв в бессильной злобе смотрел им вслед и представлял, как бы он сейчас на полном ходу вмазал бампером по их весёлым задницам! А совсем было бы в кайф, если бы с другой стороны врезалась в эту же парочку разъярённая Ольга Столпина на своём джипе...

Муравьёв опомнился от своих мстительных видений, сообразив, что в этом случае джип врежется и в его машину, а в получившейся свалке совсем уж будет не отделить правых от виноватых и оскорблённых от оскорбителей. Впрочем, и сейчас – попробуй, отдели...

– Извините, – отстранилась Настя, – вы меня очень выручили...

– На самом деле вы меня выручили... – Столпин продолжал оглядываться. – Даже спасли.

– Вам куда? – Настя остановилась у края мостовой. – Может, поймать вам машину?

– Вы уж меня не оставляйте, – Столпин затравленно оглядывался, ожидая, что вот-вот подмёрзшую тишину улицы вспорет неостановимый треск погони. – Спасайте до конца...

Уболтал...

Не какой-то своей неотразимостью, конечно (Тот ещё неотразимчик – в бинтах по всей морде!), а мольбой, которую пытался побороть, но выплёскивал в каждом слове...

По-настоящему свободным Столпин почувствовал себя только в квартире Насти. Но и свобода его была не прежней естественной жизнью по своей воле и прихоти, а как бы в пристальном пригляде тюрьмы, караулящей каждое его движение. Может, от этого сама она, свобода, была оглушительной. Ему хотелось всего сразу: горячую ванну до краёв, чай в большой фарфоровой чашке, хлеб с маслом и сыром (просто ломоть чёрного хлеба с жёлтым маслом – этого хотелось даже не потребностью желудка, а голодом глаза), водку в запотевшей рюмке, белоснежную постель, пахучий апельсин, эту усталую женщину в постели рядом, громкую

музыку, хороший фильм по телевизору из удобного кресла...

Он и пробыл-то на киче – всего-ничего – чуть больше суток, но какая-то часть его души застряла в тех стенах, и никак не мог Столпин вытащить её оттуда. А что если застряла навсегда?..

Кому-то хоть и всю жизнь бултыхаться в наших болотах, и всё – как с гуся вода, а другому и глотка одного вдосталь, чтобы нахлебаться до самой смерти.

* * *

Из Настинной квартиры Столпин выбрался на рассвете. Машину предусмотрительно поймал на другой улице и помчал пустынным городом к берлоге своего главного охранника. Но и там отпустил тачку совсем у другого дома и даже сделал вид, что заходит в чужой подъезд. Столпин действовал уверенно, чётко, с разумной осторожностью, и тенью не похожей на вечернюю манию неотвязной погони. Из дарованной ему феры он растратил часов шесть-с гаком, но не считал, что растратил впустую. Чувствовал он себя – лучше некуда, и был уверен, что всё у него непременно получится по задуманному ещё в больничном боксе бессвязному пунктиру, который сейчас вот превратился в точный и верный план.

Гроб был исключительным исполнителем. Через несколько часов все необходимые механизмы были толково настроены и запущены в

незаметное стороннему глазу движение. Столпинская компания работала по новому плану, нацеленная на вывоз следом за шефом всех активов, возможных к перемещению. Самого Столпина должны были автомобилем доставить в Москву, откуда утром в понедельник отправить на Кипр по документам отдалённо похожего на него официанта из ресторанчика «Столп жизни».

Ольгу привезли в тот момент, когда гримёр из местного театра делал столпинскую физиономию с фотографии официанта и канючил, мало надеясь на успешность своих уговоров:

– Александр Михайлович, Григорий Владимыч, я же ни слова – как рыба. Зачем меня под замок? Моя жена – она же с ума тронется...

– Не ной, – вполне мирно отмахивался Гроб. – Денёк посидишь – отдохнёшь. Ты, считай, в загородном ресторане будешь. Другой бы мечтал о таком выходном...

А там – в ресторане – уже и сейчас немало народу начинало свой вынужденный суточный отдых.

Столпин видел жену в зеркале, за своей спиной, и так же – через зеркало – диктовал указания.

– У Бомёныча возьмёшь доверенность – она ещё действует, и все её идентификаторы указывай перед подписью. Бумаги для подписи готовы. Сама с детьми вылетаешь через неделю...

– Сашка, как я рада!.. Пе нередать!..

Давно Столпин не слышал такого её голоса, а словесной её перепутаницы – ещё давнее. Она светила, как в первое послесосновское время. Значит, он тогда всё придумал, и жизнь его жены существенно уменьшилась бы без него – по крайней мере, на эту вот её заразительную радость.

Гроб уже рассказал Столпину, каким молодцом показала себя Ольга Николаевна, и как она всё чётко делала, и как наняла Юдина...

Непонятка с Юдиным покалывала беспокойством.

Получается, что Юдин вытаскивал его по просьбе жены. Но как он мог попасть к Столпину в сокамерники? По всему выходит, что Юдин – кумовской. Но тогда как ему можно верить? Может быть, у Столпина не только нет никакой форы, а, наоборот, его пасут прямо сейчас, чтобы увешать обвинениями по самые ноздри...

Стоп. Когда на крыльце больницы следовательно окликал его вместо Юдина, он сказал «майор». Но если бы этот чёртов майор Юдин действовал по заданию следака, то с какого бы бо-дуна тому было перепутывать Столпина с «майором»? Он должен бы вообще отвернуть морду, чтобы беглеца в упор не видеть...

Столпин подавил панику.

Кумовской-некумовской, а помогал на совесть – это Столпин чувствовал всей своей кожей. Значит, если и водил кого за нос, то не Столпина, а своих ментовских дружков.

И всё это устроила Ольга? Чем же она расплатилась?.. А если?..

– Чего стоила помощь Юдина? – очень поделовому спросил Столпин. – Дорого?

– Всё, что при мне было, – то ли ответила, то ли уклонилась от ответа Ольга, но уточнила. – Помнишь серёжки с бриллиантами?..

Это была не то чтобы ложь, а, скорее, – лукавство. Серёжки с бриллиантами Ольга рано утром по пути домой оставила в ящике для пожертвований кафедрального собора, чтобы заручиться и более могущественной поддержкой в помощь Юдину..

* * *

Чем ближе нависал час подготовленного отъезда, тем заметнее истаивала пульсирующая энергия Столпина. Казалось, что сам пасмурный декабрьский день штриховкой льдистого дождя за окнами ретуширует его голос, жесты и даже мысли единой сероватой тоской.

Нет, при чём здесь дождь или серый день? Столпин не мог уехать без Насти.

Это было какое-то наваждение, что становилось всё сильнее с каждой минутой, приближающей его отъезд из города и, значит, от неё.

И ведь не было в ней ничего выдающегося.

Хозяйка?

Так себе...

Собеседница?

Столпин даже и не запомнил её в этом качестве. Ну, какая из Насти может быть собеседница? Не смешите...

Красавица?

Ничего яркого или потрясающего. Вполне милая. Эффектные столпинские девицы из клуба даже и не взглянули бы на неё как на возможную хоть в чём-то соперницу...

Любовница?

Ничего особенного. Нормально. Никакими специальными умениями не поразила...

Может, она была женщиной его почти забытой мечты?

Когда-то давно он, немного стесняясь, рассказывал Ольге о тех своих мечтаниях, в которых мужчина и женщина, обретая друг друга, становятся основой всей жизни. Умный и красивая, прочный и нежная, надёжный и преданная – они превращаются в створки единой раковины, дополняющие друг друга и неразрушимые в своём объятии. Такая раковина – граница от остального мира, что остаётся за спинами её створок...

Нет, ни с какого боку не походила Настя на тот его идеал. Да и ему не было нужды рядом с нею вытягивать себя к какому-то идеалу. Он оставался тем, кем и был – в меру умным (Не дурее других.), в меру надёжным и прочным (Ну, попал в перепуг. А кто бы не попал?). Насти, как таковой, вообще не было. Не было её отдельных мыслей или тревог. Не было ничего отдельного. Она была его продолжением. Зажигалкой к его сигарете, глотком воды для его пересохшего горла, покоем и тишиной, выравнивающими его сорвавшееся сердце к нормально-

му дыханию. Порыв тёплого и освежающего ветра, пойманный и оставшийся тугим воздушным шаром на ладонях, или выпущенный из них и окутавший всё тело, а потом снова собранный на ладони, – это и была Настя.

Её взгляд не был взглядом извне, и даже не был взглядом из зеркала, что, так или иначе, вынуждает нас видеть себя со стороны и становиться для окружающих похожими на того, кого они в нас знают. С нею было естественно оставаться самим собой. Только – лучше. Настя была как бы катализатором, пробуждающим к жизни именно того Столпина, которым он всегда хотел быть. Он и сейчас ещё в инерции того пробуждения. В этой инерции вся его сегодняшняя решительность, жёсткость, предусмотрительная забота о близких, его чуткая радость обычным и обыденным вещам, тот весёлый азарт, с которым он без сожалений менял свою привычную жизнь на завтрашнюю неизвестность.

Однако инерция затухает, а Столпину совсем не хотелось возвращаться в такую знакомую рыхлую тусклость, которая желчным привкусом сопутствовала практически всем его дням и даже любимым, самым ослепительным удачам.

Столпину хватало ума понять, что та самозабвенность, с которой Настя всю себя охнула ему в руки, никак не связана с какими-то его ослепительными достоинствами. Конечно, это – особенность самой Насти. И если сегодня или завтра она неосторожно приблизится к душе

другого человека, то и этой другой душе она так же самозабвенно отдаст себя целиком. Наверное, есть какое-то критическое расстояние, на котором Настя перестаёт быть продолжением чужой души и снова становится собой – тугим ветром, готовым выпасть в подставленные для него ладони. Её просто нельзя отпускать на дальше или на дольше этой границы.

Да это же – Манон. Та тоже была катализатором упрятанных глубоко в душе мечтаний и потому так притягивала к себе. Бедный кавалер (Как его? Де Грие?) – он просто не накнукал связи между её привязанностью и длиной привязи...

Гроб слушал шефа внимательно и крайне неодобрительно.

– Александр Михайлович, давайте я её разыщу и отправлю позже. Вдруг у неё и иностранного паспорта нет.

– Свяжись с нашим турагентством. Завтра утром в их московском офисе ей должны выдать путёвку и все документы. В Москву она поедет со мной.

Ещё заканчивая короткий разговор с Настей, Столпин чувствовал, что не надо бы ему ехать на встречу с ней.

Сдаст ведь – за милую душу сдаст. Кто он для неё?..

Но одновременно Столпин чувствовал и другую правду. Его предположения о предательстве

Настя могут подтвердиться или не подтвердиться, но если он сейчас из-за этих предположений откажется от неё, то – он и предаст. Разве не так же – на опережение – оттолкнул он свою жену и, как сегодня выяснилось, оттолкнул совершенно безосновательно. Если, опасаясь предательств, предавать вперёд, то какой же своей реальностью сможешь ты изменить окружающую жизнь? Только реальностью предательства, а её и без тебя – в досталь...

* * *

Столпин даже не удивился, увидев на месте встречи не Настю, а следователя Муравьёва, чётко командовавшего захватом беглеца³⁷...

Много позже Столпин узнает, что Настя его не предавала, но и ничем не могла помешать следователю, который, прознав об исчезновении арестованного, грамотно и быстро заплёл все возможные паутинки, не забыв и медсестру, уводившую лже-Юдина поздним вечером прямо у него из-под носа...

Никогда не корил себя Столпин за ту свою доверчивость, без которой как-то иначе сложилась бы его жизнь. И не так уж важно, что не получилось ничего из задуманного им тогда. По поводу Настя он, на самом деле, ничего точного и не задумывал. Он не отказывался от жены и даже, наоборот, надеялся выстроить с ней ту свою красивую и прочную раковину семейного мира. А Настя в его смутных планах станови-

лась как бы естественным продолжением не только его, но и Ольги, и всей их с Ольгой счастливой жизни...

Бред?

Несомненно. Но Столпин, может быть, единственный раз в жизни сознательно пошёл на поводу бредовых мечтаний – неосуществимых, невозможных, но только и способных истинным светом озарять разумную реальность нашей бессмысленной жизни.

А может, всё проще и безнадежнее? Выбираясь из тупиков, не оставляющих нам хорошего варианта, мы вынуждены обдирать себя – целиком там не пролезть – и от чего-то в себе отказываться. Узнай, что человек оставил там вместе с ободранной кожей? от чего отказался? что вынес оттуда? – и ты узнаешь, что это за человек. Столпин предпочёл рискнуть головой, предпочел, чтобы его предали, но только бы самому не отказаться от чего-то стоящего и несомненно ценного, с чем он так неожиданно столкнулся. Так он понимал тот свой выбор и был горд тем выбором, хотя и не признался бы никому в этой нелепой гордости.

Да и как бы он мог признаться? Тогда пришлось бы выставить себя в форменное посмешище. Тогда бы все узнали, что с самых детских лет Александр Столпин живёт в надежде и ожидании какого-то сказочного чуда, которое непременно должно случиться. Несомненно настанет такой день в его жизни (а может, уже и завтра), когда какая-то волшебная сила вы-

делит его и одарит своим могуществом. Не деньгами и богатствами – это он может и сам, а настоящим могуществом, благодаря которому он сумеет осуществить все свои заветные желания, сияющие славой, и добром, и... ну здесь Столпин пока ещё отчётливо не детализировал это своё скорое будущее.

В моменты, когда ожидание чуда становилось чуть ли не осязаемым, Столпина начинали подтачивать довольно серьёзные сомнения. Почему именно он окажется этим избранником? Чем он сумел выделиться из людской жизненной суеты и остановить на себе неведомый волшебный зрачок? В возможность случайного выбора он не верил и, честно говоря, не хотел бы получить сказочный дар по случайности.

Теперь же, после того как он бросился башкой в омут, но не отказался от своей нелепой мечты, Столпин чувствовал, что он качнул в свою пользу какие-то Высшие Весы и достоин чуда, которое должно с ним произойти...

Сбежавший «на рывок» опасен. У него нет чёткого плана – ему лишь бы вырваться к какой-то другой жизни, о которой он и сам ничего не знает. Ему кажется, что главное – вырваться любой ценой. Это, как психоз. И этот психоз делает его, типа, загнанным зверем. Он уже не в состоянии спокойно думать – он в лихорадке. Любую помеху ему надо устранить, а помеха для него – всё, что только может ему помешать. Вокруг него уже не простые люди, а или друзья, или враги. Друзья – это те, кто готов ему помочь. Но таких не найти, и поэтому все становятся врагами. В таком состоянии беглец может с лёгкостью пойти и на «мокруху», поэтому, чтобы его остановить, разрешены и применение оружия, и любые меры...

Из лекций И. Матвеева...

– Ну, пля, доигрался?

– Все ваши пожелания исполнены в лучшем виде. Столпин задержан, и сейчас его можно обоснованно крутить в любую сторону.

– Исполнены... Исполнитель!.. Это вредительство, а не исполнительство...

Муравьёв стоял перед прокурором Пилаевым, терпеливо дожидаясь окончания истерической паники, принявшей привычную форму начальственного разноса.

– Что это такое? – Прокурор хлопнул ладонью по пухлой папке, лежащей перед ним. – Пуд бумаг и никакой ясности.

– Это материалы проверки по происшествию в КПЗ.

– По убийству. Не происшествие, а убийство, причём убийство ценного свидетеля, которым особенно интересуются сам знаешь где... Они же нам все внутренности наизнанку вывернут, они же теперь...

– Никак нет. Не убийство, а несчастный случай. Кроме того, по моим сведениям, коллеги из госбезопасности будут только рады...

– Какие у тебя сведения, пля? Какие? По моим сведениям, они землю роют, и все – под меня.

– Это они специально. Дымовая завеса. Чтобы с позиции силы продолжить торг за Варсавина.

– За какого Варсавина?

– Ну, за слухача своего, которого мы прячем.

– Ты думаешь?

– Уверен.

– Он что – тоже участвовал в этом убий... пля, происшествии?

– Он находился в той же камере.

Несколько успокоенный прокурор забормотал что-то невнятное и принялся перелистывать бумаги из папки.

– Вот... Показания Варсавина... Ну, это, пля, вообщее...

– Что-то не так?

– Всё не так. Ты посмотри, что он пишет! «Все, кто так или иначе соприкоснулся с жизнью Иссы Галиева, начинают почему-то менять свою жизнь и поэтому часто подвергают себя риску...»

– Ну и что? Может, он так думает.

– Да мне, пля... Мне плевать, что он думает. При чём здесь этот террорист! Почему это все, кто имел к нему отношение, должны вдруг подвергать себя?.. Нашёл, видишь ли, место для своих умничаний... Он думает, что я так вот возьму и стану подвергать...

– При чём здесь вы?

– Так я, между прочим, тоже имел отношение к жизни этого озверевшего террориста. И не последнее... Я был государственным обвинителем на его суде...

Прокурор погрузился в какие-то воспоминания, напрочь забыв о Муравьёве, который наконец-то с искренним интересом ожидал, что тот ещё скажет.

– Ладно, дело давнее – было и сплыло. У нас с тобой другие заботы.

Прокурор снова зашуршал бумагами и вдруг начал опять наливать яростью.

– Что это за показания? Этот твой Марков с детства на голову ушибленный, или ему в камере крышу поправили? Это не показания – это сборник басен... Он же издевается над следствием...

– Не могу согласиться. Марков просто пересказывает всё то, что слышал в камере от пострадавшего Лукина. Ну и что-то, наверное, сочиняет по ходу...

– Сочиняет он. Здесь прокуратура. Здесь сочинять можем только мы, а остальные должны давать объяснения, а не сочинять. Пусть напишет заново. Он где у тебя?

– Выпущен на подписку.

– Его на экспертизу надо, а не на подписку. Сочинитель хренов. Это же сплошное враньё... Никто никогда не спасал от смерти милиционера Лазарева, – прокурор тыкал пальцем в показания Маркова. – Этот Лазарев совсем оплоумел от страха, когда Исса вместе с бойцами Юдина пришли в станицу. От начальства Лазарев знал, что Исса командует кровожадной бандой, и вместо того, чтобы дать бандитам отпор, этот плюгавый мент полез прятаться. А местный плотник там как раз ладил гроб для родича. Вот Лазарев в тот гроб и залез. Ручки сложил и затаился. Ну, а как крышку открыли – все прям попадали от хохота. Исса и grit ему: «Вставай, мол, и иди на хер»... Ты бы лучше у своего спецагента взял показания, у Юдина, – тогда бы не подшивал в дело всякие сказки...

– Показания спецагента в таком деле не предусмотрены. Так мы его можем раскрыть.

– Сам знаю. Он где сейчас?

– У него полугодовой отпуск по болезни. Ему здорово там досталось...

– Ладно, – прокурор захлопнул папку с материалами проверки. – Это дело ты сляпал спустя рукава, но так и быть – сойдёт. С делом Столпина ты чуть не погорел, но выкрутился. Хвалю. А вот за пропажу документов из дела этого... потерпевшего... как его?.. Вот за это придётся отвечать. Коллеги из госбезопасности по этому поводу прислали официальное отношение и требуют возвращения, –

прокурор сверился с какой-то бумагой, – тетради с рукописными записями гражданина Лукина. Я тя прикрывать не намерен – умываю руки... Материалы передавали тебе, вот и выкручивайся.

* * *

Юдин был сейчас почти полностью свободен ото всего, что только может удерживать человека в путах его привычных будней. До полной свободы Юдину оставалось только исполнить себе же данные обещания, и потом для него начнётся какая-то другая жизнь. Отсюда в ту неизвестность кроме его воспоминаний протянется, может быть, только голос Ольги, а больше ему и нечего туда с собой забирать.

Ольге он звонил постоянно – два-три раза на день, – но ничего не говорил, а только слушал. Вначале она раздражённо кричала «кто?», «вас не слышно», «говорите» и всё, что в подобных случаях кричат в глухую трубку. Однажды вдруг сказала: «Наверное, это вы» и потом стала с ним говорить: иногда несколько слов всего, иногда что-то рассказывала о себе. Если спешила, то говорила, что сейчас ей некогда, и просила перезвонить. Перед самым его отъездом сказала, что очень привыкла к этим странным монологам. Вот, мол, будет ужас, если окажется, что это не он, а кто-то совсем ей ненужный, или, если вдруг выяснится, что это игры мужниных следователей...

Дождавшись, когда его заштопанная физиономия будет не очень сильно шокировать окружающих, Юдин приехал в Москву.

Может быть, действительно, эхо самых сильных наших чувств какими-то мельчайшими дунувениями остаётся в мире уже и без нас, а складываясь эхом миллионов, прочно впечатывается в конкретное место и становится осязаемой силой, действующей на всех, попадающих в её поле. Поэтому, например, Иерусалим пробуждает в людях мысли о божественных истинах, а Венеция будоражит фантазиями искусства. Если это так, то Москва побуждает что-то достать – стать в очередь, найти нужные знакомства и приобрести какую-то, скорее всего, совершенно излишнюю хрень...

Юдину нечего было приобретать, но ему надо было найти какие-то связи, чтобы договориться об издании тетрадки Луки. Юдин мог бы и просто на свои деньги издать эту тонкую книжку, но ему казалось, что так будет неправильно. Так и издавать незачем. Вот же есть тетрадь – и пусть хранится. При необходимости можно её размножить, хоть и на ксероксе. Нет, если издавать, то по-настоящему...

Давний приятель с Лубянки, пристроившийся нынче в отдел персональных данных президентской администрации, взялся помочь и обещал свести с нужными людьми.

Утренний мороз скрипел под ногами и потрескивал в искристом воздухе.

– Тут пара шагов, – сказал Геннадий, отпуская машину.

Геннадий был рад встрече и болтал, не умолкая. Работа его, по его же словам, была жутко ответственной и одновременно – не бей лежащего. Представления к наградам, кандидатуры на государственные должности, приглашения на приёмы, в общем, на их отделе висела обязанность составления всевозможных списков для любого важного мероприятия.

– Тебе повезло, – сказал Геннадий, – сегодня встреча Президента с культурой, и здесь мы отловим тех, кого тебе надо.

К проходной у Боровицких ворот выстроились две толкущиеся очереди; огороженные металлическими барьерами в паре метров друг от друга с пустым проходом между. Решительные молодые люди у барьеров ловко сортировали прибывающий народ, выпуская вольно шляться вокруг тех, кто вообще не имел никакого отношения к предстоящему мероприятию, или счастливых со спецпропусками, как у Геннадия.

– Это мы первый год обкатываем, – пояснил Геннадий. – Раньше все пёрли в одной культурной массе и, естественно, на проходной получалась полная неразбериха: у одного приглашённый, другой по дополнительному списку, третий скандалит, что его забыли, – дурдом культуры. Нынче решили всё сделать чётко: накопитель А для тех, кому высланы персональ-

ные приглашения, и В – для тех, кого внесли в дополнительные списки.

– А Солженицын здесь?

– Он всё такое игнорирует. Мы его даже и не включаем уже в списки приглашённых.

Юдин перестал оглядываться. Александра Исаевича нет, а остальные его не слишком интересовали.

Когда-то давно, в последних классах школы, Юдин учился печатать на машинке, размножая всякую недозвольщину. Тогда в его памяти стала складываться небольшая библиотека из тех текстов, которые сами пальцы начинали набирать медленнее – вровень со скоростью запоминания. Оттуда и отпечатались в нём накрепко строки и слова Солженицына, Бродского и Ерофеева (не Виктора). Всё остальное вскоре вылетало из машинки со скоростью пулемёта, а потом и – вслепую...

– Вот и наша Ксюша, – Геннадий толкнул Юдина, – вон у телекамеры крутится, видишь? Молодая блондинка лошадиного выражения лица с распущенными волосами. Были б мозги – отморозила бы.

– А она кто?

– Сама по себе – пустое место. Но достаточно громкая для Питера фамилия, откровенный флирт в среде золотого молодняка и пробивная сила в несколько лошадиных. Она любого богатого коня может оприходовать на скаку – даже и не останавливая.

– И что она может для меня сделать?

– Она мне обязана. Понимаешь, эта дура лезла всю жизнь навязчивым гарниром во все престижные тусовки и, чтобы выделиться, стала вдруг про себя намекать, что, мол, может добиться для кого угодно любой должности. Всякие идиоты, конечно, тут же и попёрли к ней с просьбами. Она их с таинственным видом выслушает и – забывает напрочь. Но идиотов-то много. Естественным образом получалось, что кого-то из них своим порядком куда-то назначают, а они думают, что это результат Ксюшиных хлопот. Ей – подарки, и, в общем, чем дальше и чем больше ходатаев – тем чаще попадания. Она – баба не промах – случайные подарки переводит в нехилую денежную таксу и стрижёт этих баранов почём зря. Тут я её и вызвал. Договорились, что пусть себе развлекается, но свои картотеки – передаёт нам. Хороший материал для изучения. В благодарность она исполняет некоторые мои просьбы. Так что твоё дело мы – мигом...

Геннадий попросил минутку обождать и отлучился по каким-то своим неотложным делам, а Юдин подошёл поближе к съёмочной группе, у которой мелькала Ксюша.

– Я тебе вчера папку давала, – говорила Ксюша какому-то парню. – Прочитал?

– Ну, а чё?

– Натрухай се на плечо, – огрызнулась Ксюша. – Этот кремлёвский чмо припёрся, что мне

папку давал, и мне надо ему что-то говорить. Про чего там?

– Да, мура...

– Это понятно. Конкретно можешь?

– Ну, там лабуда всякая... А-а, вот – они все Россию не любят...

– За слова отвечаешь?

– А то...

Из Ксюши так и пёрла самоуверенная базарная хабалка, которая никак не хотела сидеть себе тихо и безмолвно в защите гламурного фасада.

Подошёл Геннадий, и Ксюша решительно направилась к ним.

– Привет, – не вынимая жвачки сказала она и подставила Геннадию щеку, по которой тот, в нарушение привычных ей манер, легонько щёлкнул пальцем. – Чего они там так Россию не любят? – напористо спросила Ксюша.

– Где?

– В книжке этой. Я прочитала...

– Ксюша, дорогая моя, ты совсем меня не слушаешь. Тебе не надо было ничего читать. Да ты ведь и не читаешь ничего. Ты можешь потрогать книжку, посмотреть в неё, как-то ещё попользовать, но, поверь, милочка, это – не чтение. Так что не надо было утруждаться. Ты себе листай журналчики. Я тебя просил найти издателя, а ты – читать...

– Не расстраивайся, – сказал Геннадий, отводя Юдина в сторону. – Тут издателей тоже навалом, и сейчас мы кого-нибудь найдём. Кста-

ти, вот стоит Дублин – Геннадий показал, – с Быковым говорит. Этот Дублин управляет издательством в Питере...

Геннадий опять отлучился, и Юдин без дела шлялся вдоль стиснутого в накопители железных барьеров и тихо гомонящего культурного достояния страны. Люди замерзали и только изредка в клубящийся морозом воздух всплывали живые чувства. В накопителе для дополнительно приглашённых народ вёл себя более живо и непосредственно, а там, где перетапывались специально приглашённые гости, – там держались значительно и ответственно. При этом из специального загона старались не смотреть в загон дополнительных – как бы и не очень узнавая оказавшихся там вчерашних ещё приятелей и собутыльников. Между двумя очередями металась или тихо замерзали забытые в списках. Их старались не замечать ни из одной очереди, а они или делали вид, что просто гуляют здесь, или пытались кому-то напомнить о своих заслугах перед отечественной культурой.

Напористым квакающим голосом вещал Веллер, ни к кому конкретно не обращаясь, а – сразу всему миру:

– ...не логично, и поэтому надо делать иначе. Надо, чтобы деятели культуры не стояли в очереди в Кремль, а собирались в своём Дворце Культуры и приглашали туда Президента России. Тогда будет полезный разговор...

К Веллеру подбежал посыльный и выдал специальный пропуск, а буквально через минуту из очереди спецприглашённых продолжился прерванный монолог:

– ...учредить специальный почётный знак. Как значок у лауреатов. Участник кремлёвской встречи с Президентом России такого-то года. А после трёх встреч – золотой значок...

Рядом Дима Быков в присутствии похмыкивающего Дублина утешал Евгения Рейна. Рейн булькал изнутри и шлёпал толстыми губами, изображавшими одновременно обиду и пренебрежение.

– Наплюй, Жень! Подумаешь, попросил позволения у Туркменбаши на перевод его стихков! Они тебя травят, чтобы тебе не достался такой завидный гонорар. Говорят, Баши башляет по лимону за перевод?

– Не надо было говорить, что стихи гениальные, – сказал Дублин.

– Я так и не говорил. Но я бы сделал их гениальными, – загорячился Рейн. – Я ж – первый поэт...

– Вот вы мне наверняка сможете ответить, – к ним прискользил чуть запыхавшийся Виктор Ерофеев. – Поэт в России – больше, чем поэт?..

– Дим? – спросил Дублин у Быкова, – ты на сколько больше меня? Килограмм на двадцать?

– Жень? – спросил Быков у Рейна, – ты побольше меня килограммов на двадцать?

– Я – больше, – задумался Рейн. – Но не на больше.

– Вот тебе, Виктор, гениальная формула, – пофантомасьи захохотал Быков. – Поэт в России больше, чем поэт, ровно на двадцать килограмм...

Но Ерофеев уже не слушал, а побежал, оскальзываясь, вдогон за переместившейся телекамерой, чтобы в следующую её остановку случайно попасть в картинку с очередным умным вопросом.

Невдалеке, в очереди дополнительных, пытались согреться ведущие «Школы злословия», совершенно озверевшие в этом унижительном ожидании на лютном зимнем ветру.

– Ты посмотри, – Дуня показала на Рейна. – Это какие же мелкие пакости, незаметные для других, надо делать всю жизнь, чтобы потом лизать жопу Туркменбаши, даже не понимая, как это гнусно?..

– Вот такие мелкие пакости – как эта, – отозвалась Таня. – Ждать холопами в холодной, пока барин изволит принять. Ну их всех в жопу, – предложила она. – Пойдём отсюда.

– Нельзя, – в зубовном перестуке отозвалась Дуня. – Интересы нашей телевизионной программы требуют подвига...

– А вы мне не поможете пройти? – безнадежно спросил Рейн у Дублина. – С вашими связями...

– Ты у них спроси, – Быков показал на Таню и Дуню. – Вот у кого связи...

Рейн поплёлся к злоязычным дамам, а Быков с Дублиным азартно следили за ним. Несколько минут назад они заключили пари, в котором Быков ставил на разнообразные проявления подруг, а Дублин – на их постоянство...

– Иди ты в жопу, – сказала Дуня, даже и не дослушав вопрос.

– К Туркменбаши, – уточнила Таня.

Быков с сожалением отстегнул Дублину очередной полтинник.

Мимо них снова проскрипел оскальзывающийся Ерофеев, догоняя оператора, снимающего списочную очередь.

– Вот вы мне, наверное, сумеете сказать, – Ерофеев остановился напротив Тани, отвернувшейся от телекамеры. – Кому на Руси жить хорошо?..

Дуня открыла рот, и... Быков снова отдал пятьдесят баксов.

Сейчас они с Дублиным очень заинтересованно следили за Ксюшей, которая, оказывается, была в съёмочной группе той же камеры, что соблазнила Ерофеева. Ксюша настигла своего оператора и взялась им командовать, указывая кого брать в кадр. Дублин веселился, а Быков наблюдал с опаской, понимая, что эту чучуду Таня и Дуня пошлют сходу.

Обошлось. Ксюша не решилась побеспокоить подруг и умотала за уплывающей камерой, сэкономив Быкову полста баксов.

– Ты не знаешь, откуда у этого гламурного недоразумения столько влиятельных заступников? – раздумчиво спросил Дублин.

– Ты её зубы видел? Наверное, она обучилась таким обалденным методам обрезания с моментальной реабилитацией – не повторить... Ну, а после этого ей естественно стать вроде крёстной матери...

По проходу между двумя замерзающими очередями, чуть заметно (одними глазами) раскланиваясь, смачно поскрипывал снежком Никита Михалков, споро и властно шагающий прямо к проходной. Весёлый, румяный, бодрый, в пальто нараспах – он, казалось, не замечал ни мороза, ни колющего ветра, ни завистливых взглядов.

– Ишь, гимнюково семя, – не осуждающе, а как-то восхищённо прозвучало из толкучки спецгостей.

– Кто что сказал? – Михалков резко остановился и подошёл вплотную к ограждению. – Кому тут не нравится гимн нашей Родины? Скучно стало? Так я вас, дорогие мои, сейчас развеселю. Мы сейчас все будем громко петь гимн России. Смирненько будете стоять и петь. Или, может, кто-то не будет?.. Бьюсь об заклад – все как один. Ну что – споём? Иосиф, голубчик, помоги мне...

Окоченевший Кобзон в заледелой шевелюре с трудом разлепил губы.

– Извините, Никита Сергеевич. На этом холоде я все слова не вспомню...

– Плохо, Иосиф. Вот поэтому ты культурным советником только в Москве, а не во всей России.

– Ваше превосходительство, – Рейн почтительно постучал пальцем в шикарную михалковскую спину. – Я знаю слова.

– Кто вы, голубчик? – Михалков с сомнением разглядывал Рейна, силясь вспомнить.

– Я – поэт. Первый поэт.

– Как же так, голубчик? А Пушкин уже не первый?

– Я в том смысле, что – среди современников...

– Может, вы белены объелись, дорогой мой? Разве мой папа уже не наш современник?

– Я не имел в виду...

– Рекомендации есть? – перебил Михалков блянье Рейна.

– Всегда, – Рейн копался в карманах огромной куртки. – Вот.

Рейн достал тонкую книжечку своих стихов «Беседы гениев» и показал титульную страницу, на которой чётким почерком было написано: «Недосягаемому учителю от преданного ученика. Иосиф Бродский».

Михалков поморщился.

– Другие рекомендации есть?

Рейн достал точно такую же книжечку и показал на её титуле надпись, сделанную прежним почерком: «Недосягаемому ученику от преданного учителя. А. Ахматова».

– Это – хорошо. И что же вы хотите, голубчик? – Михалков напрочь забыл, с чего завязался этот глупый разговор.

– Мне бы пройти, – Рейн указал рукою на кремлёвскую стену.

– Сегодня туда пропускают художников, дорогой вы мой. Если вы художник и народ вас знает, то смело идите.

– Так там охрана... пропуск...

– А охрана – это разве не наш народ? Я, например, иду спокойно безо всякого пропуска. Меня народ знает, потому что я тружусь для страны и для народа. Вот и проверьте, голубчик, знает вас народ или нет? А если вас не знают и не пустят, то подумайте, почему вас не знают и для кого вы трудитесь?..

– Как же – без пропуска, – не выдержала Пугачёва. – У тебя, Никита, не только пропуск куда угодно, но и спецсигнал где-нибудь прицеплен. Вот и идёшь с незаметной мигалкой.

– Никакой мигалки. Не верите? – азартно заводился Михалков. – Смотрите...

Он быстро проскрипел десяток метров до первого скучающего поста, заграждающего дорогу дальше – непосредственно к проходной Боровицких ворот.

– Документы? – милиционер неумолимо преградил путь.

– Какие документы, голубчики мои? – весело загомонил Михалков. – Вы что – не узнаете меня?

Подтянулось подкрепление, и постовые наглухо заблокировали путь к проходной.

– Будете нарушать – доставим в отделение, – грозно предупредил старший, подготавливая рацию.

Дальше покати́лась сцена, буквально из михалковского фильма.

– Смотри! – кричал режиссёр, – так смотри! – он поворачивался в профиль и скалил зубы...

– Извините, – совершенно неожиданно залепетал старший. – Не признали. Пра-апустить! – громко заорал он, раздвигая своих молодцов и перебирая пальцами, ловко засунутый Михалковым в его карман сто́льник баксов. – Приходите ещё.

– Жирно будет, – резонно проворчал Михалков и оглянулся на исходящих завистью коллег по культуре. – Ну, что теперь скажете? Вот вам проверка нашего труда. Попробуйте!

Михалков уже отворачивался уходить, когда заметил Станислава Говорухина, выбравшегося из накопителя и зашагавшего следом. Говорухин шёл с каменным лицом, чуть подрагивая холодной трубкой в стиснутых зубах.

– Вот ведь, старый дурень, – удивился Михалков и шагнул обратно к постовому. – Пропусти его, – подмигнул он, передавая ещё одну сотню.

Гордый Говорухин шёл вслед за Михалковым к проходной. Ему сейчас и встреча с Президентом была не нужна. Он прошёл самую главную проверку и буквально чувствовал, как завистливые взгляды прожигают его спину.

Михалков на всякий случай оглянулся, но, слава Богу, никто более не решился испытать на себе народную любовь.

Потом Геннадий рассказал, что на проходной, по команде Михалкова (который уже не скромничал показывать свой кремлёвский пропуск), Говорухина усадили пить чай и дожидаться сигнала на проход культуры. А Никита Сергеевич распорядился и наставлял, чтобы у посетителей изымались все заявления-кляузы-челобитные и складывались в его папку. Растолковав всё необходимое, он приветливо кивнул неприкасаемо-значительному коллеге и вышел на территорию Кремля...

Активная беготня разных посыльных указывала, что невыносимое ожидание заканчивается, и это придавало дополнительную энергию неприкасаемым бедолагам, пытающимся из последних сил кому угодно рассказать о своих заслугах. Правда, никто не осмеливался повторить трюк Говорухина, может быть, глубоко в душе сомневаясь в значимости этих своих заслуг.

Какой-то шнырь принёс персональные приглашения для Тани и Дуни.

– Какая разница? – фыркнула Таня.

– По пригласительным начнут пропускать раньше.

Подружки быстро переместились в накопитель напротив. Тут их сразу же радостно встретила Маша Арбатова, ещё минуту назад глядевшая неузнаваемым глазом, буквально – сквозь.

– Иди в жопу, – сказала Дуня.

– Нехорошо, – поморщилась Таня. – Эта феминистка будет теперь обвинять нас в мужском шовинизме.

– Действительно, плохо, – согласилась Дуня.

– Маша, – окликнула Таня Арбатову, – ты в Слискину жопу иди.

Быков только крикнул в досаде, доставая бумажник.

– Вот так ты и богатеешь на бедных писателях.

– Писатели обязаны знать жизнь, – усмехнулся Дублин. – Ладно, мне пора.

– Ты не идёшь на приём?

– Не успеваю. Не думал, что всё так долго. Оттуда уже будет неловко выбираться раньше окончания всего этого действия.

– Так дай мне свой пригласительный, – попросил Быков. – Если не жалко.

– Чего жалеть? – Дублин вытащил билет, но остановил руку. – Давай ты его у меня выиграешь?

– Опять пари? Какие условия?

– Ты сейчас подойдёшь к подружкам, и если они тебя не пошлют – билет твой. Ну, а если пошлют – с тебя полтинник.

– Девочки, не посылайте меня в жопу, – услышала Дуня и удивлённо посмотрела на улыбающегося Быкова. – Если вы меня не пошлёте, то Дублин даст мне билет, а если пошлёте – я ему должен буду полтинник.

– А нам что? – резонно спросила Таня.

– С меня полтинник, нет, – сотня, – Быков попытался остановить знакомое движение.

Дуня повертела сотенную бумажку, потом вернула и...

Дублин спрятал очередной полтинник и развёл руками.

– Совсем закрутился, прости, – Геннадий отвёл Юдина подальше от начинающейся операции по запуску в Кремль обледенелой элиты. – Позвони мне через пару дней. Я всё сделаю, не сомневайся. Надо бежать. Там сейчас начнётся такое!.. Ненавижу. То ли дело встреча с нашими – с чекистами или священниками. Каждый знает своё место. Есть. Служу Отечеству. Аминь...

* * *

Сейчас Юдин трясся в почти пустой поздней электричке, не давая себе забыть, что несёт она его в Новый Иерусалим, к Матвееву, который так неожиданно обрадовался его звонку и так настойчиво зазывал в гости, что просто грешно было бы обмануть ту чистую радость. Юдин вспоминал об этом, а потом снова забывался, цепляясь в голос Ольги и накручивая на эту неощупную ниточку видения какой-то невозможной будущей жизни, пока какой-нибудь всплеск снова не возвращал его в грохочущую электричку.

По вагону насквозь оглушительно прогрохала подкованными башмаками компания молодых пацанов в одинаковой коже курток и с одинаковым азартным безумием в прозрачных глазах. Стая бузотёров набилась в тамбур впереди, откуда тут же заблямкала матерщина их дружеского общения. Через несколько минут плотным чёрным комом они снова ввалились в вагон и забили собой проход впереди, нависая над одиноко сидящим кавказцем.

– Парни, – валите отсюда, – не очень громко бросил им Юдин. – Валите-валите, – подтвердил он в их удивлённые глаза.

– Ты, чмо, ...ать ...еть ...ля, – затарабанили в Юдина весёлые угрозы.

Они оставили забившегося в угол сиденья горца и всей чёрной тучей двинули на Юдина – кто по проходу, а кто напролом – высокими зашнурованными башмаками прямо по сиденьям.

– Ста-аять, – повысил голос Юдин, чуть вытащив руку из кармана – ровно настолько, чтобы можно было увидеть тусклую сталь пистолета.

Задние гомонили, напирая на остановившихся столбом заводил.

– Кру-гом и – на хер, – подтвердил Юдин свои намерения, вытащив ещё на чуть-чуть руку.

Бесенята потолкались, разворачиваясь, погломонили в тамбуре, поглядывая через разбитую дверь на вроде бы задремавшего Юдина, но налететь на него не решились и погромели вперёд по составу.

– Можно, я с вами посижу? – сын гор показывал на скамейку напротив.

Юдин пожал плечами.

Горец устроился, но всё не мог расправиться – так и сидел, вжав голову в плечи и поминутно оглядываясь назад.

– Они вернутся, – вдруг зашептал он со всё более сильным акцентом. – Прадай пушку, дарагой. Харашо заплачу.

– На хер, – еле слышно отозвался Юдин, не разлепляя глаз.

– Они меня унизили, – тихо прошипел сосед. – Как теперь жить?

Кавказец снова оглянулся, но уже не затравленно, а очень по-деловому, явно примериваясь глушануть беззащитно дремлющего Юдина.

– Не советую.

– Извини, дарагой, – горец опомнился. – Савсем голову потерял. Они шапку у меня...

Электричка завизжала, тормозя к остановке, и юдинского соседа смело на выход, а через минуту из тамбура шумно протопали несколько новых пассажиров, радуясь сомнительному теплу и мигающему свету вагона.

– Что же ты, Андреич, мне толкуешь одно, а сам, грят, подписал бумагу, чтоб этому убивцу памятник поставить? – новые соседи, пристроившись за спиной Юдина, продолжали свой неспешный разговор.

– Я тебе толкую, как всё есть на самом деле. А подпись – она к делу не относится. Мне за ту

подпись заплатили, аккурат на чекушку. Прямая выгода. Подпись не весит, а чекушка – она свой вес имеет.

– Ну, а как из-за твоей подписи в посёлке и впрямь станет памятник людоеду?

– Так что за беда? Ты раскинь, сколько бронзы. Одна голова, считай, пуда на два потянет. Да там одни усы будут килограммов на пять, не меньше. Это же сколько денег! Если ту башку регулярно спилать, так можно и жить.

– На такое дело очередь станет – недотолчётся...

– Договоримся...

– А что если не бронзу поставят, а мрамор или гипс какой?

– Не, на мрамор я не подписывал. Я – на бронзу...

– Деды, вы сдурели, – вмешался в разговор чей-то молодой голос. – Кто же это даст вам голову с памятника «спилать»? Вам за ту голову лет по десять лагеря отвесят.

– Живого человека за мёртвую голову? Это что же за закон такой?

– Вандализм, во-первых, расхищение государственного имущества, во-вторых, ну и ещё навесят до кучи. Понятно?

– Расхищение – это понятно. Такой указ уже когда-то был. Тот же Сталин и указал: три картошины с поля унёс и – десять лет. Тогда, что ж... Если законы такие, то самое время памятники ему...

Юдин снова выпал из раскачивающего электричкой времени.

Вроде, как и всегда, Юдин ехал, пересаживался, трясся, шёл, кружил какими-то мыслями и сквозил мимо каких-то людей. И всё-таки сейчас всё было совсем иначе.

Жил Юдин, наконец-то, в ритме пробившейся к нему извечной реки, слышал её голос и выверял свой слух, свои слова и свои движения её словарем и её течением. Не выверял даже, а подстраивал и подгонял всего себя к живому движению, принявшему его в своё дыхание. И он движется уже не сам по себе, а в лад главному движению вечной реки и с ней вместе. Река эта вымывает всякий мусор, лишний ей и плывущему в ней Юдину. Мусор отплясывает на поверхности, складывается в узоры с другими обломками и с обрывками каких-то событий, с колючками разных фактов, склеивается на мгновение в кошмарный образ и рассыпается снова, чтобы в следующее мгновение сцепиться в другое уродливое изображение Юдина. И всё это – похожие его изображения, портреты, составленные из настоящих его частей и обрывков, и всё это – мусор. Его так много, что, кажется, он и есть – вся жизнь, но это всего лишь мусор на поверхности реки, а Юдин плывёт в объятиях светлого течения жизни. Будет, может, впереди резкий выступ берегов, и тогда затормозит там весь сор, нагромоздится мёрт-

вым холмом, а жизнь проплеснёт дальше. Хорошо если и Юдин выплывает в ней, а не застрянет в водоворотах крутого уступа в завале всякого хлама. Впрочем, это как раз и неважно. Всё и без того – хорошо...

Но всё это – где-то внутри, или когда-то – потом, а пока Юдин тянул себя через длинные дни, заставляя доделать какие-то обязательные дела и выполнить какие-то лишь ему важные обещания. Тянул и заговаривал – лишь бы не всколыхнуть до поры туго увёрнутой переплеськ внутри – оглушал и заговаривался. Умудрялся временами терять себя в какой-либо серой складочке ненужного дня. Потом отыскивал и тащил дальше.

Мусор безжизненных слов тащился следом скушными строками, но, к счастью, не удерживался на странице и осыпался сором за край листа...

Когда-то давно свет, которым пульсирует жизнь, рождался одновременно со звучанием слова и втугую наполнял собой биение звуков. Однако в вязком болоте обыденности растекается и меркнет извечный свет, а звуки продолжают шуршать обвисшей оболочкой застрявших в памяти слов.

Когда же неожиданно пробивается к нам плотное биение истинного света – нет ему даже временного пристанища в защите прежних звуков, нет ему места среди распотрошённых повседневыми страстишками слов. Значит, суждено ему ещё быстрее и безнадежнее задох-

нуться в болотном чавканье, рассеяться холодными гнилушками меж зыбких кочек...

Юдин проснулся в раскачивающемся вагоне электрички и – задохнулся. Зачем он здесь? Да и вообще – зачем он?

Это поезд дёрнулся на стрелках и резко затормозил. Юдина садануло о переборку, вышвыривая из раскачивающих его видений. Он забарахтался, но ничего не держало его здесь – болочий груз памяти тяжким камнем тащил вниз, куда-то ниже дрожащего пола под самые колёса и в мельчайший размёт. Он хватался за разные соломинки: за лица людей рядом, за ускользящую причину своего здесь барахтанья, за что угодно, лишь бы повиснуть и отдышаться. Всё обрывалось, а голос в телефонной трубке ускользал и никак нельзя было за него ухватиться. Наконец удалось уцепиться за массивного Матвеева, подтянуть себя к прочному этому видению и выкарабкаться целиком, не выпуская из кулака памяти гомонящую на плече Матвеева рацию...

* * *

Рация болталась и что-то вякала, пытаясь докричаться до ушей постового, а сам постовой застыл в полном обалдении. Только сейчас сквозь непробиваемую самоуверенность дошло до него наконец, на какой край жизни выставила его эта вякалка.

«Остановить микроавтобус... номерной знак... следующий по направлению...» – чёртова дура квакала, а полный дурак Матвеев с кряхтениями перетащил себя на самую середину магистрали. Рафик мчал, вырастая из маленькой точки в быстрого жука, а Матвеев так и стоял, обиженно сопя и прикидывая, сколько рубликов он упускает из-за долбаной радиосвязи. Теперь не удастся этих горе-гонщиков раскрутить живой деньгой, а придётся возиться с разной протокольной мудистикой...

Только потом Матвеев уверился, что ничего ему не грозило – и мысли ни у кого не было размазывать его по дороге или ещё что. Ну, может, стукнули бы легонечко по башке, чтобы не гомонил сразу в свою гавкалку, не больше. Но это он знал только потом, а пока ещё – сопел посреди трассы, оцепенело глядя на весёлых парней в автобусе и на болтающиеся как ни попадя автоматы у них в руках. Так и стоял студенистой горой в остановившемся для него времени.

– Ну все, что ли? – засмеялся ушастый паренёк из окна.

– Эй, указатель, сдвинь на обочину, – хохотнуло рядом, и тут же обвалился на Матвеева сплошной хохот, совсем нестрашный и даже какой-то ободряющий.

Посреди этого хохота Матвеев необычно свежим и непривычным взглядом видел всё вокруг, и в этом взгляде невыносимо обрыдлой представлялась ему вся его жизнь. Будто бы и не жил

он, а дремал в ожидании, когда же она наступит, та самая жизнь, которую так долго он ждал и ждёт до сих пор на пыльной магистрали.

Вот притормозили весёлые парни. Неведомо и неважно почему трубит на них злобную охоту весь известный Матвееву мир. Сами парни начисто лишены злобы, и катят себе весело по каким-то своим делам, и плевать им на оцетившуюся страхом и ненавистью погоню – у них хватает каких-то иных забот и, главное, что заботы эти не вымывают дружелюбный покой на лицах в загнанный оскал, не выталкивают всю счастливую компанию в треск ответного ожесточения. Они веселы и счастливы посреди взбесившейся вплотную к ним жизни.

Почудилось Матвееву, что это и есть самое главное, на чём держится мир, – мчать в плотном сцеплении дружелюбных улыбок сквозь лающую погоню невесть куда, выносить из захватного оскала вокруг безмятежный хохот, и нестись, гнать, мчать, сколько будет сил, в надёжной защите спутников, в беззаботном счастье их слитной прочности, которого, наверное, хватает не только на всю компанию, но и на весь остальной свет...

– Возьмите с собой, – взметнулось помимо сознания в ту махонькую секунду, когда автобус, наполненный радостью и жизнью, фыркнул, отъезжая.

Невыносимым казалось, остаться навсегда на этой пыльной обочине, таскать долгие годы в душную нору скомканные чирики, дремать

дальше, а просыпаясь, вспоминать эту вот минутную встречу и свою непроходимую тупость. (Да пропади всё пропадом...)

– Возьмите! Я пригожусь...

Ни к чему больше все эти бумажки, протоколы, надёрганные из потрёпанных машин потрёпанные рубли – пропади всё...

* * *

Потный и раскрасневшийся постовой, всё ещё удивлённый своими же пониманиями и выкидонами, в разогреве ответного восхищённого удивления и в тесноте безбожно трясущегося по просёлочным колдобинам рафика, – таким сейчас и видел Юдин неповоротливого Матвеева где-то там, за толщей темноты, сквозь которую мчит электричка, за поддрагивающим отражением Юдина в её тряском окне.

Одуревшая сонная муха елозит на вагонном стекле, ползая по щеке юдинского отражения – так и трясутся вместе, так и несутся...

Похожая муха ползала и по щеке Матвеева, который в бессвязном перепуге даже и не замечал её – и не сгонял. Это было в зале суда, где бывший постовой клялся, что бандиты захватили его в заложники, но он всё равно оставался предан долгу и по всему пути оставлял записки с информацией о передвижении предателей.

А потом был новый Матвеев, щедро помогавший юдинским бойцам в обустройстве их вольной жизни. И ещё один Матвеев сегодня ис-

кренне радовался скорой встрече с Юдиным и готовится сейчас к этой встрече...

Но что там Матвеев! Юдин и совершенно разных Юдиных тоже мог бы вспомнить – до не счесть.

Например, Юдин, который что-то планирует, или тот, который исполняет план, или Юдин, вспоминающий о двух первых, – это один и тот же Юдин или – разные?

Будто автор, который пишет о себе, чтобы позже стать единственным читателем написанного. Вот Юдин, например, прочитав тетрадку Луки, дал себе слово опубликовать её. Однако потом решил дополнить легенды и фантазии из той тетрадки своими описаниями того, как всё было на самом деле. Так и получилось, что Юдин стал и автором ещё не оконченного текста, и его героем, и, если не удастся ему всё это опубликовать, – единственным читателем. Как же всем этим Юдиным примириться друг с другом?

Можно выбирать из такого треугольника разные пары, но взаимности симпатий заведомо не найти ни в одной из них. Заинтересованная привязанность этих не чуждых друг другу особ – даже она совершенно не симметрична.

Так они и живут себе один впереди другого с недовольными своими поглядываниями друг на друга. Разница между ними в каждой запятой – лишь временная, но и этого достаточно для сплетения целого клубка неодобрений, надежд и разочарований.

Герой может отставать от автора только на то время, которого требует запись или выстукивание на клавиатуре авторская фраза, но и этого времени с избытком автору, чтобы сверху вниз – через пробелы – поглядывать на безмозглые метания зелёного до глупости недотыки. Ну, а в сравнении с читателем сам автор – сопящий школяр, краснеющий каждым движением выправляющего карандаша...

Такая у них жизнь и такие привязанности между ними – сумасшедший дом, право слово.

Герой ничего не знает и просто себе живёт. Автор догадывается, куда, в конце концов, грохнется этот недоумок, но надеется, что всё ещё как-то обойдётся – ему ведь чуть погодя туда же громыхать. Ну а читатель всё уже знает и ни на что не надеется, а если посматривает на парочку придурков, то с одним лишь бескорыстным любопытством – как это его угораздило с ними связаться? Где это он пролопушил со своим выправляющим карандашом? Где начиналась чёртова та тропинка, что вдруг заскользила неостановимо в самый провал?

Герой, значит, живёт себе, скачет строчками направо-вниз, втягивает весь простор жизни вокруг в узкую стремительную воронку и крутится уже в ней неостановимо, но ничего ещё не зная. Автор замирает, но всё ещё надеется и потому норовит при каждом случае притормозить героя, расширить ему просторнее, чтобы подумал, балда, чтобы понял, сволочь, и увернул, пока не поздно, в другую лыжню – про-

шёл чтобы огибающим краем и удержался на листе.

Читатель же, естественным образом, смотрит на них с непередаваемым букетом разных добрых чувств – он так далеко и на такой скользкости, что далеко заодно и от благодарностей, и от любых сочувствий двум недоумкам, пристроившим его сюда.

Но и это ещё не окончание. Выползает пробел, точка, абзац, и даже автор уже ни на что не надеется, потому что текст живёт вместе с героем, и авторские попытки расширить или изменить пространство их жизни столь же нелепы, как и все эти дурацкие отступления в то самое время, когда Юдин качается в электричке один-одиёшенек среди ненужных ему людей... Нет, не один – с мухой на щеке своего отражения, то есть, скорее, качается он мухой на щеке своего отражения... Впрочем, и это – отступление, пауза, напрасная попытка удержать всё от обвала...

Так вот, наступает такое время, когда очевидно, что герой нинасколечко не зеленее двух других участников всей этой жути. Да и вообще они все успели уже поменяться местами над своей пропастью, и герой, который вроде бы ничего не знал, а просто жил и тыкался тупоголовым бараном под снисходительным приглядом двух старшеньких – он на самом деле всё знал много раньше.

Поэтому не надо связываться с героями, не надо быть читателем, а про то, что не надо быть писателем – про это написана целая литература...

Юдин подумал, что если бы он вставил в ту же тетрадь эти свои расслабленные кружения – эти попытки зашептать и заговорить себя, то непременно нашёлся бы какой-то высокомерный знаток, который снисходительно отплюнул бы юдинские мысли. Скушно, мол, бессильные, мол, потуги дотянуться до блестящего Венички. Но знаток этот, по разумению Юдина, – всего лишь шершавый чурбан. Он ведь и не старался понять, о чём там Юдин кружит или рассуждает, – он услышал грохот электрички и хлопает в ладошки свои: ага, поймал! ага, подражание Веничке! Того даже не видит, тупорылый, что шпарит электричка не в Петушки, и – главное – там, куда она шпарит, не ждёт Юдина... ну, вы и сами помните, кто...

И как можно не заметить, что в полёте восхитительного Венички – одна лишь любовь ко всем его соотечественникам, к тем даже, кто оказался в одной с ним электричке, – ко всем людям и навсегда. Как могут при этом вскруживания Юдина быть каким-то подражанием недосыгаемому поэту – ведь очевидней ясного дня, что людей Юдин не любит (вообще – людей, за исключением одного-двух... меньше, чем пальцев на его озябшей руке).

Только не надо возмущаться: «не» у Юдина отдельно и настолько отдельно, что в этом пробеле все вы можете спать спокойно. Да и достаточно с вас, что вас любил Веничка. И ему нынче – в его далеке – всего достаточно. В общем, всё в порядке, и порядок этот изменить нельзя.

Нельзя написать подражание Веничке, чтобы явиться к нему со своей любовью и сказать: «Вот я написал...», а потом услышать в ответ: «Посмотрите на этого мудака, он...» – ну, и неважно что дальше, так как ничего более нежного, чем «посмотрите на этого мудака» ты никогда в жизни не услышишь. Ничего этого сделать уже нельзя. Ты, конечно, можешь написать подражание, и можешь сказать кому-то «вот я написал», и даже можешь получить в ответ «мудака», но будет это всего лишь простое и точное определение, потому что если ты всё это сделаешь, так кто же ты есть, как не ясный мудака?..

Юдину пришло время выходить – и он отлепился от мухи, оставляя её на лбу кого-то другого, оставляя этого другого в вагоне, оставляя вагон... – выскользнул на платформу и, не оглядываясь (Правда ведь – не Петушки.), поскользился по ней и дальше, через пути, вдоль плотных высоких заборов.

* * *

Матвеев приготовил Юдину совершенную неожиданность. Из-за широкой спины хозяина, из-под его пухлых ладоней со всех сторон тянулись к Юдину захмелевшие улыбки, нетвёрдые руки и бессвязные восклицания. Почти вся прежняя компания из рафика, потрёпанная колдобинами последних лет и изрядно выпившая

в ожидании Юдина, гомонила и толкалась вокруг бывшего своего командира.

Весь этот гомон плотно уцепил Юдина в свои перехлёсты, и теперь можно было расслабленно висеть в нём, как в прочном гамаке, полностью отстранившись от своих огорчений, напастей и от самого себя.

В том же гамаке Юдина притащили к разгромленному столу, воткнули чуть ли не в середину – это уже сам Юдин подправил себя сбоку на стул, – опутали его целиком закусками, вниманием и плескающейся через край радостью, цепляя всё плотнее к своему захмелевшему вращению. Громкие тосты вызванивали безостановочно в его рюмку, подгоняя своей немногословностью поспешать вдогон разогнавшемуся вдрызг веселью.

Так и казалось, что качается он всё в том же рафике и быстренько укачивается напроочь, не в силах остановить круговое мельтешение ускользящих лиц. Застолье клубилось дальше в давлении небывалого ускорения. Юдин оставил уже где-то в стороне напрасные усилия догнать своих собутыльников или хотя бы пристроиться к кому-то их них рядом – каждый, на кого только ни качнись, немедленно размывался своей недостижимой для Юдина скоростью. Однако оставленные усилия не пожелали прозябать в сторонке и не оставляли Юдина, подталкивая его вновь к попыткам разогнаться хотя бы в скорости самого стола, чтобы не оскальзываться пальцами сквозь свою же рюмку.

Из разгорячённых испарений вокруг Юдин неожиданно услышал свой собственный голос: «Всё – готов» – это его счастливейшим образом и притормозило...

– Слаб-лей-те-хана-ш... – с трудом разделил Юдин на непонятные слова ещё более непонятные сокрушения качающегося напротив Андреева.

– Без привычки, – посочувствовал кому-то голос вроде бы Филипова, откуда-то слева и снизу.

– Потому как надо закусывыва-выть, – посоветовал споткнувшийся о рюмку Варфоломеев Филипову.

Филипов и правда был слева, только не снизу, а рядом и, ухватив его накрепко в свой зрачок, Юдин укрепился на стуле, уже не позволяя стулу раскачиваться под собой, а Филипову – вместе с собой.

Хватил он, конечно, изрядно в те быстрые минуты, когда каждый тянулся к нему со своим собственным тостом и неотвязчивым счастьем в косящих влажных глазах. Но не тяга к подобному же счастью подгоняла его вслед за разогнавшейся пьянкой – просто норовил он унырнуть сюда от своего собственного счастья со всем, что к нему там в придачу. (Правда – закусывать надо.)

Пьянка катила себе вместе с Юдиным и отдельно от него, так как все они здесь были вместе и всё-таки отдельно, и точно так же, как неверные пальцы, промазав через свою рюмку, вполне удовлетворялись наткнувшейся другой,

так и каждый из них был необходим всем остальным чуть ли не вместо каждого другого. Короче, главным выпивохой была компания – цельный и неразделимый весельчак, решивший хорошенько отдохнуть в шумном загуле.

Выпил он всё-таки не слишком... не перебрал – резкий хмельёж долбанул только из-за быстрого скачка в эту вот несусветность. Сейчас Юдин закусывал и отдышивался, восхищаясь тренированностью своих давних подчинённых. Они вроде бы и не пьянели больше – оседали плотнее и увереннее на стульях, размягчали плавностью свои движения и кружили дальше, сожалея, что Юдин их оставил, предал, убежал в кусты, под стол, в компанию ханжей, мудаков, трезвенников, занудных хлипиков, может, и хлюпиков, короче – вычеркнул себя из... из... и, значит, надо опять им всем выпить и осудить, чтобы неповадно...

Так и пили, начиная сначала все свои сожаления. Пили за Юдина и за то, что он оставил, следом – за кусты, в которые убежал, и так далее – по кругу, изредка всовывая в это кружение новый неожиданный гост. Выпили чуть позже и за то, что лейтеха, падла, ухмыляется и на самом деле он не лейтеха, а Ванька, который не слушает, но ест, и черт с ним. За Ваньку тоже выпили и тут же теперь его – осудили...

Буылки появлялись на столе откуда-то со стороны Матвеева, передвигались как по конвейеру вдоль и исчезали справа пустой тарой

под столом. Очень похожая на самого Матвеева хозяйка всё приносила и приносила тарелки с немедленно исчезающей закуской и с каждым её приходом за неё шумно выпивали, а она не уставала всякий раз смущённо вспыхивать. Впрочем, с каждым разом комплименты закручивались всё солонее и, наконец, хозяйка не выдержала силы собственного смущения, сообщив, что мужчины пусть себе отдыхают, а она не будет больше мешать и отправится к соседке-маме-сестре – никто не понял куда, но выпили за всех вместе.

Потом отдельными тостами долго переносили все кружения застолья на хозяина и всё-таки перенесли целиком. Матвееву уже и не выбраться было из направленных на него восхищений, благодарностей, здравиц, признательностей – из всего переплеска клубящегося неостановимо весёлого пьяного безобразия.

– Я же когда ещё говорил, что вам пригожусь, – вот и сгодился, – залиvisto хохотал хозяин.

Юдину он становился всё более симпатичен. Хлебосольный размах этого вот разгула щедростью и беззаботностью испарял в подогреве паров спирта все недоумения и несообразности рыхлого потного Матвеева. Юдин успел уже вместе со всеми осмотреть владения, в которых он так неожиданно оказался, и владения эти вызывали отдельное восхищение хозяйственным размахом, предусмотрительной запасливо-

стью и роскошными излишествами. Юдина же более всего подвинуло в симпатию совсем внезапное открытие: на втором этаже уютного особняка обнаружилась приятная и даже завидная библиотека – с полок подмигнули Юдину знакомые названия и имена. Может, совсем не зря были все их давние и дикие мытарства, если выскальзывает вдруг из них после всего непотребства совсем новый и щедрый Матвеев с книгами, которые ранее отметались им напрочь из жизни в ненужный мусор.

– ...ак же, ищи дурака, – выхвалялся тем временем Матвеев, – стану я за какой-то столтник целый день гарь на дороге глотать. Ты, Фомин, прежние мелочёвки забудь – сейчас если полштуки баксов домой не принёс – считай, день пропал.

– Мне бы так – выдохнуло от кого-то почти протрезвлённо.

– Так давай ко мне, – воодушевился хозяин. – Сразу много не будет, но притрёшься. Давайте все пристроимся в нашу контору, сейчас в милиции если с умом – лучшего не надо. Вот Фадеева я устроил – так он большой человек уже. Скажи, Фадей...

– Жить можно.

– Ты, Фадей, как был тугодум – так и остался. Если мы все устроимся в одной конторе и будем друг за дружку... Мы такое сможем проворачивать – остальным не снилось...

– Всё-таки не верится, – встрял опять Фомин, – полштуки в день – много...

Над Фоминым хохотали и уже не в силах были остановиться.

– Хоть бы раз во что-то поверил...

– Помните, как он самогонку нюхал?..

– Ему и тогда не верилось – попробовал уже, и всё не верилось...

– А самогонщик этот – не могу... сдохнуть с него можно было.

– А судья ему...

– Он чуть не...

Сам собой покатился из истеричного хохота раскручиваться давний суд в самодеятельном представлении. Матвеев оказался на месте судьи, рядом примостились кивалами Андреев с Филиповым и начали вспоминать, не выбираясь уже из повального хохота. Судья с кивалами прежде всего выпили и пили каждый раз после матвеевской скороговорки «суд, посовещавшись на месте, решил». Фадеев пытался играть свидетеля, выправляя постепенно реплики общей памятью прежних подельников.

– Вы подтверждаете, что усадили за свадебный стол подсудимых?

– Никак нет.

– Но они же принимали участие в свадьбе? Вот ваши показания на следствии...

– Принимали, но я – никак нет...

– Что – нет?

– Я – нет. Я не сажал. Я им решительно заявил – руки вон!

- Какие руки?
- Ну, когда этот вот полез шарить по полкам, я решительно...
- Что искал подсудимый?
- Известно что – самогон... И прошу с них сыскать. Значит так – три бутылки по десять литров... Прошу в мою пользу благодаря расходам...
- Так вы подтверждаете, что гнали самогон?
- Никак нет – не гнал.
- А что было в трёх бутылках?
- Вода... Честное слово – вода... Я и им, бандитам, так и сказал – никакой свадьбы, потому что никакой у меня выпивки, а в бутылках – их на полке углядел этот их – глазастый который...
- Фомин?
- Ну... В бутылках, говорю – вода... Так что – руки вон!
- Как же они оказались за вашим столом среди гостей?
- Так я и говорю: этот глазастый пошёл по полкам нюхать, а потом и спрашивает – вода? И я ему, как вам вот, говорю – вода и, значит, прочь, то есть вон!
- Что было дальше?
- Он, то есть бандит...
- Подсудимый, Фомин...
- Ну да, подсудимый бандит – он говорит гостям: «Желаете, мол, чуда?» А они с опаской спрашивают – какое-такое чудо? А он и говорит – хотите из воды получить самогон?.. Ну и, конечно, кто ж тут откажется? Так что прошу сыскать...

Теперь уже икали почти все, долго отходя от хохота и икоты, то и дело возвращаясь в истерические повизгивания.

– А ты-то... ты-то... ой, не могу... уч-тч-ите мои раз... разве-д-онесения.

Невероятным образом ураганная истерика вымела вместе с собой и окосение, возвращая все помыслы протрезвевшей компании к немедленному продолжению застолья.

– И вот что я вам скажу...

– Наливай полнее.

– Дайте же сказать, черти...

– Дайте ему сказать.

– Дайте сначала выпить.

– Пусть он скажет.

– Матвей, говори.

– Так вот что я вам скажу... Хорошо, что мы собрались и хорошо, что всё прошло. Начудили мы все, намудрили. Понапортили всего и себе, и друг другу. Потрепали – все всех... Каждый крутил – себе получше, и все мы – хороши. Давайте простим друг друга и простим Иссу, который втянул нас...

– Не тебе его прощать, – тяжким камнем уронил Юдин.

– Ты чего залупаешься, командир?..

– Никакой я тебе не командир...

– Ладно, чего сейчас поминать?.. Прошло и ладно. Матвей правильно говорит: все всех потрепали...

– Ты, Филипов, помолчи пока... Пусть лейтенант выскажется.

– Вот я и говорю – потрепали мы друг друга изрядно и надурили изрядно, только не всё равно, как кто кого и для чего трепал... И как выкручивал – каждый себе – тоже не всё равно...

– А как ты выкручивал?

– По-разному...

– То-то... Так что нечего тут расходиться. Прошло – и пора забыть. Время – дурное, мы были дурными... Прошло... Я тут книжку решил написать...

– Ты – книжку? Ой, не могу...

– Матвей наш – писатель...

– А что такого? Ничего хитрого. Объяснительных и рапортов столько приходится накатывать – собрание сочинений издавать можно... По правде говоря, это меня наш Иванов надоумил. Смотрю, а он на дежурствах строчит что-то в блокнот день за днём. Взял почитать, а это он, оказывается, про нас расписывает – как всё было. Только такую хрень пишет – на уши не надеть...

– Ну почему – хрень? Всё понятно.

– Это, Иванов, только тебе понятно, а больше никто не разберёт. У тя там, помню, с самого начала тако-ое... Сейчас-сейчас... Ага, вспомнил. Открываю я его блокнот, а там накарябано: «Всё началось с лова»... С какого такого лова, а?

– Ну, нас же послали Иссу ловить...

– Да кто так пишет? Ты, Иванов, сначала русский язык подучи, а потом уже пиши... Так вот, в книжке я, конечно, все наши дела несколько приукрасил с позиции художественной правды. И кое-что скрыл, и изменил немножко – книж-

ка ведь, а не протокол... Вот про Исса ничего плохого писать не стал. Я так думаю – про мёртвых не надо плохо. Давайте помянем его и простим...

– Я уже сказал тебе, сволота, – Юдин повысил голос до команды, и все привычно заглохли, – не тебе его прощать!

– Тише-тише...

– За что не люблю жидов – никогда не угадаешь, откуда у них крутанёт...

– Точно – не угадаешь... – Юдин тихонечко засмеялся.

– Катись-ка ты... – Матвеев старался говорить миролюбиво и даже подпустил в голос обиды, взывая к сочувствию остальных. – Поел, попил, отблагодарил и – катись. Мне скандалы не нужны.

– Ещё не отблагодарил...

– Нет, я их точно терпеть не могу, – Матвеев качнулся встать...

– Сиди, – в лоб хозяину, точно меж вытаращенных глаз, глядело пистолетное дуло.

– Ты... ты – сдурел...

– Тебя ещё на дороге кончать надо было, – Юдин оглядывал оплывшего Матвеева. – Исса не дал...

– Ты – это... ты – чего это?.. я же – так, а ты – сразу вот... Ты обиделся, что ли?.. и вообще... я – пошутил это...

– Пошутил и – ладно. Я – тоже пошутил...

От себя не убежишь, и все, что с нами случается – если хорошенько подумать и вспомнить себя целиком, – всё случается по справедливости. Вот...

Из лекций И. Матвеева...

Били Юдина долго и сильно. Били, чтобы опередить умелое его сопротивление, и били за то, что сопротивления не было; за то, что пушка его оказалась незаряженной и за то, что испугались этой пушки; за хихиканье его, за испорченный вечер, за сбитые свои кулаки, за то, что пил, собака, за одним столом с ними и за то, что брезговал, гадина, и, считай, весь вечер почти не пил; за всё это мерзкое племя, поганящее их жизни, за испоганенную свою жизнь... Били, как прежде пили – за всё и умело... без остановки и до конца.

«Кажется, – всё».

Так и не разобрал Юдин, чей голос это произнёс. Что-то лопнуло, и он с облегчением осознал, что теперь уже навсегда оставляет тяжкую землю. Он слышал боль и видел, как эту боль вместе с ним тащут... волокут... вбивают в какой-то забор, но всё это было уже отдельно от него, вернее, держалось с ним лишь петлёй боли. Откуда-то издалека нарастал стук сердца, и надо было лишь подождать, пока это раскачивающее биение не сорвёт его с болевой петли.

- Набрасывай на дерево.
  - Его забор держит.
  - Не удержит... обвиснет.
  - Вот и порядок. У меня так и написано –
удавился со стыда.
  - А как теперь?
  - Не бойсь, слушайся меня – и всё будет в
ажуре.
  - Дерево-то – осина.
  - В самый раз.
- Время исчезло.

Юдин окунулся в волны подхватившей его памяти и помчался в них, всё быстрее и всё выше поднимаясь над измёрзшейся землёй и над такими понятными человечками, мятущимися далеко внизу в такой простительной жажде своей личной правды и своей отдельной справедливости...

...удивлённо оглянулся и прервал свой трёп Танцор Пашка Савельев, снова попавший в свою очередную камеру и прикалывающий товарищам по несчастью байки, недавно услышанные от Луки...

...недоумённо взглянул на расписанный грудастыми мадоннами купол собственного своего храма коммерсант Марков, запершийся здесь без еды и питья несколько дней назад и беспрерывно строчивший что-то к изумлению заглядывающих в оконца родных и подчинённых...

...непонятный звук оторвал следователя Муравьёва от изучения старых архивных дел, по которым он старался восстановить истинную хронологию знаменитой операции оперативника Юдина...

...неожиданный прилив сил ощутил Столпин, уже не чувствующий ног и почти отчаявшийся в тюремном «стакане», где его нарочно забыли на целую ночь и куда в очередной раз он был водворён за свою упёртую строптивость...

Юдина вынесло к главной реке жизни, что недавно совсем открыла ему своё тёплое течение – единственно возможное тепло в этом замёрзшем мире. В переплеске волн до него докатили гортанные возмущения Иссы и испуганный голос Ольги. Он попробовал успокоить их и разлепил губы:

- Жотрясающая пизнь...
- Чего это он вячит? – спросил Симонов.
- Он тебя пизнью назвал, – хохотнул Матвеев. – Пизьдни его ещё разок...

Юдин ухнул куда-то вниз и попробовал уцепиться за мягкие гласные Ольгиного голоса, но не вытягивала память к тёплым звукам, а обваливала все их осыпью эха в единый с ним оползень.

Скользить ему в остановившемся времени – легко и свободно – навстречу нарастающему грохоту своего сердца. Скоро они столкнутся

в оглохшей неподвижной точке, и разлететься
им неощупной водяной пылью по мерцающей
поверхности пробившейся к нему извечной
реки.

Ему хорошо...

СОВЕТЫ. РЕКОМЕНДАЦИИ. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Примечания, составленные Н. Ефремовым

Необходимо информировать читателя (и заодно – напомнить автору), что причиной появления настоящей книги послужила просьба написать рекомендации для обеспеченных людей, которые могут попасть в неприятности уголовного преследования. Рекомендации для очень обеспеченных людей.

Нельзя сказать, что автор совсем уклонился от заказа, так как в тексте, при желании, можно выделить этот слой практических советов. Однако все-таки автор вместе с героями укатили достаточно далеко, и было бы полезным некоторые детали пояснить.

Следует уточнить, что для не очень обеспеченных сограждан (и для совсем необеспеченных) данные советы тоже могут оказаться далеко не бесполезными. Правда им придется в практической части некоторые рекомендации сопоставлять с уровнем своего неблагополучия.

ПАССАЖИРЫ

Пассажир – предполагаемая жертва, объект какого-нибудь жульничества, жертва обмана, мошенничества, насилия в том числе, жертва

правосудия. С этой точки зрения любой человек является пассажиром. Даже тот, кто до поры сам выступает в роли орудия обмана (или насилия, или правосудия) для других жертв (для других пассажиров). Естественно, что отличия пассажиров друг от друга не менее разнообразны, чем отличия остальных людей (но и не более). Бывают серьёзные пассажиры, а бывают и несерьёзные. Гнилые, сомнительные, упакованные, тупые, резкие, смешные, косячные, правильные... Все мы люди – все мы пассажиры.

I. КИРПИЧ НА ГОЛОВУ

¹ Приглашение к следователю

Вас приглашают зайти к следователю (дознавателю, просто – в отделение милиции или в прокуратуру). Это может быть рядовым событием, а может оказать серьёзное воздействие на вашу жизнь. В любом случае, вас приглашает само государство в лице этих своих чиновников. Поэтому не следует унижать ни себя, ни государство пренебрежительным отношением к предстоящему свиданию. Попробуйте настроиться соответствующим образом. То есть соответственно значимости события – встрече частного человека с государством. Может быть, и чиновник, приглашающий вас, по вашему примеру тоже настроится соответствующим образом. По крайней мере, для государства это будет определённно полезно.

Итак, вас пригласили. Если ваш процессуальный статус определён (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый), то вы должны знать, что существуют определённые правила для предстоящей встречи. Если эти правила вам неизвестны – поинтересуйтесь заранее. Хорошо бы, чтобы эти правила соблюдали чиновники, представляющие государство. В вашей власти соблюдать их самому. Это может быть полезным и для чиновников (и, в конечном счёте, для самого государства).

Если вам неизвестен ваш статус и приглашающий вас чиновник ничего определённого по этому поводу не говорит, то лучше и полезней (для всех) уклониться от незаконного (вне законных процедур) свидания. Посоветуйтесь с адвокатом. Если вы не хотите «портить отношения», то можете и пойти, но только с адвокатом. Если вы настолько не хотите «портить отношения», что решились идти на встречу при невозможности адвокатского сопровождения (уехал, заболел, умер), то, по крайней мере, поставьте в известность родных, близких, подчинённых о том, когда и к кому именно вы идёте.

² *Отношение к следователю*

Попробуйте удержаться от этого – от рукопожатий. Вы ведь встретились не на приятельских посиделках. Не надо опошлять эту важную встречу с государством и разыгрывать какие-то приятельские радушия. Ведь если вас объявят подозреваемым или обвиняемым, то следова-

тель уже не будет тянуться с рукопожатием и на ваше (коль придёт вам в голову) не ответит. Вот и вам незачем. Не для того собрались. Да и привыкайте: в тюрьме тоже рукопожатия не приняты.

Но удержитесь от хамства или пренебрежения. Ведите себя вежливо и внимательно. Это заразительно и, может, ваш собеседник, глядя на вас...

³ Допрос подозреваемого

Ваш процессуальный статус определён. Теперь, пожалуйста, успокойтесь и возьмите себя в руки. Вам не надо спешить. Вам надо быть предельно внимательным и не очень сообразительным. Вы не обязаны всё сходу понимать (да и кто вообще этот кошмар может понимать!), и потому вы спрашиваете, переспрашиваете и уточняете. При этом вам не обязательно понимать и разъяснения. Попросите пригласить адвоката, если вы пришли без него. Хорошо, пусть придёт дежурный адвокат. Он обязан давать вам разъяснения по ходу процедуры предстоящего допроса и (очень возможно) задержания.

Итак, вежливость и желание понять. Вам начинают что-то говорить и о чём-то спрашивать. Давайте всё это будем фиксировать в протоколе. Только пусть вам дадут бумагу, так как вы лучше формулируете свои мысли на бумаге, и так вам будет удобнее отвечать. Да и понимаете тоже лучше, если записываете вопрос на бумаге.

Эта бумага с записями поможет вам не только спокойно и защищённо себя вести, но и в дальнейших обоснованиях всех случайных и специальных отступлений следователя (дознателя) от законных требований. Вам не дали бумагу для записей (им некогда или ещё что – неважно)? Тогда попросите записать это ваше недоумение в протокол.

Если следователь продолжает разговор, но протокол не ведёт, пусть говорит сам. При первом же обращении к вам, попросите его начать допрос и вести протокол.

Первая страница должна быть заполнена. Настойчиво требуйте этого. Может, следователь шутит и никакой вы не подозреваемый, а потому пусть всё это запишут. Там, на первой странице, и должно быть всё указано, вплоть до номеров статей подозреваемых за вами деяний. Все эти данные хорошо переписать для себя.

Если вы подозреваемый, то вам должны разъяснить, в чём конкретно вас подозревают.

Допустим, следователь объявляет, что вы подозреваетесь в уклонении от уплаты налогов, и начинает о чём-то спрашивать. Остановите его. У адвоката (мы рассматриваем случай, что адвокат – чужой, потому что со своим всё проще: он сам будет подсказывать вам ваши действия) поинтересуйтесь, правильно ли предъявлено подозрение. Попросите следователя записать в протокол, что вам было предъявлено такое-то подозрение, и адвокат такой-то подтвердил, что оно предъявлено правильно. Попросите у адво-

ката показать вам то место в соответствующем кодексе, где регламентируется процедура предъявления подозрения. Не потому, что вы не верите ему. Человеку свойственно ошибаться и забывать, но для адвоката это может быть мелкой ошибкой, а для вас вдруг окажется крупной неприятностью. Если он отказался копаться в кодексах, то продиктуйте следователю для записи в протокол это своё удивление.

Видите, сколько они уже наворотили, подминая под себя закон, и только по той причине, что вы со следователем по-разному понимаете требования о конкретности подозрений. Допустим, через час препираний вы можете намекнуть, будто где-то слышали, что подозрения должны быть конкретными. Что значит – подозрение в неуплате налогов? С какого именно дохода? В какой сделке? В каком году? Это следствию неизвестно? Тогда это, по вашему мнению, не может предъявляться в качестве подозрения. Давайте полистаем законы. Не хотите? Тогда и это удивление стоит записать в протокол.

И всё это – только ещё по объявлению вас подозреваемым. Следователь пока не продвинулся ни на шаг, а уже зафиксировано столько упущений, что недалеко до начальственного втыка. Если следователь отказывается записывать в протокол ваши недоумения, то не огорчайтесь и на любой его следующий вопрос диктуйте их заново, мол, прежде чем ответить ля-ля, я бы хотел заявить, что...

А в конце ещё будет процедура подписания протокола! Читайте медленно и спрашивайте всё непонятное. Потом исправляйте. Если вам не дают весь протокол, а предлагают подписывать по листкам, то на первом же – в месте для подписи – так и напишите: хочу, мол, читать весь протокол. Если на странице нет места для исправлений того, как следователь переиначивал ваши слова (вот где вам пригодятся записи на своих листах), то в месте для подписи можно написать: исправления для этой страницы под таким-то номером в конце протокола.

Все пустые места перечёркивайте. Если следователю это не нравится – напишите в протокол и об этом: мол, крики следователя мешают нормальному законному допросу. Когда всё исправили, можете подписывать. А можете и тогда отказаться от подписи. Например, из-за того, что в протоколе все ваши слова переиначены, а листки с исправлениями в конце протокола вдруг да потеряются. Пусть он уверяет вас в обратном...

Это модель для поведения. У вас всё будет иначе. Но и там – у вас – не спешите. Никогда не спешите и не верьте, что, давайте, мол, быстрее и – по домам...

4 Поведение со следователем

Хамить никогда не следует. Будьте самодостаточны, но очень вежливы. Очень вежливы, но – без угодничества и без стремления понравиться. В этом следует тренироваться ещё на

воле. Это полезно и на воле, не менее, чем в тюрьме. Я вас вижу таким, и таким вы мне нравитесь, хотя вам на мои симпатии и наплевать...

⁵ Угроза силового давления

Лично вам вряд ли грозят силовые воздействия следствия, а уж тех пыток, с которыми повсеместно сталкиваются ваши не столь богатые соотечественники, – вам и вовсе, наверное, не стоит опасаться. Только если вас вдруг заметут по какому-нибудь теракту да ещё с явными подозрениями. Надеюсь, это вас минет.

В обычном случае вас могут слегка помять при задержании, и не из личной неприязни, а только потому, что так они научены задерживать (лицом в асфальт, ногой на спину) – иначе не умеют.

Подумайте вот над чем. Если вас «помяли», пусть и случайно, у вас, конечно, найдётся способ непосредственным виновникам отомстить, привлечь, наказать. И зная об этом, ваши противники вряд ли решатся унижать вас побоями и другими штучками из своего богатого арсенала. Но станете ли вы выставлять на публику эти унижения? Пойдёте ли добиваться справедливости через суды? Тоже вряд ли. Этот путь вам заказан. Потому что, может, ваши коллеги-партнёры по бизнесу (и по общению) вас и пожалеют, но в их отношениях с вами останутся – скажем так – неприятные сомнения. Никто не станет прежним образом вести дела и отношения с человеком, который позволил себя унижить (да, отомстил, но...).

Разве не так? Если я не ошибаюсь в этой психологической особенности вашего сообщества, то вам всё-таки надо быть очень осторожным. Потому что и ваши противники знают об этом...

6 Адвокат

Адвокаты, конечно, у вас есть. Правда, они, может, пока не нацелены на поворот вашей жизни и своих обязанностей в уголовные заботы. Обеспокойтесь заранее. У вас должен быть грамотный и абсолютно надёжный адвокат, который при первой необходимости подтянет своих коллег.

Знаменитых – для привлечения внимания к вашему делу. И незаметных, но хорошо знающих следовательно-судейский мир именно вашего места обитания (и преследования). Может, вместе учились, парились в одной бане, работали. Их много – адвокатов из судей и следаков. Эти могут своими связями и вашими деньгами без шума договориться, обеспечить хорошие условия в тюрьме, решить много практических задач жизни под уголовным преследованием.

И не пренебрегайте собственным самообразованием. Адвокат – это врач, но больной пациент начинает быстро разбираться в происходящем несчастье. Разумный пациент. Надеюсь, вы не относитесь к тем, кто выставляет пузо, мол, я тя нанял, и ты всё делай, а мне эту арифметику вашу знать в падлу.

Впрочем, вы же читаете сейчас мои советы и, значит, – не относитесь.

В общем, вам надо самому хорошо ориентироваться в коридорах законов, под прикрытием которых из вашей жизни могут сделать несколько эпизодов уголовного дела. В конечном итоге, именно вы будете принимать решения по стратегическим вопросам своей защиты. По советам адвоката, но решение – ваше. Не печальтесь. Это знание вполне подъёмно (не бином). Никаких особых способностей не требуется. Только логичность мышления и хорошая память.

⁷ *Готовность к обыску*

Подумайте заранее о возможности обыска и изъятия нужных вам и вашему делу документов или вещей. Я говорю о заблаговременном копировании необходимых документов и о разумном хранении того, что не должно обнаружиться на обыске.

А вот заблаговременность каждый должен определить сам. Поверьте, что внезапностью снега в летний день обыск не бывает. Вами интересовались, вашей деятельности оказывалось излишнее внимание, кого-то из близкого круга вызывали на допросы – судьба вас предупредила, что же вы?..

⁸ *Стукачи*

Мы постоянно забываем, сколь обширен институт стукачества. Не по службе, не по злобе, просто так заложить ближнего – это на каждом шагу. А вместе с теми, кто по службе или ещё

по какой необходимости, – их же больше, чем населения в стране...

⁹ Допрос свидетеля

Хорошо бы таким взглядом извне наблюдать все свои разговоры с работниками правоохранительных органов – будто снимать на камеру. И говорить так, чтоб не стыдно было показать эту плёнку кому угодно.

Остановимся немного на вашем возможном положении свидетеля (в каком качестве себя и вспоминает герой). Собственно, к вашему поведению в качестве свидетеля у меня те же самые пожелания, что и к вашему поведению в качестве подозреваемого. Протокол, вежливость, настойчивость и т. д. Попробуйте в целях тренировки отказаться давать подписку о неразглашении. Её требуют практически у всех свидетелей. Даже если вы согласовали с адвокатом, что в конце концов дадите эту подписку, попробуйте добиться разумных объяснений этому требованию.

Вы никаких тайн не знаете, обо всём говорите открыто своим друзьям и знакомым и не хотите лишать себя этой свободы. Это – ваша позиция. Закон даёт следователю возможность при необходимости истребовать с вас подписку о неразглашении. Вот и попытайтесь выяснить, какая возникла необходимость? какие тайны стали вдруг вам известны? что таинственного сообщил вам следователь?

Оказывается, ничего. Или тайна – сам факт вызова на допрос? Попросите следователя воз-

держаться от сообщения вам следственных тайн – и не надо будет никакой подписки.

Главное, все свои несогласия к разъяснениям следователя требуйте занести в протокол, что трудно, так как подписку предпочитают у вас взять до начала любых допросов. А вы не давайте. Это – часть вашей свободы, и что же за просто так самому её отдавать?!

А вдруг они хотят применить к вам недозволенные методы допроса и берут подписку, чтобы вы не могли об этом рассказать? Вы же можете предполагать такое. Вот и спрашивайте прямо – собираются или нет? Поэтому берут подписку или не поэтому? А если не поэтому, то – почему?..

Должен сказать, что очень трудно убедить вас в необходимости столь нужной следователю подписки. Кстати, если вы подписку не дали, то привлечь вас за разглашение тайны следствия невозможно. Так зачем вам её давать? Чтобы вас из свидетеля не сделали обвиняемым? Чтобы «не портить отношения»? Поверьте, обвиняемым вы станете или не станете совсем из других соображений. А отношения? – это мы проходили...

И, давая подписку об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, уточните, правильно ли вы понимаете – заведомую ложность. Это, мол, когда знаю, что ложь, но утверждаю эту ложь, – так?

Следователь с удовольствием пояснит. И у вас появится в какой-то момент допроса замечательная возможность отказа от ответа на том основа-

нии, что следователь, мол, добивается от вас лживых показаний, а вы знаете, что это – ложь, и получается, что следователь принуждает вас к заведомо ложным показаниям, но вы дали подписку...

Много интересного и даже забавного может происходить на допросе свидетеля. Держитесь спокойно (постарайтесь) и достойно. Чтобы не стыдно было смотреть запись вашего допроса. Вас же снимают. Всегда. Не они, так Он. Я на вас надеюсь...

¹⁰ Не проситесь к следователю

Не надо. Не суетитесь. Не следует напрашиваться к следователю. Сокамерники, если они будут, могут счесть вас стукачом. Но и без сокамерников – не надо. Следователю нужно будет – вызовет, а у вас всегда найдутся более важные заботы. Вам о жизни подумать...

II. ИГРА В «ТЮРЬМУ»

¹¹ Изучайте тюрьму

Например, здесь вы найдёте много информации о тюремных нравах и обычаях:

[http://www.index.org.ru/turma/so/;](http://www.index.org.ru/turma/so/)

[http://tyurem.net/;](http://tyurem.net/)

[http://www.prison.org/index.shtml.](http://www.prison.org/index.shtml)

¹² Изучайте тюрьму

В этих текстах можно прочитать много толковых советов о правильном поведении в тюрьме:

<http://www.index.org.ru/mayday/pasko/pryanik.html>;

<http://www.index.org.ru/ostrova/albreht.html>;

<http://tyurem.net/books/pawlow/>;

http://www.prison.org/lib/sov_pris/index.htm.

¹³ В камере

Рассмотрим эти примеры поведения в камере из авторской фантазмагии. Кстати, фантастические допущения позволяют точнее почувствовать всё подминающую реальность тюрьмы, которая без какого-то сильного удивления приняла бы в себя и зелёного инопланетянина, не то, что туриста. Приняла, пережевала и превратила в своего туземца.

Так вот, указанные примеры – это примеры неправильного поведения в камере. Не надо завоевывать популярность, не надо выставлять свои умения и заслуги, не надо задевать и раздражать, но и восхищать – тоже не надо. Камера живёт своей жизнью, и её обитателям нужна спокойная жизнь с разумными и бесконфликтными отвлечениями.

Успешное обустройство бостонского коллекционера могло произойти только из-за коктейля из удивительной его неприспособленности к этой камерной жизни да из его потрясающей наивности и искренности, которые поначалу способны вызвать сильное сочувствие. Вот на этом всплеске доброты он и воспарил. Но через несколько дней интерес к его знаниям должен

был угаснуть, а его неистребимая наивность начала бы вызывать раздражение стиснутых в камерную тесноту людей. А если взять в придачу постоянные и неизбежные ошибки (косяки), вызванные его неприспособленностью, то положение его в хате могло бы через некоторое время оказаться чертячим (если не хуже).

14 В камере

Надо понимать, что из хаты Нешейха не выбивали ногами или кулаками. Он выламывался сам, спасаясь от плещущей вокруг злобы. Ему могли настучать по башке, да и стучали. Его могли ставить стоймя, не давая прилечь. Ему могли угрожать петушиным будущим, потому что на некоторых зонах гуляет поверье, будто если храпуна «прочистить» с другой стороны, то он перестанет храпеть как миленький (правда уже – в петушатнике).

Находите с хатой общий язык. Выламываться из хаты – последнее дело. В новой хате вас после этого встретят с таким прессом подозрения, что найти своё место в ней будет ещё труднее.

Так и пойдёт, загоня человека и вгоня его в другой камерный статус. Положение в хате – это как кредитная история. Испортил – и этим уже испоганил себе жизнь много вперёд.

15 Занятия для тюрьмы

В тюремных условиях, добившись полной изоляции, можно заставить человека поверить в любую чушь. Но не любого человека. Постарай-

тесью быть самодостаточным. Сейчас вам некогда думать о посторонних вещах, но как-нибудь составьте список того, о чём бы вам хотелось подумать и в чём бы вы хотели разобраться, если бы у вас появилось время. Понять красоту стихов и научиться разбираться в них? Научиться рисовать? Играть в шахматы? Выучить японский? Изучить историю? Юриспруденцию?..

В общем, составьте список и поручите подобрать вам походную библиотечку по этому списку. Если, не дай Бог, у вас появится неожиданно много тюремного времени жизни – вы будете знать, чем его занять.

¹⁶ Тюремные традиции и понятия

Не стоит отмахиваться от столь нелицеприятных оценок.

Нас долго (думаю, специально) настраивают на то, что тюремные понятия противоположны всем человеческим и разумным нормам, которые, мол, защищает закон. Будто понятия – это антипод закона. Так и трендят, надо, мол, научиться жить по закону, а не по понятиям. И в доказательство античеловечности понятий демонстрируют разную блатоту – пальцы в растопырку. Вот, мол, они и есть олицетворение понятий.

Всё это обычная ловкая подмена.

Тюремные понятия – это кодекс чести сообщества, помогающий держаться и выживать в нас именно человеческим качествам в условиях, прямо скажем, не слишком приспособленных для такого выживания. Внутренний кодекс

чести так и возникает: в окружении мира, где становится трудно отстаивать справедливость. Этой жадой справедливости такие кодексы рождаются, помогают выживать отдельному сообществу и, в большой степени, сами формируют это сообщество. Как правило, кодексы чести не противоречат и не противостоят справедливым законным устоям государства, которое включает в себя данное сообщество. В отличие от законов государства эти кодексы более жестки и определённы.

Блатота, стихийно приватизирующая право толковать тюремные понятия, имеет к ним такое же отношение, как и зажавшиеся продажные чиновники к государственным устоям, которые эти чиновники тоже стараются приватизировать и толковать в свою пользу на беду государству. Вот и блатота всё делает в свою пользу и на беду тюремному кодексу. Но понятия – это не блатота. Это закон – правила человеческого общежития в нечеловеческих условиях. И понимая (чувствуя) суть этого закона, всегда можно согнуть под него любую блатоту и их растопыренные пальцы. Точно так можно согнуть под государственный закон и чиновничью блатоту, которая этот закон извращает. Так что противостояние добра и зла проходит не по границе понятия – закон, а по границе блатота – закон (в тюремном мире – это противостояние уголовной блатоты и тюремных понятий, в вольном – чиновничьей блатоты и законов государства).

Иногда те же обманщики и мастера подмен, которые твердят об античеловечности понятий, демонстрируют в качестве примера таких понятий расхожее присловье «умри ты сегодня, а я – завтра». Это не норма тюремных понятий (тюремного кодекса). Как и вольная истина «не подмажешь – не поедешь», или, в более распространенной интерпретации: «не объ-ёшь – не проживёшь». Такие истины – это правила благодати, стремящейся подмять под себя законы чести, или законы тюрьмы, или законы отечества.

А вот истина «не верь, не бойся, не проси» – это истина из тюремных понятий, настраивающая тебя на самодостаточность, гордость и независимость (как никак, ты же – по Его образу...). И требование «отвечать за слова» – из кодекса тюремных понятий. Уверяю вас – очень мудрая норма в нашем прогнившем ложью болоте. А уж в омуте тюрьмы – эта истина может оказаться для вас самой надёжной соломинкой спасения.

Так что не надо мести метлой как ни попадя. В частности, не надо стараться обмануть, наобещать, урвать и смыться. Отвечай за слова! Не болтай, не думая.

Полагаю, что это верная норма не только для тюрьмы. Слово в человеческой жизни – это же не какое-то прочищение горла звуками. Это – творческая сила, преобразующая саму реальность, как Бог. И ведь любой знает – оно и было Богом, пока мы из него не сделали всё, что теперь имеем...

17 Следователь

Вам может казаться, что следователь непрерывно занят вами. Вот он думает, как вас ушучить. Вот он узнаёт, как вы там – не сдались ли ещё? Вы представляете свой с ним поединок, рассчитываете время каждого раунда, прикидываете даты получения ваших заявлений и жалоб и намечаете даты его ответных ходов. Это иногда помогает вам держаться. Забудьте. Займитесь лучше шахматами.

Как правило, следователь вспоминает о вас только, когда подошло время допроса или какого-то иного, связанного с вами действия, а подробности и тогда вспоминает с трудом. Приходится сверяться с документами. Если бы не ваши миллионы, то он бы и имя ваше вспоминал только, открывая папку с делом. Не думает он о вас. Вы – материал его работы. Работу (вас) надо сделать – и всё. Сделаешь – может быть хорошо (благодарности, звёздочки, бляшки-орденашки). Не думает. Кроме случая, описанного в тексте, но и там следователь не думает о подозреваемом как о человеке. Это вроде кафельной плитки, которую требуется наклеить на данную стену, а она, сволочь, не держится.

В общем, следователю лично на вас...

III. МУРАВЬИНАЯ ПЕСНЯ

18 Следователь

Следователь – это ваш противник. Не больше (но и не меньше). Не враг, не исчадьё ада, не

людоед, не садист, и хорошо бы именно так его воспринимать, чтобы случайно своим неприятием и своей ненавистью не превратить его во всё это очень неприятное отродье. Рассмотрите в нём человека. Служащий, замотанный на работе, по мере сил и умений исполняющий приказы начальства – с какими-то своими тараканами и идеалами. Сам по себе он заслуживает и сочувствия, и любопытства. Вам сейчас не до того, но, поверьте, что ваше благожелательное сочувствие практически всегда отзовется таким же сочувствием к вам.

Так вам будет лучше общаться вне протокола. Может даже, ваш следователь более всего полюбит это общение вне протокола и будет со вздохом и огорчением возвращаться и возвращать вас к скучной необходимости допроса. Тогда он вряд ли станет вкладывать в сам допрос всю душу и всю изобретательность. Может, и не получится вызвать к себе его расположение, но все равно не превращайте противника во врага.

Но и сочувствуя ему, не поддавайтесь на его уловки, обещания и посулы. Кстати сказать, все эти уловки, как правило, достаточно примитивны. Вот он посмотрит в папочку и скажет, например: «А у меня здесь совсем другие сведения». Не надо вскидываться, и любопытствовать, и спрашивать про его сведения. Плевать вам на его папочку и на его дела...

Попробуйте совместить: интерес к человеку-следователю (внимание, сочувствие, доброжелательность) и полное наплевательство на его

служебные выверты. Здесь вы с прежней вежливостью стоите на своём – со всем к нему почтением...

19 Допрос

Лекция следователя и есть – подробная рекомендация для оптимального поведения на допросе. Перечитайте ещё раз. Обратите внимание на собственноручные показания. Закон предоставляет вам право все показания и все свои ответы на вопросы записывать собственноручно. Следователи этого не любят – настаивают, уговаривают, но, в принципе, какое вам дело до их резонансов? Вы всегда можете потребовать соблюдения этого законодательного права.

Следователь рисует свой вопрос, и вы – не спеша, очень внимательно – записываете свой ответ.

Это непростое дело. Вам надо быть предельно внимательным, формулируя свои мысли. Старайтесь быть определённым и аргументировать точно, не допуская двусмысленных толкований.

20 Задержание

Очень надеюсь, что эта часть лекции следователя разбудит вашу фантазию. Например, представьте, что у задержанного изымают его ши-икарные часы (я не знаток в ваших престижных марках), на задней крышке которых какая-то такая гравировка: «Помню. Ценю. В. Путин». Забавно было бы поглядеть на сле-

дователя в такой ситуации (когда ему доложат про часики). Или для домашнего обыска приготовить какое-то фото (монтаж, компьютер – мало ли способов) в обнимку с Персоной-Ого. Кстати, персону можно выбирать не самую главную для страны. Достаточно выбрать влиятельную или опасную для ваших прокурорских или милицейских противников. Вы ведь намного раньше почувствовали недоброжелательность этих своих противников? Вот и готовьтесь.

Ну, а если не почувствовали, то пусть персона будет из главных...

Фантазируйте и готовьтесь...

21 Откупиться

Попробуйте непременно. Предлагайте достойно, без просительной суеты. Предлагайте как деловой проект. Вам, мол, любая задержка вылетает в такие убытки, что данный жест – нормальный деловой вариант. Ну, кому лучше от того, что рухнет ваш бизнес, и вы не сможете даже этому следователю предложить даже такие деньги? Пусть оформит, как ему удобнее – залог или что там – а мне, мол, пора к делам, право слово...

22 Беседа

Речь следователя содержит точный разбор того, как не надо себя вести в беседе с представителями правоохранительных органов. Если на беседе вам объявят, что вы – свидетель, или

обвиняемый, или неизвестно кто, всё равно, не делайте тех глупостей (скажем мягко), которые наворотили студенты и о которых следователь им говорит.

Кстати, согласие явиться на какую-то непонятную беседу – это чаще всего сито, которым следователь просеивает вас, перебирая возможные варианты воздействия. Ему-то хорошо известно, что законом такие беседы не предусмотрены. Согласившись на беседу, вы проиграли самый первый раунд. Вы согласились с тем, что он – главней и может вами повелевать. Не именем закона, а просто потому, что околачивается возле закона, которого вы побаиваетесь. Вот этим вашим страхом он уже вас схватил за горло...

IV. МОЖЕ БОЙ

23 Болезни

Героиня и сам герой не предусмотрели ещё один очень полезный спасательный круг. Болезнь. Труднодиагностируемую и требующую специального лечения болезнь, которая может не проявляться внешними явными признаками. Например, рассеянный склероз или саркаидоз сердца. В общем, надо предусмотрительно найти себе такую болезнь и приготовить все бумаги, подтверждающие её наличие. Думаю, при ваших финансовых возможностях это – небольшая проблема.

О болезни надо заявить сразу и требовать занесения в протокол этого заявления. Если на

вас нет явного заказа с кремлёвских вершин, то такая ваша болезнь сможет стать надёжным бронезилетом от разнообразных обстрелов уголовного преследования. Даже если есть заказ – эта защита всё равно будет работать. Никому не хочется прослыть садистом, и вашим преследователям – тоже.

Ну, а если вы и на самом деле больны (я не о стрессе, вызванном всем кошмаром, случившимся с вами, а о хронических заболеваниях), то трубите об этом постоянно и требуйте соответствующего ухода. В терпеливое мужество будете играть потом, а здесь – вопите вперёд любого обострения и вперёд самой боли...

²⁴ Гигиена и здоровье

Героиня не озаботилась предметами гигиены. Это чрезвычайно важная сторона тюремной жизни. Зараза бродит по тюрьмам с хозяйственностью тараканов, которых, кстати, сами арестанты не должны изгонять или уничтожать, так как именно они и есть – хозяева тюрьмы. В общем, заразы вокруг столько, что удивляет одно: почему не все тюремные обитатели смертельно и неизлечимо больны.

Полагаю, в экстремальных ситуациях вообще и в тюрьме, в частности, у человека мобилизуются защитные силы организма. Помогайте им. Не падайте духом. Старайтесь делать зарядку. Даже в прокуренной тесноте камеры старайтесь, а на прогулке занимайте себя физкультурными упражнениями постоянно. Повышайте

нагрузки. Не позволяйте своему телу (и духу) опускаться.

И следите за чистотой – своей и непосредственно вокруг себя. Не превращайте это в паранойю, но элементарные нормы гигиены и предосторожности соблюдайте всегда. Вам это будет проще, чем остальным обитателям, так как вам многие будут создавать более человеческие условия, но, попадая временно и в условия одинаковые для всех, не оставляйте усилий по поддержанию своей чистоты и чистоты своего места. Не дай Бог попасть в инфекционное отделение тюремной больнички. Это – не описать. Вы видели киношные фантазии по поводу медицины в Освенциме или Бухенвальде. Так там сказка...

Вам нужны обязательные тапочки для бани (грибок в тюрьме и болезнью не считается), всегда меняющиеся и чистые средства личной гигиены. Ваши родные должны собрать соответствующий набор предметов, но тщательно его минимизировать. Банные тапочки, например, можно пошить из плотного целлофана, сделать на резинках, как носки, но с тонкой резиновой подошвой. Легко, маломестно и надёжно в защите. Постельное бельё можно сшить конвертом, чтобы из простыни был сделан как бы чехол для спального мешка. Так продумывайте исполнение всех предметов.

И ещё. Заранее обеспечьте себя обследованием знающего диетолога и составлением своей диеты для жизни в тюрьме. Не надо никаких

излишеств. Если обжирались вкуснятиной на воле, то сделайте полезный перерыв, а если и на воле блюли себя в сдержанности, то тем более не надо распускаться в безделье тюрьмы. Ваше положение поможет вам обеспечить себя практически любыми продуктами, но лучше всего, чтобы ваша диета стала такой, когда в необходимых посещениях тюремного толчка (извините за эти подробности) вам бы не надо было пользоваться туалетной бумагой. Вот пусть диетолог и подберёт загодя диету, направленную на такой результат.

V. КАМЕРНЫЙ КОНЦЕРТ

²⁵ Стукачи

Стукачей до невероятности много. В наших тюрьмах оперативные службы даже и не требуют выделения средств на установку аппаратуры слежения. Зачем им эта лишняя морока?! Стукачки в очередь просят, чтобы рассказать, донести – выслужить свою сигаретку, или ещё какую кроху, необходимую для жизни...

²⁶ Сборки, карантины, этапки

В таких временных местах тюремного обитания следует несколько ограничить свои контакты с окружающими, но ваше отъединение не должно быть вызывающим. Можно окутать его замкнутостью в горе – и все поймут. Не соглашайтесь на предложенный чифир, ничего не берите. Никто ведь толком не знает друг друга

в этой толкотне. Сосед может оказаться сифилитиком, а то и – скрытым петухом. Шараться не следует, но лишних контактов избегайте. При этом я говорю о телесных контактах, а контакты информационные следует, наоборот, максимально активизировать (разумеется, помня о стукачах и избегая как откровений по своему делу, так и любопытства в чужих делах). Такие места – это тюремные вокзалы. Слушайте, интересуйтесь, запоминайте. Ваша собственная беда застит вам слух, но попробуйте встряхнуться. Вокруг вас люди и судьбы. О многих вы ещё услышите и не раз, с некоторыми повидаетесь, кто-то узнает вас через месяцы или годы и поможет (в камере, на этапе, на воле). Кому-то поможете вы...

27 В камере

Так и входите в камеру. Или каким-то похожим способом. Осмотритесь. Помните, что вроде не обращающие на вас никакого внимания сокамерники в это же время внимательно вас изучают. В камере всегда есть старший. Он вам расскажет самые необходимые правила поведения. Остальное надо будет понять самому.

Выделите что-нибудь на общак – для нужд всей камеры, а на любые просьбы «подогнать» (подарить) что-то или «подогреть» чем-то можете спокойно отвечать отказом. Но можете и подогнать, и подогреть. Главное, держите себя со спокойным достоинством, но без какого-то высокомерия.

38 В камере

Вам могут предлагать какую-то помощь или какие-то услуги. Принимайте только то, что вам действительно надо в данный момент и никогда не принимайте услуги, которые вы не можете сразу оплатить. Не соглашайтесь, если даже вам говорят, ничего, мол, рассчитаешься потом. Не надо оставаться должником. Никому.

Казалось бы, вы можете купить любую помощь, но не всякую помощь следует покупать. Например, если вам предложат постирать ваше бельё, то лучше отказаться и сделать это самому. Полезней будет и ему (белью), и вам.

Вас могут сразу же пригласить в первую семейку. Лучше вам и от этого отказаться. Но это надо сделать, не оскорбляя отказом пригласивших. Вполне разумным будет привести причиной, что, мол, сейчас у вас ничего нет и вы ничем семейке помочь не можете, становясь одной лишь обузой, а когда у вас что-то появится, тогда вас отсюда, скорее всего, переведут, и значит, будет несправедливо по отношению к семейке... Придумайте, как без обид отказаться от любой совместности. Вам лучше держаться одному и чуть в стороне...

29 Стратегия защиты

Перечитайте советы, приведённые в тексте. Это модель, схема. По ней можно выстраивать конкретную баталию. Вот, например, ещё одно направление для первого войска – для тех, кто

улучшает сам закон (и завоёвывает вашу славу и популярность). В статье, где говорится о наказаниях за препятствия следствию и суду, указаны в качестве лиц, чьей работе нельзя препятствовать, и следователь, и судья, и т. д., но не указан адвокат. Это, кстати, и даёт возможность обыскивать вашего адвоката и иными способами мешать ему защищать вас. И это противоречит сути права. Исправление данной несправедливости может стать весомым пьедесталом вашей заслуженной славы.

А направляя сражения второго войска – того, что бодается с вашими преследователями за любое их упущение и нарушение, – не забывайте сами вести подробный кондуит этим нарушениям (когда, кто, что именно сделал, сказал, в чём отказал и т. д.). Но в этих сражениях не наносите ударов по рядовым исполнителям. Дубаки, конвоиры, банные и прогулочные выводные – не бодайтесь с ними. Мелочно, бессмысленно и очень портит ежеминутное существование. Вы же на воле не устраиваете каких-то битв из-за того, что швейцар что-то вроде буркнул вослед, или дворник не слишком радостно слушал ваши недовольства его работой. Вот и в тюрьме не теребите своими битвами всю эту обслугу. Они сами к вам подстроятся, всё поймут, начнут предлагать разнообразную помощь, вплоть до девочек в номер (с воли или с соседнего номера), и даже начнут обращаться на «вы». «Вы, ...ить твою! Рылом к стене! Пожалуйста...»

Кстати, в тюрьме привычное «вы» не действует. Тюрьма со всеми на «ты». Так что и вы лишнего не «выкайте».

³⁰ *Защита*

Никакой мистики. Я серьёзно. Наши желания действительно способны менять реальность. Только это должны быть жизненно необходимые желания. Так что вам нужен друг. Нужен уже сейчас. Нужен больше, чем все ваши доходные дела. Неужели до сих пор не поняли этого?!

Кстати, мобилку и вправду нетрудно пристроить в любую технику, которая пойдёт к вам. Пусть она будет для экстренной связи, когда вам что-то срочно понадобится. Пусть даже для односторонней – от вас кому-то на всегда включённую запись. Нажимаете какие-то кнопки на телевизоре и совершенно открыто говорите – эх, мол, сейчас бы того-то и того-то и – отбой...

Предусмотрите и возможность такой просьбы в обычном письме. Писать по какому-то заранее обговорённому алгоритму, например, по типу того, как на лекции следователя описана взрывная запись в чистосердечных показаниях...

³¹ *В камере*

Вот таких словечек не надо. Совсем. Даже если их роняют другие, сами никогда не употребляйте никакой обыденной у нас брани. Кстати, если другие употребляют, следите, чтобы такие словечки ни с какой стороны не относились к вам.

Следите за словами. Не попадайтесь на провокации, когда пытаются поймать на слове, но помните, что за слова надо отвечать. Вам вдруг может попасться камера довольно тупорылых обитателей, вы там можете что-то сгоряча сказать, и камера вдруг молвит: «мужик сказал, – мужик сделал». То есть камера требует, чтобы ваши слова вгорячах стали реальностью, иначе вы – не мужик. Ситуация дурацкая и тупиковая. А если вы сказали, что готовы убить такого-то? А если этот такой-то – следователь или начальник тюрьмы?..

Следите за собой. Никакого мата, никаких оскорблений, никаких намёков или тени намёков на то, что кто-то мог иметь какие-то неправильные контакты с половыми органами или с людьми, имевшими такие неправильные контакты. Всё это вообще исключите из обсуждений и любых интерпретаций. Кстати, правильный контакт в том, чтобы только своим половым – куда положено, и более ничем не дотронуться ни в коем случае – даже пальцем. Ну, это и понятно – пальцы ведь всегда веером. (Я не смеюсь, я – практически – рыдаю.)

Требуется краткое пояснение. Все эти пещерные нравы тоже опираются на тюремные понятия, о которых я ранее писал достаточно благожелательно. Как же увязать справедливую основу этого тюремного кодекса с такими вот практическими его следствиями?

Тюремные понятия – это как бы устная законодательная и нормативная база. Можно про-

вести аналогию с законодательной и нормативной базой государства. Там есть Основной закон (Конституция), Федеральные законы, подзаконные акты, множество разнообразных ведомственных приказов. Причем не все они располагаются в том же русле справедливости, которое определяется Конституцией.

Например, по основному закону прописка отменена, а на деле она существует под уклончивым наименованием регистрации. При этом прописка не является уведомительной процедурой, когда гражданин просто посылает своё желание в какую-то инстанцию, где сообщает, что он находится по такому-то адресу и можно его там зарегистрировать. Ему приходится тратить время (немалое), нервы и силы на сбор всевозможных документов, на очереди, и при этом его прошение о регистрации не обязательно будет удовлетворено.

Вы пробовали потрясать Конституцией и не проходить эту унижительную процедуру? Мне известен только один случай. Кириёныш, будучи премьером страны, заявил, что он не будет регистрироваться по принципиальным соображениям, так как он чтит Конституцию. Мол, можете приезжать и наказывать. Вот так смело премьер выступил на защиту Конституции от несправедливых интерпретаций. Очень смешно. И очень противно, потому что на достаточно могущественном месте премьера он ни хрена не сделал, чтобы устранить сами эти интерпретации...

В общем, в тюремных понятиях тоже есть свои подзаконные и нормативные требования, регламентирующие поведение арестантов и не соответствующие уровню справедливости, которую эти понятия призваны защищать.

³² В камере

Не давайте тюрьме затянуть себя в мёртвое время. Приготовьте заранее план регулярных занятий для ума и души. Мы про это уже говорили.

Вас только что закрыли? Сейчас у вас нет условий? Нет нужных книг? Ерунда. Голова при вас. Начинайте приводить в порядок мысленный подробный список нарушений, которые на вас обрушились, и запоминайте этот список назубок для передачи адвокату. Составляйте список необходимых вам вещей и тоже – назубок. А потом напишите стихи жене, детям. Заслонитесь...

³³ Тактика защиты

Пример в тексте для того, чтобы разбудить вашу фантазию. Разбудите её раньше и приготовьте несколько забавных сюрпризов.

Вообще, полезно заранее навести справки о ваших возможных преследователях. Они же покупают машины, строят загородные дома, ремонтируют квартиры, и всё это, как правило, у тех же фирм, с которыми и вы сотрудничаете по таким же поводам.

Представьте, что ваш следователь получает копию вашего письма на имя его начальника, и

там говорится, что вас преследуют за то, что вы отказали в наглом вымогательстве взятки. Мол, раньше, когда было не так нагло, – вы соглашались и платили. Это можно проверить. Например, вы можете подсказать, как опознать тот кирпич в стене следователского дома, в котором спрятана капсула с указанием, что все эти кирпичи предоставлены в виде взятки. Или – аналогичная гравировка есть на определённой детали его машины, или – на обратной стороне зеркальной стены в его квартире. Кстати, такие шутки нетрудно ушутить. А можно, чтобы письмо было не на следователя, а на его начальника и – начальнику повыше. Даже если результатом будет то, что следователь разобьёт все свои зеркала, – уже приятно. Война – дело серьёзное. А можно ведь только намекнуть про это и договориться о мире.

Это уже для действий вашей третьей колонны – ваших спецвойск, которые всегда и всюду должны предлагать выгодные и очень выгодные условия для мира. Разбудите фантазию...

³⁴ *В камере*

Это абсолютное правило. Никогда не справлять нужду, когда камерное большинство ест. Когда кто-то один жуёт, его можно попросить прерваться. Но когда большинство в хате ест – терпите. Как бы ни было трудно – терпите. Если совсем не вмоготу – попросите прервать еду, но понимайте при этом, что вам оказывают большое одолжение.

³⁵ *В камере*

В самой неприятной ситуации, когда неизбежна драка, – надо драться. Но никогда не бейте противника ногами. Ногами бьют петухов, и, ударив ногой, вы обошлись с противником как с петухом. Теперь ему для очищения от оскорбления нужна ваша кровь и, может, ваша жизнь. Значит, и вам – один выход. Драться до смерти (его или своей), или – до бессознания...

Не пускайте в ход ноги.

VI. ПОБЕГ НА РЫВОК

³⁶ *Побег*

На самом деле в законе описан и оговорён соответствующими санкциями побег арестованного, побег из-под стражи и побег отбывающих наказание. О побеге задержанного там ничего нет и, значит, строго по букве закона – нет и преступления. Но рассчитывать на это упущение законодателей не стоит.

³⁷ *Счастливого пути*

Впереди следствие, суд, конвои, этапы, лагерь или лагерь. Там много своих особенностей. Но это чуть другой ландшафт того же топкого болотного тюремного мира. Если вы научились держаться в одном уголке этой топи, если поняли, как эта трясина перелепливает в себя людей, если вам удалось остаться человеком, сохранить своё достоинство и свою душу, то вы уже знаете, как не потонуть – топайте дальше. Помогите вам Бог!..

Содержание

I. Кирпич на голову	5
II. Игра в «Тюрьму»	49
III. Муравьиная песня	93
IV. Може бой	137
V. Камерный концерт	190
VI. Побег на рывок	254
Советы. Рекомендации. Предостережения	
<i>Примечания, составленные Н. Ефремовым</i>	321

Наум Ним

ПАССАЖИРЫ

Редактор В. Топоров. Художественный редактор А. Веселов. Корректор Е. Коваленко. Компьютерная верстка О. Леоновой.

Лицензия ИД 05808 от 10.09.01.
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953900 – художественная литература.

Подписано в печать 5.04.06. Формат 76 x 92¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5. Тираж 2000 экз. Заказ 2399.

ООО «Издательство «Лимбус Пресс». 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 14. Тел. 712-6706. Отдел маркетинга: тел. 575-09-63, факс 712-67-06.

Тел./факс в Москве: (495) 648-1072, 648-1073.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906». 195299, С.-Петербург, ул. Киришская, 2. Тел.: 531-20-00, 531-25-55.

**Книги издательства «Лимбус Пресс»
вы можете заказать на сайте
www.limbus-press.ru**

ЛИМБУС ТИЕН

КНИГИ ДЛЯ ТЕБЯ И ПРО ТЕБЯ

Новое направление **Лимбус Тeen** – книги о юношестве и для юношества, зачастую молодыми людьми и написанные, с характерной тематикой и проблематикой. Начатый «Лимбусом» в свое время и ставший успешным проект «Денежкина и К^о», в рамках которого издавались произведения юных авторов, шагнул за пределы России. Сейчас в проекте **Лимбус Тeen** мы планируем издать яркие, откровенные, провокационные, неожиданные романы о мире подростков и молодежи Америки, Франции, Италии и Германии.

ЛИМБУС ТЕЕН

КНИГИ ДЛЯ ТЕБЯ И ПРО ТЕБЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“ЛИМБУС ПРЕСС”
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Джо Мено СДЕЛАЙ ПОГРОМЧЕ

Перевод с английского

Мир плох. У Брайана Освальда полно проблем. Он старшекласник, он тайно влюблен в толстуху Гретхен, он учится в католической школе для мальчиков, и у него все время стоит. Он слушает хэви-металл и панк-рок и любит петь в церкви. Перед ним неразрешимые вопросы: как понравиться девчонке, как покрасить волосы в розовый цвет, где взять денег, с кем пойти на выпускной, но главное – как стать самим собой.

Со страниц книги звучит подлинный, узнаваемый голос подростка – пожалуй, впервые со времен «Над пропастью во ржи». Если вы все еще думаете, что детство и отрочество – прекрасная пора, – знакомьтесь с Брайаном.

«Джо Мено пишет искренне и отчаянно – так, как поются лучшие панковские песни. Невозможно оторваться, пока не дослушаешь до конца».

Chicago Sun-Times

«Эта книга чертовски хороша. Прочитав ее, я думаю: слава Богу, что мои старшие классы позади».

Venus

ЛИМБУС ТИЕН

КНИГИ ДЛЯ ТЕБЯ И ПРО ТЕБЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“ЛИМБУС ПРЕСС”
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Фаиза Гэн ТУДА-СЮДА

Перевод с французского

Критики незамедлительно сравнили книгу девятнадцатилетней француженки Фаизы Гэн с «Дневником Бриджит Джонс». Действительно, в легкости, юморе и самоиронии Гэн не откажешь. Но только главной героине-рассказчице Дории – смеси подростковой неуверенности, напускной храбрости и нежности – есть о чем побеспокоиться помимо сигарет, калорий и мужчин. Марокканка, она живет в Париже с неграмотной матерью, перебиваясь с хлеба на воду. Ее отец сбежал обратно в Марокко, где женился во второй раз – очень хотел наследника. Дория живет, наблюдает и рассуждает. И хотя, конечно, нищета, неравенство и расизм – не предмет комедии, у Дории получается невероятно смешно. Если не задумываться.

Фаизе Гэн девятнадцать лет, по происхождению она алжирка, живет Париже. Она учится в колледже, пишет сценарии для телевидения и мечтает заняться политикой. Ее роман «Туда-сюда» стал международным бестселлером.

ЛИМБУС ТИЕН

КНИГИ ДЛЯ ТЕБЯ И ПРО ТЕБЯ

В издательстве «Лимбус Пресс»
готовится к выходу:

Федерико Моччиа ТРИ МЕТРА НАД НЕБОМ

Перевод с итальянского

Восемнадцатилетний Стэп и пятнадцатилетняя Баби определенно не созданы друг для друга. Она – образцовая ученица из хорошей семьи, проживающей в фешенебельном районе Рима. Он – перекати-поле, бездельник и негодяй. Их встреча случайна, и это далеко не любовь с первого взгляда. Однако мало-помалу они оказываются втянуты в историю, намного более запутанную, чем кажется. Родители Баби в ужасе, а Стэп скрывает тайну, которая изменит все самым неожиданным образом.

Роман, ставший культовым среди итальянских подростков и повергнувший в шок их родителей: так вот, оказывается, чем занимаются их дети после того, как прозвонит звонок с урока!

ЛИМБУС ТЕН

КНИГИ ДЛЯ ТЕБЯ И ПРО ТЕБЯ

В издательстве «Лимбус Пресс»
готовится к выходу:

Яна Шерер МОЙ ОТЕЦ, ЕГО СВИНЬЯ И Я

Перевод с немецкого

*Когда я рождалась, мой отец охотился на медведя-гризли.
– Совсем один? – спрашивала я отца всякий раз, когда он
рассказывал мне эту историю.
– Совсем один, – говорил отец, – ведь мама была в больнице.*

Вот так Яна Шерер рассказывает историю жизни, составленную из чудных эпизодов. Эта жизнь кажется полной приключений. С необычной фантазией и черным юмором, а также неподражаемым тоном, лихо заломленном набекрень, она все ставит с ног на голову в буднях обыкновенной семьи в Западном Берлине.

Сквозь уютные, привычные, мирные фасады так и прорываются странности: арендованная свинья, считает отец, будет способствовать семейной гармонии; модель «пенсионного обеспечения» приводит к коварному плану бросить нежеланного пенсионера на Мальорке во время семейного отпуска; отец нанимает для своей дочери дублера взамен бросившего ее друга в полной уверенности, что она не заметит подмены; автор бульварных романов в отчаянии из-за творческих кризисов. И рассказчица – лишь с виду наивная – всегда умеет неожиданным поворотом укротить абсурд своего времени.

Яна Шерер родилась в 1978 году в Бохуме, в Потсдаме изучала германистику, американистику и средства массовой информации. «Мой отец, его свинья и я» – ее первая книга.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"Лимбус Пресс"

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ ВЫПУСК I

Антология прозы двадцатилетних ровесников Ирины Денежкиной при ее участии. Составленный Денежкиной сборник включает в себя роман Лилии Ким «Аня Каренина», повести Анны Сергиевской «Муравейник», Ирины Табуновой – «Заочная красавица», Ника Лухминского – «Мемуар двадцатилетнего». Остросоциальная сатира («Аня Каренина» и «Муравейник»), «производственное» повествование («Заочная красавица»), road-story («Мемуар двадцатилетнего») – не внушающий оптимизма, но репрезентативный и точный портрет огульно названного «безъязыким» поколения.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“Лимбус Пресс”

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ

ВЫПУСК 2

Из всего многообразия молодежной прозы мы выбрали и поместили под эту обложку самые экстремальные тексты. Практически эта книга о кровавой войне, которую сегодня ведут между собой скины, рэперы, панки, мажоры, отцы, сыновья, дочери, матери, влюбленные и возлюбленные, — не разбирая возраста и пола. Денежкина отдыхает.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“Лимбус Пресс”

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Издательство «Лимбус Пресс» с гордостью представляет российскому читателю четырехтомный проект **САЛМАНА РУШДИ** – известного современного британского писателя, лауреата практически всех возможных литературных наград, одного из немногих, кому еще при жизни удалось занять место в пантеоне великих:

«ДЕТИ ПОЛУНОЧИ»

(декабрь 2005),

«ГАРУН И МОРЕ ИСТОРИЙ»

(апрель 2006),

«ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ МАВРА»

(декабрь 2006),

«ЗЕМЛЯ ПОД ЕЕ НОГАМИ»

(февраль 2007)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“Лимбус Пресс”

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Салман Рушди
ДЕТИ ПОЛУНОЧИ

Роман «Дети полуночи», написанный в 1981 году, принес Салману Рушди – самому знаменитому индийцу, пишущему по-английски, – мировую славу. В 1993 году книга была признана лучшей из всех, получивших «Букера» за 25 лет. Именно «Дети полуночи», а не скандально знаменитые «Сатанинские стихи» попали в список лучших книг века, составленный газетой «Гардиан».

Салмана Рушди можно по праву назвать одним из величайших современных рассказчиков.

Observer

Невероятно, живо, захватывающе... Это во всех смыслах фантастическая книга.

Sunday Times

В «Детях полуночи» целая нация обрела свой настоящий живой голос.

New York Times

Великолепный роман, вы полюбите эту книгу.

London Review of Books

ЛИТЕРА

Водо
ЛИТЕРА

Преуспевающий провинциальный предприниматель в результате нелепого стечения обстоятельств попадает в тюрьму. Дело поручено «раскрутить» новому следователю, временно сосланному в глубинку, чтобы пересидеть столичный скандал, в котором он принял невольное участие... И всё-таки роман не об этом. Трагикомичная история разворачивается в драматическую мистерию о главном и вечном – «о жизни, смерти, Боге и любви».

Наум Ним – главный редактор журналов «Индекс» и «Неволя», писатель, не уходящий совсем в сторону от своей излюбленной тюремной темы. Поэтому его роман «Пассажиры» можно, в частности, читать и как своего рода пособие по оптимальному (а главное – достойному) поведению на допросах или в тюремной камере.

ISBN 5-8370-0429-7

9 785837 004292

www.limbus-press.ru

МЕНДИС
2000